

Владимир Саяпин

Цена

вздоха

Annotation

Что может заставить колдунью и волшебника, идущих к чёткой цели, вдруг прервать своё путешествие? Ничто, кроме загадки, которую никто другой не сможет даже заметить.

Глава 1 — Летающий медведь

Лес привычно молчит. Он замер в напряжении. Тихо вдруг захрустит ветка, дунет ветер, разогнав шелест с верхушек деревьев, или внезапно рванет куда-то испугавшийся зверек. И всюду незримо бурлит жизнь, пока усыпанная преющей листвой земля, давно забывшая людские следы, легко проминается под маленькими кожаными сапожками.

— Я и пальцем не пошевелю. — Звучит непривычный лесу, спокойный, уверенный женский голос. — Три дня буду только есть и спать, пока не....

— Тихо. — Вдруг перебивает хриплый, усталый, старческий, мужской голос. — Не забывай, лес мы еще не прошли и легко можем на что-нибудь наткнуться.

Очень высокий, широкоплечий, немного горбатый старик медленно оглядывается вокруг. Он говорит и двигается так неспешно, что ненароком придает глубину каждому своему движению. У него чистые, белые глаза, ослепительная седина, большие, серые, выделяющиеся зрачки, но живой, подвижный взгляд, и все это придает лишь больше холодности его суровому виду.

На старике длинная, плотная ряса, а ее серый цвет легко выделяется на желто-красном покрывале осенней листвы. Пальцы на его ладонях длинные, большие, покрытые седыми волосками. Широкий капюшон лежит без дела на спине, а подол рясы опускается почти до земли, не давая разглядеть даже обувь.

Старик продолжает идти, а его спутница в черном платье встает на месте, скрестив руки, и молча глядит старику вслед. Уголок ее рта сворачивается слабой дугой улыбки, а одна из бровей немного приподнимается.

— Можешь ты хотя бы говорить о чем-нибудь кроме этого чертового леса? — Спрашивает женщина.

Старик оборачивается, взглядывает на спутницу и вдруг устало вздыхает.

— Как всегда ты торопишься. — Говорит он, увидев, что спутница остановилась. — Мы почти вышли.

Но обернуться и сделать шаг он не успевает.

— Ох, старик, какая же, наверное, мучительная у тебя жизнь. — Заговаривает женщина, не двигаясь с места.

И старик возвращает к спутнице взгляд, слегка поджав губы. Она стоит, вытянув голову и отвернувшись, руки держит скрещенными на груди, высокий воротник окутывает ее стройную, длинную шею, а рукава плотно облегают тонкие руки. От яремной ямки и почти до низа груди широкий вырез обнажает теплый цвет светлой кожи. А узкая талия плавными линиями переходит в круглые бедра, с которых платье ниспадает черным полотном. Волосы женщины собраны под шляпу с широкими краями, сдвинутую на затылок. Сплюснутый конус головного убора прижимается к макушке, а большие поля укрывают лицо слабой тенью. И плавные черты тонкого подбородка, и налитые, пухлые, большие губы, и тонкий, стройный и длинный нос, и даже пышные, но маленькие и аккуратные брови — все черты ее лица таят собственное очарование, ничуть не оттеняя общей красоты. Обрамленное чернотой волос и одежд, светлое лицо приманивает взгляд, и даже в порыве злобы, обиды или гнева нельзя не признать неповторимого обаяния этой женщины.

— У тебя же кругом всегда одни проблемы. Как только мы выйдем из леса, — продолжает женщина, — появится новая. Оглянись. Это уже не тот лес, мы же почти на

окраине. Кого ты тут боишься встретить? Испуганного волчонка?

Старик хмурится, взгляд не уводит, глядит строго. А терпения его спутницы хватает лишь на миг ожидания.

— Честное слово, твоя серьезность мне надоела. — Заговаривает женщина тише, и ее голос мгновенно становится приятно сладким и тягучим. — Ведешь себя, как трус. Надоел.

Старик продолжает смотреть на женщину, а она остается стоять в той же позе, сохраняет хитрое, уверенное выражение, держит приподнятым уголок рта, а на ее щеке держится маленькая, но заметная ямочка.

— Через несколько дней мы выйдем из леса. — Говорит старик тихо, ровно, не украшая речь яркими интонациями.

Но только он заканчивает, как улыбка на лице женщины становится чуть ярче. Уголок губ поднимается еще немного, а ямочка на щеке становится глубже. И старик, заметив это выражение, тихонько вздыхает.

— Давай, не сейчас. — Говорит он. — Ты же не собираешься....

— Предлагаю выяснить все прямо сейчас! — Звонким голосом перебивает женщина.

— Не сейчас. Нам некогда....

Но спутница не дает себя остановить. Она уводит руку в сторону и указывает на густые заросли кустарника, не дожидаясь, когда собеседник договорит.

— Десять шагов! — Продолжает женщина, не смущаясь глубокого выреза на пышной груди. — Я пройду десять шагов в эту сторону, и если что-нибудь случится, то ты победил.

Старик набирает воздуха и немного выпрямляется, продолжая смотреть в глаза спутницы, отчего выражение на его лице выглядит строже.

— У нас нет времени на твои игры. — Отвечает старик громче. — А теперь идем. Наш путь лишь длиннее от твоих капризов.

Старик разворачивается и уже собирается идти. Но женщина остается на месте. Она немного сдвигает брови, и улыбка перестает казаться радостной, а ее ярко-желтые глаза делают выражение еще красноречивей и ничуть не портят красоты.

— Всю жизнь так. — Продолжает женщина, скрестив на груди руки. — Можно хоть немного веселья? Разве это так сложно?

Старик оборачивается.

— Как выйдем из леса....

— Мы и так почти вышли. — Незамедлительно перебивает спутница. — Я сделаю ровно десять шагов. И если мне на пути попадется хотя бы маленькая змейка, то будем считать, что победа за тобой.

Старик в ответ молчит, но женщина продолжает улыбаться с тем же выражением, выпучив завораживающие, большие яркие, горящие золотом глаза.

— Или так, или в северные царства иди сам, а я лучше тут подожду. — Говорит женщина, слегка повернув голову, но глазами продолжая следить за нахмурившимся стариком.

И старик поддается, чтобы не тратить из-за споров еще больше времени.

— Ладно. — Опускает он на миг глаза. — Но тебя же не устроит, если я признаю поражение?

— А ты уже готов сдаться?

Старик усмехается.

— В десяти шагах ты ничего не найдешь. — Говорит он. — Но давай закончим с этим

быстрее.

— Так не пойдет. — Говорит женщина тише, и улыбка медленно сползает с лица старика. — Это даже не интересно. Проигравший будет исполнять все указания победителя. Хотя бы, пока мы не выйдем из леса.

Старик даже удивленно раскрывает глаза.

— По-твоему, это достаточно честные условия, чтобы я согласился?

Горящими ярким золотом глазами, женщина продолжает смотреть, но улыбка на ее лице становится шире. Наконец, она не сдерживает порыв, и пухлые губы размыкаются, вытягиваясь и открывая ровные ряды больших, белых зубов.

— Разумеется, нет. — Наклоняется она, не подступая ближе. — Изменим условия. Я пройду десять шагов с закрытыми глазами. И если хотя бы поцарапаюсь или споткнусь, то ты победил.

Старик не торопится с ответом, но подумав, соглашается.

— Даже не буду пытаться тебя разубедить. — Отвечает он, глядя на довольную улыбку спутницы. — Ладно. Но мы должны продолжать идти. Это главное условие.

Женщина сразу оживляется, на миг даже становясь похожей на ребенка. Но ни широко распахнутые глаза, ни радостный блеск в ярко-желтых зрачках, ни искренняя, открытая улыбка и детская радость не лишают женщину зрелого очарования.

— Наконец-то! — Воскликает она. — Готовься меня повеселить, старик! Десять шагов!

И тянуть женщина даже не пытается. Радостно, с улыбкой, напевая под нос какую-то мелодию, она закрывает глаза и начинает шагать.

Старик молчит и только смотрит. Он выглядит напряженным со своей хмуростью, ввевшейся в черты лица, и следит, как спутница идет к зарослям кустов размашистым, бодрым шагом. На третьем, женщина заносит ногу над заросшим мхом, разваленным, старым пнем, и взгляд старика вмиг опускается к земле. Но тонкая, длинная нога в кожаном сапожке опускается на землю рядом с ветхим, незаметным пнем, и женщина спокойно идет дальше.

Сделав десять шагов, она встает на месте, открывает глаза и разворачивается, слегка подпрыгнув и зависнув на миг над землей.

— Ха! — Воскликает женщина, скрестив на груди руки. — Победа за мной, старик.

— Да-да. — Легко соглашается он, взмахнув рукой. — А теперь идем. Помнишь мои условия? Нам нужно продолжать путь.

И он тут же разворачивается, ни капли не разочарованный поражением, а вот его спутница расстроено вздыхает.

— С тобой даже выигрывать скучно. — Кладет она одну руку на бедро, изящно жестикулируя другой. — Неужели так сложно хотя бы притвориться, что у тебя есть какие-то чувства?

— Чувства? — С легким удивлением говорит старик. — Какие чувства?

— Очень смешно. — Недовольно щурится женщина. — Я сдаюсь, а теперь идем. Пф Так и знала.

Старик только едва заметно улыбается, но ничего не говорит. Его спутница уже и сама готовится пойти следом, но отведя взгляд, замечает вдруг на земле маленький, темно-фиолетовый цветок, едва заметный на ковре прелых листьев.

Старик останавливается, сделав пару шагов, поворачивается и видит, как спутница удивленно разглядывает что-то на земле, присев на корточки. И как раз в этот миг она

поворачивается к нему.

— А что ты на это скажешь? — Улыбается женщина, прижимая локти к телу, наклонившись вперед и все еще сидя на корточках. — Это же не просто цветок?

Старик молчит, и его взгляд кажется все строже.

— Да брось! — Опускает женщина плечи, вытянув шею и повернув голову слегка на бок, после чего снова улыбается, опуская глаза к цветку. — Взгляни. Что это?

Старик вздыхает, но вместо того, чтобы повторять одно и то же, решает не спорить и молча идет к спутнице. Встав рядом, он присматривается, а через миг изумленным взглядом уставляется на женщину, наклоняется все ниже и присматривается старательней. И спутница всего через несколько мгновений не выдерживает ожидания, видя такой неподдельный интерес в глазах старика.

— Ну, что?

— Похоже, это лесной амалит.

— Бла-бла. — Отвечает женщина сердито. — Что это значит?

— Довольно редкий цветок. — Спокойно говорит старик. — Если, конечно, я ничего не спугал.

Женщина сразу начинает улыбаться и еще сильнее прижимает локти к телу, держа ладони на согнутых коленях.

— Редкий? — спрашивает она, чуть прищурившись. — Значит, ценный?

— Да, довольно ценный, но, — поднимается старик, — ты не спеши радоваться. Даже один цветок можно хорошо продать в северных царствах. Этот цветок сложно найти. Но дело в том, что еще сложнее отыскать того, кто его купит.

— Цветок же редкий! — недоумевает женщина. — И что, никто не захочет взять его хотя бы за полцены?

Но старик уже теряет интерес и начинает поворачиваться.

— Удивительно, что именно ты нашла этот капризный цветок. — Улыбается старик, медленно шагая в сторону.

— Капризный? И чего же тут удивительного.

— Да, капризный. — Повторяет старик, не останавливаясь. — Так переводится его имя с языка древних. Он проявляет силу и слабость, будто по желанию. Одно и то же зелье он может заставить исцелять или проклинать. А потому мало тех, кто отваживается его использовать. И еще меньше таких, кто может воспользоваться его силами. Вот поэтому цветок редкий и дорогой, но отыскать для него покупателя вряд ли удастся. А теперь идем, твои капризы достаточно нас задержали.

Старик разворачивается и начинает идти, а его спутница продолжает разглядывать необычный, темно-фиолетовый цветок. Но через миг она отрывает ладони от колен, поднимается, делает легкий, быстрый и изящный взмах ладонью, и у цветка над землей со свистом проносится острый ветер.

Старик мгновенно останавливается и поворачивает голову. На его глазах, быстрый и внезапный порыв ветра срывает цветок и поднимает вверх, аккуратно роняя в ладони женщины.

— Чего? — спрашивает она с улыбкой, заметив молчаливый и пристальный взгляд старика.

Но он молчит и ждет, когда спутница подойдет ближе.

— Что? — Повторяет она, сделав несколько шагов и встав рядом.

Старик вздыхает, продолжая хмуриться.

— Глупо тратить силы на бездумные игры.

— Хм? — Наклоняется женщина ближе, хитро щурясь. — А знаешь, о чем я думаю?

Если бы я не предложила этот нелепый спор, то не нашла бы этот твой самый редкий цветок.

— Не самый редкий.

— Какая разница? Один из редчайших цветов этого....

— Далеко не редчайший. Редкий, но не более.

Женщина сердито фыркает, даже не пытаясь сдерживаться, но не отвечает. А после выдоха на ее лице тут же появляется спокойная, немного хитрая и потому загадочная улыбка.

— Как бы там ни было, — говорит она тише, игривым шепотом и наклоняя голову все ближе к капюшону старика, — похоже... в этот раз... победа за... мной.

Но едва последний звук слетает с ее полных губ, как по лесу разносится яростный, злой рык. Из кустов в двух шагах даже выныривает испуганная белка, ждавшая момента, чтобы незаметно пересечь лужайку, но ни старик, ни его спутница не замечают, как она пронесется молнией по стволу дерева. Оба они глядят вперед спокойно и внимательно, пытаясь отыскать глазами зверя крупней, того, кому принадлежит этот мощный рык, пронесшийся громом посреди лесной тишины, но за плотной стеной деревьев нельзя разглядеть ничего дальше десятка шагов.

— Нам лучше идти. — Решает старик.

И тут же, обернувшись к спутнице, он замечает вспыхнувшее в ее глазах пламя любопытства.

— Мы должны узнать, что там! — Хватает женщина старика за руку, сразу начиная тянуть его вперед и не давая времени хотя бы возразить. — Кто знает, что могло случиться?! Быстрее!

Старик перехватывает спутницу и подтягивает к себе. А стоит посмотреть в ее горящие ярким золотом глаза, как они завораживают, и старик ничего не успевает сказать. На лице женщины пробивается несдержанная улыбка, и скрыть ее при всем старании никак не выходит.

— Идем! — Говорит она с тем сумасшедшим выражением, которое всюду преследует ее безразмерный интерес. — Наверняка, охотники! Хоть что-то интересное! Идем же!

Женщина продолжает тянуть, и старик, вздохнув, позволяет себя увлечь. Новый яростный рык звучит где-то недалеко, и колдунья, держа старика за руку, легко взмывает с ним в небо, укрытое пышными кронами высоких деревьев.

Сердитый рык быстро разгоняет по округе мелкое зверье. Спасаясь от неудержимого страха перед яростным ревом опасного соседа, почти все вокруг замирает. Звери прячутся в норах и дуплах, птицы — в кронах, но, кажется, будто даже стволы деревьев замерли, и листва перестала опадать с полуголых ветвей осеннего леса.

Колдунья же улыбается. Небрежно усадив спутника на ветвь, с которой он чудом не сваливается, она легко и непринужденно опускается рядом, ближе к стволу массивного дерева. Старик, с трудом поймав равновесие, лишь бросает на спутницу взгляд, полный сердитого недовольства, но уже вновь раздается громкий рык, и тут же происходящее внизу отнимает все внимание.

С такой высоты даже за редкими ветвями мало что удастся рассмотреть. Видно лишь,

что какой-то несчастный угодил в лапы разъяренного медведя. Зверь еще не успел наброситься и разорвать бедолагу, но как раз приготовился это сделать.

Старик мгновенно забывает о недовольстве и вновь обращается взглядом к спутнице. Только она заговаривает раньше.

— Похоже, ничего интересного. — Говорит она спокойно. — Я думала, удастся посмотреть, как охотники....

Только мгновение утекает, и драгоценное время тратится без толку.

— Хватит. — Быстро проговаривает старик.

Его голос звучит напряженно, но размеренно, слова рождаются стремительно, пытаюсь догнать ускользающее мгновение и проскальзывает в оттенках звуков неявная тревога.

— Не сейчас. — Продолжает старик без пауз. — Помоги ему. Быстрее.

Колдунья остается спокойна. Она слегка прищуривается, а уголок ее рта слегка приподнимается вверх, и в горящих золотом глазах, прикрытых веками, снова начинает пылким цветом играть хитрость, неискоренимая из очаровательных черт колдовского лица.

— Живее! — Не удерживается старик, так и не дождавшись, когда спутница повернет голову. — Ты знаешь, что я не успею.

Но женщина в ответ лишь закатывает глаза и уже начинает отворачиваться.

— Встретить в этом лесу всего лишь обычного медведя, а не кого похуже — это уже везение. — Заговаривает она, не глядя вниз. — А к тому же, его жизнь все равно ничего не стоит. С какой стати мне....

Но старик вдруг хватается женщину за руку, другой рукой вцепившись в торчащую ветвь, и подтягивает колдунью к себе так резко, что улыбка на ее лице тут же рассеивается. От такой внезапности в чертах колдуньи проявляется случайный испуг, и она уставляется на сердитого и хмурого старика, выпучив красивые, ярко-золотые глаза.

— Быстрее! — Велит он сердитым тоном.

И женщина с недовольством вздыхает. Снова опустив веки, слегка насупив брови, она медленно отстраняется, а после с неприязнью одергивает руку.

— Ладно... в этот раз. — Говорит колдунья по-прежнему спокойно, ничуть не беспокоясь. — И не смей мне приказывать.

Старик глядит вниз, прищуривается, но может разглядеть мало. Несчастный, попавшийся жестокому зверю на пути, из последних сил отвоевывает у медведя драгоценные мгновения. Он все не желает сдаваться, бросается в медведя всем, что попадет под руку, но только злит животное, а все равно не хочет молча принять не самую худшую участь, какую мог найти в этом проклятом лесу.

— Быстрее! — Торопит старик, прошипев, со стиснутыми зубами.

И колдунья, недовольно фыркая, заваливается вперед и бросается вниз, падая вниз быстрее камня.

Внизу продолжается борьба. Мальчишка, лет тринадцати на вид, прижавшись к дереву только и может, что испуганно глядеть на разъяренного медведя, бросаясь ветками, землей и всем, что попадет под руку. И зверь не медлит, поднимая лапу и готовясь прибить ребенка.

Мальчик лишь крепче сжимает в руках плетеную корзинку, набитую какой-то травой и цветами. Между ним и зверем уже остается всего пару шагов, когда мальчик резко меняется в лице. В последний миг он исполняется яростной решимости, хватается с земли попавшийся под руку камень и бросает в зверя. Камень больно ударяет медведя по носу, но тот лишь чуть встряхивает головой, после чего рычит лишь еще злее. Новый, мощный рык и яростный

взгляд животного бьют в лицо вонью животной пасти и чистым, парализующим ужасом. Отвратительный запах становится лишь дополнением к пугающей силе звериного голоса, но все мысли теперь лишь об одном: больше зверь тянуть не собирается.

Однако едва медведь перестает рычать, как перед ним внезапно появляется женщина. Колдунья падает так резко, что даже грозный зверь растерянно отшатывается назад. А женщина с улыбкой, спокойно и легко опускается на ноги, видя, что медведь замер, и спешить уже нет нужды. И тогда колдунья, хитро улыбаясь, небрежно взмахивает рукой.

— Кыш. — Говорит она растерявшемуся зверю, но тот не шевелится. — Кыш. Ну? Давай, иди отсюда.

И словно этого достаточно, колдунья тут же начинает оборачиваться. Впрочем, она успевает лишь немного повернуть голову, как медведь стряхивает испуг, шире расставляет передние лапы и снова рождает громкий, пугающий звериный рык.

Мальчик только изумленно таращится, не решаясь двинуться, или хотя бы моргнуть. Колдунья и теперь остается безмятежна, когда зверь, вперившись в нее яростным взглядом, теряет интерес к мальчику и обращает весь свой гнев уже на нее. Женщина, недовольно вздыхая, снова взглядывает на зверя, и слегка наклонив корпус вперед, уперев одну руку на бедро, открывает рот и вскрикивает, рождая в ответ на медвежий рык хриплый, громовой рев.

Звон нежного женского голоса первым касается слуха. Но вслед за ним с уст колдуньи срывается хриплый бас, стремительно разрастаясь и прокатываясь по округе волной бурного грома. Словно яростный клич безликого чудища из глубин черноты. Мальчик за спиной колдуньи вздрагивает и чуть не подскакивает, ощутив, как земля отвечает на голос женщины дрожью.

Коричневая, прелая листва под ногами колдуньи, словно даже ее бездушной сущности не удастся избежать ужаса перед жутким громовым звоном колдовского голоса, мелко дрожит, но едва колдунья замолкает, как тут же все пропадает. Женщина перестает кричать, выпрямляется, отводит голову назад и с улыбкой взглядывает на ошеломленного медведя, но вдруг снова резко наклоняет к нему голову и снова взмахивает рукой.

— Кыш!

Зверь боязливо пригибает голову, поддавшись на миг испугу, но продолжает смотреть на маленькую в сравнении с ним женщину. Еще мгновение, и его морда начинает снова обретать звериные черты, как только страх ослабевает и начинает таять в жарком пламени животного гнева. Медведь снова поднимает голову. Оправившись, зверь становится только злее. С серьезной мордой, он медленно поднимается, встает на задние лапы, и, разинув пасть, рычит с такой силой, что зловонное дыхание пробирается даже к носу замершего в недоуменном изумлении мальчика за спиной колдуньи.

Но женщина и теперь остается спокойна.

— Ах так? — Говорит она, дав векам опуститься ниже и укрыть золотые глаза.

На лице колдуньи вновь появляется обаятельно хитрое выражение, но зверь не собирается дожидаться ее следующего шага. Сразу же он заносит лапу, чтобы приблизиться на шаг и ударить, но вместе с ним женщина поднимает руку. И прежде чем зверь успевает нанести удар, колдунья вырисовывает кончиком указательного пальца витиеватый рисунок прямо в воздухе.

Изящные движения колдуньи так спокойны, что глядя на них начинает казаться, будто время замедляет ход. Ее ладонь почти не двигается, а пальцы скользят по воздуху легко, но в

то же время так быстро, что за ними не успеваешь даже взгляд. Кончики пальцев оставляют прямо в воздухе тонкую голубую линию, а всего через мгновение получившийся рисунок, витиеватый символ из тонких, переплетающихся линий взрывается блеском и мгновенно тает. И тут же зверь, не успевший нанести удар, взлетает, как пушинка.

— Ха-ха! — Разлетается звонкий женский смех, быстро угасая среди высоких, толстых стволов заколдованного леса.

Мальчик раскрывает глаза еще шире, не зная предела изумлению, но даже больше него удивляется зверь, впервые поднявшийся над землей и впервые оказавшийся настолько беззащитным и слабым.

Колдунья на миг избавляется от смеха, продолжая держать руку на весу и растопыренными, тонкими и длинными пальцами удерживая в воздухе голубой, мерцающий знак. Слегка двигая запястьем, она заставляет магический знак изменять положение, а вместе с тем медведь вдруг начинает переворачиваться в воздухе.

Зверь неуклюже болтает лапами, словно пытаюсь выплыть из заколдованного места, но тщетно. Его рев быстро изменяется и становится похож на жалобное урчание. И колдунья, глядя на барахтанья животного, снова начинает хохотать.

Трудно не растеряться, смотря, как грозное животное болтается в воздухе, дрыгается и кричит, и хрипит так жалобно, что через несколько мгновений легко пробуждает сочувствие.

А впрочем, колдунья и не собирается мучить животное понапрасну. Смех быстро ей надоедает и мигом гаснет. А следом она вздыхает, расслабляет пальцы и опускает руку, и тут же блиставший в воздухе голубоватый узор растворяется без следа.

Едва рисунок колдуньи исчезает, как медведь тут же сваливается на землю. Плюхнувшись на спину, он быстро перекатывается на лапы и встает, прыжком оборачиваясь к женщине. Теперь зверь уже не пытается испугать колдунью рыком. Напуганный ее силой, он только смотрит, не решаясь ни шагнуть, ни пошевелиться.

Прождав миг, колдунья скрещивает на груди руки. Она медленно наклоняет голову, и зверь в то же мгновение отступает на шаг, чуть не отскакивает, но остается на месте, неуверенно, тихо рыча.

— Кыш. — Говорит колдунья еще тише, чем раньше. — Давай, пошел.

Зверь медлит, и женщина вытягивает перед собой руку. Держа ее ладонью вниз, колдунья легко взмахивает пальцами, словно ее жесты должны быть зверю яснее слов, а медведь лишь глядит, но еще через миг, пытаясь не сводить взгляд, он вдруг начинает пятиться, отступает чуть дальше, а потом разворачивается и бросается прочь, вновь давая колдунье повод рассмеяться.

На этот раз женщина быстро успокаивается. Усмехнувшись, она выше задирает голову, одну руку опускает на талию, а второй дает упасть вниз, прижавшись к округлому бедру, обтянутому черной тканью платья. И не провожая медведя взглядом, колдунья поворачивается к мальчику.

Измазанный в грязи, напуганный, в рваной одежде, самый обычный мальчишка сидит перед колдуньей, вжимаясь в ствол дерева. Грязные, сальные волосы, старые лапти, но самое обычное лицо, разве что нос немногим больше, чем должен быть.

— Вот это коромысло. — Рассмеивается колдунья, наклонившись к мальчику.

Мальчик не поникает только из-за растерянности, но спокойный и насмешливый тон колдуньи тут же изменяет атмосферу.

— Ну, бывает и хуже. — Улыбается колдунья, и тут же отвлекается на другие мысли. — Вот что, мальчишка, посиди здесь, никуда не уходи. Я сейчас вернусь.

Женщина поражает. Но к неожиданности мальчика, больше всего удивляет ее спокойствие, а не ее необычная красота, и даже не ее поразительная колдовская сила. Сам он едва может пошевелить хотя бы пальцем, еще только начиная справляться с оцепенением, а колдунья, еще раз легко сверкнув улыбкой, начинает парить и все быстрее уносится вверх, к пушистым кронам высоких деревьев. И мальчик, не зная обиды, остается дожидаться возвращения колдуньи, пересиливая страх перед ее магической силой желанием выказать свои благодарности.

Старик до возвращения колдуньи успевает проползти по широкой ветви к стволу и садится, крепко обхватив прочный, торчащий у плеча сук. Оседлав ветку, он спокойно ждет, и когда спутница, паря в воздухе, с улыбкой садится рядом, старик смотрит на нее спокойно, не оставив в лице ни капли той сердитой живости, с какой принудил ее вмешаться в судьбу мальчика.

— Вижу, ты успокоился. — Закидывает она ногу на ногу, всколыхнув подол. — Хорошо. Не хочу видеть твои истерики.

— Истерики? — Отвечает старик. — Ты, как и всегда, торопишься.

Женщина, успевшая отвести взгляд, снова оборачивается к старику и смотрит хмурее. А он, поймав ее взгляд, улыбается в ответ так слабо, что колдунья могла бы этого и не заметить, не зная она старика достаточно хорошо.

— Твоя уверенность вновь тебя подводит. — Продолжает он. — Или ты думаешь, что меня так легко вывести из равновесия?

Колдунья хмурится сильнее, немного отклоняется назад и скрещивает руки, показывая свое недовольство.

— А чего ты вопил, как резаный?

— Иначе, — перебивает он, — ты бы не перестала болтать, а мальчик бы уже лишился жизни. Хотя, мне и сейчас хочется закричать. Не могу поверить, что ты использовала печать здесь, прямо в лесу.

Переважив сказанное, колдунья снова выпрямляет спину и, вытянув шею, отворачивается с недовольной ухмылкой. Но старик не дает тратить слишком много времени на пустые обиды.

— Ладно, сейчас не время для этого. Идем. — Говорит он, спустя всего мгновение. — Нужно проводить того человека из леса.

Колдунья поворачивает голову, но ничего не отвечает и вновь отводит в сторону взгляд. Старик, вздохнув, отпускает сук и пододвигается ближе к спутнице.

— Ты не настолько глупа, чтобы обижаться. — Заговаривает старик, легко привлекая внимание колдуньи.

Женщина, услышав его, хитро улыбается, но не оборачивается, чтобы не дать старику этого заметить.

— Ты выиграла один спор, я победил в другом. — Продолжает он. — Ты знаешь, что я бы не успел ему помочь.

Колдунья молчит, не оборачивается, и старик, выждав еще мгновение, заговаривает снова.

— Если тебе нужны мои извинения.... — Начинает он.

И колдунья резко поворачивается, пододвигается вплотную и наклоняется. Почти

уткнувшись лицом в старика, она застывает с улыбкой и молчит, но этим сразу раскрывает свое настроение, взгляд она уже не отводит и, судя по лицу, уже не таит обиды.

— Извинения приняты. — Улыбается женщина, снова закидывая ногу на ногу и опять скрещивая руки на груди. — Но спор тут выиграла только я. А то, что сделал ты, всего лишь дешевая хитрость. Согласен?

— Согласен. — Едва заметно улыбается старик.

— И не забудь наш уговор.

— Конечно. Но сперва человек.

И колдунья вдруг меняется в лице.

— Точно! Носатый! — Оживляется женщина, снова наклонившись к старику.

— Что?

— Да не важно. — Отмахивается колдунья.

Старик тут же начинает хмуриться.

— Похоже, — вздыхает он, — язык твой полон той же силы, что и руки. Болтается на ветру, как помело. Поторопился я, видно, с извинениями.

Колдунья, как ни странно, обижаться уже не торопится и садится на ветви так близко, что коленом утыкается в ногу старика.

— Так ты с женщиной разговариваешь?

И пока старик ничего не успел сказать, колдунья хватается за плечи и садится еще ближе, прижимаясь бедром.

— Попался! — Улыбается она.

Женщина перестает улыбаться, отстраняется, но тут же резко толкает старика, чуть не сбросив его с ветви. А впрочем, не отпускает и сама же не дает упасть, рывком притянув старика обратно к себе.

Но тот остается спокоен и хранит на лице невозмутимое выражение.

— Довольно шалостей. — Заговаривает старик. — Мы лишь тратим попусту время.

— Ты прав. — Щурится колдунья, вернув себе легкую улыбку. — Надоело.

И крепко взяв старика одной рукой за грудки, она легко сбрасывает его вниз. Старик пытается схватиться за торчащий из ствола сук, но колдунья разжимает кулак и ударяет по его руке, не давая удержаться.

Каждое ее движение получается легким и быстрым, и всего одной руки колдунье достаточно, чтобы бросить старика вниз. А в следующий же миг она закрывает глаза, позволяя улыбке на миг озарить ее лицо сильнее обычного. И откинувшись назад, падает следом, уносясь к земле быстрее падающего камня.

Глава 2 — Маленькое солнце

За видимым покоем, за ласковым шепотом листьев, за мирным, неподвижным ликом прячет лес свою истинную сущность. Только пропал сердитый медвежий рык, как почти мгновенно здесь снова поселяется тишина и безмятежность. И лишь нетерпеливая белка, взлетевшая по стволу, да пронырливый еж, нырнувший в заросли кустов напоминают, что лес не дремлет.

Мальчик, едва не съеденный медведем, так и сидит под деревом, оцепеневший, и до сих пор не может заставить себя пошевелиться. Он поднимает взгляд и вспоминает себя лишь тогда, когда внезапно замечает в воздухе движение. Проматывая в голове все произошедшее, он чуть было не решает, что все это лишь колдовство проклятого леса, дурман неведомого проклятия или проделки лешего, но вдруг замечает, как на землю перед ним медленно спускается незнакомый старик в потрепанной рясе и с упавшим на лицо капюшоном.

Мальчик сразу приподнимается, но вместо того чтобы встать лишь сильнее вжимается в ствол дерева. И только после он замечает колдунью, спасшую его от мучительной участи, которая спускается после старика, до последнего придерживая его за руки со спины.

— Гляди-ка, не сбежал. — Улыбается колдунья, спускаясь на землю вслед за стариком.

Лица старика не видно, а к тому же мальчик вдруг резко опускает взгляд к земле, хватая корзинку с травами и прижимает к животу обеими руками, продолжая молча тарашиться на колдунью и ее спутника.

— Твои манеры..., - заговаривает старик с женщиной, будто не замечая мальчика, — тебе следует научиться быть сдержанней.

Голос старика, низкий, но не грубый, ровный и мягкий так легко отдается на слуху, что мальчик даже немного успокаивается и медленно поднимается с земли, покорно дожидаясь, когда у него появится возможность отблагодарить за спасение. Но и заговорить первым он не решается, глядя на колдунью с опаской, и не зная, что от нее можно ждать. Можно заметить, что он мечется от одного чувства к другому, от благодарности к страху, но ни колдунья, ни старик не обращают на мальчишку почти никакого внимания.

— Нашел о чем беспокоиться. — Отвечает колдунья уязвленным тоном.

На ее лице недовольство проявляется мгновенно, и она сама этого не скрывает. А взгляд мальчика невольно опускается на смелый вырез, из которого выпирают пышные, округлые формы женской груди.

Такого не увидеть на одежде простых крестьянок. А уж женщины высокого положения тем более не позволят себе так оголяться. Оттого-то взгляд мальчика приковывается мгновенно, оказавшись на бархатной коже полной, объемной груди, ровными линиями выпирающей под скрещенными руками недовольной колдуньи.

— Лучше взгляни, какого я спасла красавца! — Резко поворачивается колдунья к старику, и мальчик тут же прячет взгляд. — А хотя, какой вообще был смысл его вытаскивать? Раз полез в проклятый лес, то через пару лет все равно найдет, как себя угробить.

Мальчик все равно ничего не говорит. Но теперь начинает слегка хмуриться, поднимает глаза, будто хочет оправдаться, но только нахмуривается еще сильнее и вновь опускает взгляд к земле.

Старик тоже не отвечает. Молча он глядит на спутницу из-под капюшона, выжидает

миг, а затем вздыхает и ничего не ответив, поворачивается к мальчику.

Медленным, неторопливым движением, старик убирает с лица капюшон серой рясы и отбрасывает его на спину. Затем он подходит к мальчику, осматривает, не торопится заговорить, и лишь убедившись, что мальчишка цел и невредим, начинает говорить.

— Далеко же ты забрел. — Заговаривает старик, и мальчик тут же поднимает глаза, слыша его мягкий, успокаивающий голос. — Отсюда до живой земли ведь еще несколько дней пути.

Мальчик глядит прежним взглядом, но ничего не говорит. Колдунья тоже молчит, поддерживая грудь скрещенными руками. А старик, выдержав небольшую паузу, еще раз осматривает мальчишку, прежде чем продолжить.

— Ну так что? — Задает старик вопрос. — Как ты здесь оказался?

Но мальчик отвечает не сразу. Прежде он взглядывает на колдунью, снова растерянно глядит на старика и вдруг спрашивает.

— Живая земля? Что за живая земля? — Говорит он. — Я просто травы собирал и... а тута медведь, ну и....

Старик взглядывает на мальчика с легким недоумением, но сохраняет уверенный вид и не заставляет долго ждать ответа.

— Живая земля, — заговаривает он, — это земли за проклятым лесом, там, где ты живешь.

Старик отводит на мгновение взгляд, но тут же продолжает.

— Так их называют у нас дома, с другой стороны леса.

Мальчик сразу оживает.

— С другой стороны? — Поднимается он с земли и отступает от дерева. — Вы живете на другой стороне леса? Правда?

Легко догадаться, чем вызвано удивление мальчика, но старик относится к нему спокойно, улыбается и даже слегка посмеивается. Он подступает на шаг, берет мальчика за плечо и наклоняется.

— Правда. — Говорит старик тише. — Но ты же понимаешь, что нельзя никому об этом рассказывать?

Ответа от мальчишки он не ждет.

— Будем считать, что это твоя благодарность. — Улыбается старик. — За спасение.

Мальчик собирается с готовностью кивнуть, но не успевает даже задраить кверху подбородок. Старик тут же хлопает его по плечу, выпрямляется и отворачивается, приготовившись уже идти дальше.

— Что ж, не будем задерживаться. — Говорит он. — Нам еще не один день до живых земель.

Но тут же он снова поворачивается к мальчику.

— Вернее, до твоего дома.

И мальчик, окончательно забыв недавний страх перед скорой гибелью, поспешно убежденный в добродушии спасителей, уже спешит отплатить им за спасение хоть какой-то помощью.

— Да куда там! — Вскрикивает мальчишка. — До хаты моей полдня! Видать, вы же там не хаживали. Да я покажу! Тут всего-то... еще до вечера из лесу выйдем.

Старик резко оборачивается, но удивительным образом даже быстрые движения у него выходят плавно и спокойно.

— Полдня, говоришь? — Подступает он ближе. — А ты не ошибся?

Мальчик на миг теряется и говорит тише, но с прежней живостью.

— Да куда уж. Я то знаю. Я с утра только вышел, да лишь, когда солнце наверху встало, тогда в лес вошел. — Охотно, но уже без восклицаний объясняется мальчик. — Да вы пойдемте, я вас живо выведу.

Старик с колдуньей переглядываются, и оба проигрывают легкой растерянности. Но мальчик зовет идти и продолжает уверять, что выведет из леса еще до заката, так что старик с колдуньей отправляются следом.

Старик идет неторопливо, ничего не говорит. Мальчик тоже не торопится, идет медленно, да и никаких разговоров не заводит, смотрит только под ноги, и колдунья скоро начинает скучать. Повздыхав немного, она собирается завести беседу со стариком, но оглядывается на мальчика и замечает в его руках небольшую, плетеную корзинку, набитую травами.

— А это у тебя что? — Спрашивает колдунья с небрежностью, рожденной скукой, но все же с интересом.

Мальчик замечает ее взгляд, но отчего-то медлит с ответом. Хотя, это лишь сильнее интригует колдунью, быстро иссушая ее слабое терпение.

— Дай-ка взгляну. — Наклоняет она голову, всего мгновение не дотерпев до ответа. — Хм, это же «синяя лайка», верно? А это... «козлийный пух». А это... старик, взгляни-ка. Что это?

Старик в ответ вздыхает.

— Если ждешь отзывчивости, зови человека по имени. — Говорит он медленнее обычного. — Да и имя собеседника узнать не мешало бы, прежде чем с ним заводить отстраненные беседы. Как тебя...

Но договорить колдунья старику не дает.

— Точно! — Мгновенно отвлекается она на мальчика. — Тебя как зовут, носатый?

Старик громко, устало вздыхает. А мальчик медленно опускает глаза.

— Алешкой кличут. — Говорит он тихо, затаив обиду.

Колдунья этого не замечает, и остается весела и небрежна.

— О, отлично. — Улыбается она и тут же снова указывает на корзинку в руках мальчика. — Ну так что, я угадала?

На этот раз он не торопится с ответом, но затем качает головой.

— Не знаю. — Говорит мальчик.

Колдунья сразу обращается с тем же вопросом к старику, но тот лишь говорит, что болтовня его не интересует.

— Ну и ладно. — Отвечает ему колдунья, положив руку на плечо Алешки. — Идем живее, чего плетешься, как старик?

И женщина с хитрой улыбкой толкает мальчика вперед, заставляя торопиться.

— Расскажи лучше, зачем тебе это бесполезное сено понадобилось?

— Это не сено. — Спокойно отвечает Алеша.

— А что же тогда?

Колдунья улыбается, больше не обращая на старика внимания, хранит беспечное выражение, но замечает, как мальчик быстро изменяется в лице после ее вопроса.

— Ты же летала там. Я видел. — Вдруг изменяет мальчик тон, побеждая страх перед колдуньей. — Ты же волшебница, да? Ты меня спасла.

Колдунья медленно прикрывает веки, а уголок ее рта начинает ползти в сторону и вверх, но усмехнуться женщина не успевает. Алеша подступает к ней на шаг и бесцеремонно хватается за руку.

— Эти травы мне затем нужны, чтобы вылечить сестер! — Признается он, резко переполнившись решимостью. — Но ты же волшебница, ты мне поможешь! Поможешь, ведь? Я хотел зелье для них сварить, но если не выйдет....

Алеша опускает глаза, а колдунья приоткрывает рот и поводит в сторону взглядом, не боясь обнажать свое недовольство.

— Но тогда, — снова оживляется Алеша, — ты излечишь сестер. Ты же....

— Мы и так тебе жизнь спасли. — Отнимает колдунья руку, взглянув осудительно, но тут же снова начинает беспечно улыбаться. — Хотя, ты, носатый, молодец. Своего не упустишь. Туповат, правда, но ничего, и не таких земля выносит. А нам сейчас не до твоих проблем, так что не доставай. Выйдем из леса, а там делай, что хочешь.

На миг Алеша отчаивается, но спустя миг он вдруг бросается к колдунье и хватается ее за рукав, свесив корзинку с травами на локоть.

— Тебе же ничего не стоит! — Начинает он причитать, запинаясь и говорит медленнее и тише. — Помоги, ну пожалуйста! Ты же волшебница!

Колдунья оборачивается, но теперь смотрит грозно. А уже в следующий миг легким движением она отбрасывает мальчика на несколько шагов. Он падает на спину, зацепившись ногой за сухую ветку, локтем проминает корзинку и глядит оторопевшим взглядом.

— Отвяжись, мальчишка! — Грозным тоном велит ему колдунья. — И не вздумай меня хватать, а иначе живо руки тебе оторву к чертям собачьим!

У Алеши вздрагивает губа, а в глазах начинает мерцать слабым блеском подступившее отчаяние. Но едва опомнившись, он тут же поправляет смятую, плетеную корзинку, рыская кругом взглядом и проверяя, не выпали ли из корзинки травы. А впрочем, тлевший в мыслях уголок надежды успевает растаять, будто снежинка от случайного вздоха.

— Умоляю. — Повторяет Алеша, смотря в землю и не поднимаясь. — Если с ними что-нибудь случится, я же... я один совсем... я тогда....

Колдунья начинает кривиться, видя, как сквозь дрожащий голос мальчика пробивается готовый вырваться из его души плач. Отставший всего шагов на десять старик успевает догнать спутников, и, видя гримасу на лице колдуньи, торопится заговорить, пока ее уста не изранили разум мальчика еще сильнее.

— Запомни одно, — говорит старик, подступая к Алеше, — не оставляй тропу ради слов. Ни одно из них не стоит того, чтобы останавливаться.

Мальчик поднимает взгляд, неожиданно теряясь. Смысл этого выражения ему остается непонятен, но так старик легко избавляет его от неприятных чувств. И потянув за плечо, тут же вынуждает подняться с земли, не давая времени на раздумья. Поднимая мальчика с земли, взглядом старик обращается к колдунье, а та как всегда быстро устает ждать. Старик ничего ей не говорит, и женщина, взмахнув рукой, отворачивается и уходит вперед. И все же, шаг она замедляет, не собираясь покинуть спутника, но и разговаривать с ним не желая.

— Хотя, как ни печально это признавать, — заговаривает с мальчиком старик, когда колдунья успевает отойти на несколько шагов, — но она права.

Алеша снова поднимает удивленный взгляд, не зная, как реагировать на слова. Но старик продолжает тянуть его за руку вперед и не дает останавливаться.

— Я слышал не все, но и того достаточно. Ты поспешил. Ты словно бросился со скалы,

не зная, есть ли под ней озеро. — Говорит старик привычными для него загадками, увлекая и запутывая Алешу все сильнее. — Как и моя... попутчица. Она тоже часто так делает.

Старик улыбается. И пусть слабо и недолго, но этого хватает, чтобы мальчик успокоился.

— Ни я, ни она ничего почти не смыслим в исцелении. — Продолжает старик, отпустив мальчика.

Алеша дальше идет сам и внимательно слушает, пытаясь разгадать мысли старика, теперь быстро ставшего мудрецом в глазах мальчика благодаря паре легких загадок.

— Так что мы вряд ли сумеем тебе помочь. А тем более, если дело серьезное. Разве что у твоих сестер обычные царапины, раны бы я легко мог залечить. И дослушав, мальчик быстро снова грустнеет, но теперь сдерживается.

— У-у. — Качает он головой.

— Жаль. — Сразу же вздыхает старик. — Тогда бы все было намного проще.

Алеша опускает глаза, но продолжает идти, не останавливается, и даже шага не замедляет, держась наравне со стариком. А тот, оказавшись вблизи, теперь не брезгает заглянуть в корзинку.

— Что это? — Спрашивает вдруг старик, увидев маленький, синий цветок с пятью лепестками. — Постой, дай мне взглянуть.

Взяв мальчика за плечо, старик теперь сам заставляет его остановиться, наклоняется и заглядывает в корзинку, щурясь и внимательно присматриваясь к цветку.

— Хм, да это же «ночное солнце». — Удивляется старик, достав из корзинки цветок.

Мальчик смотрит на него с опаской, выдавая чувства большими, широко распахнутыми глазами, а потому старик, будто читая мысли Алеша, тут же кладет цветок обратно, едва заметно улыбается и хлопает мальчика по плечу. Но мгновенно он возвращает серьезность, вновь наклоняется и сжимает плечо мальчика сильнее.

— Ответь мне... Алешка, — проговаривает старик, нахмурившись, — зачем тебе понадобился этот цветок?

И хотя его голос звучит обычно, спокойно и ровно, но с таким сосредоточенным прищуром, мальчику голос старика мерещится иным, теперь он кажется Алеше почти зловещим и пугающим.

Мальчишка сразу начинает перебирать в уме причину такого интереса старика, но не может вообразить ни одной. Он собирается уже как-нибудь отговориться, но сдерживается и все же решается ответить честно.

— Этот цветок..., - говорит мальчик дрогнувшим голосом, но с каждым следующим все больше успокаивается, — он нужен для зелья. Если его добавить, то лекарства становятся лучше, и болезнь отступает быстрее.

И старика ответ устраивает. Даже слегка удивляет. Он кивает, медленно выпрямляется и отпускает плечо мальчика.

— Действительно. — Говорит старик и снова наклоняется к корзинке. — Позволь еще раз взглянуть. «Синяя лайка», «козлиный пух»... «кустарный плющ»? Хм, полезные травы. Из этих трав получится неплохой отвар. Возможно, тебе наша помощь и не понадобится. Пожалуй, немного есть болезней, которые сумеют устоять перед зельем из этих трав. Если ты все правильно сделаешь, то беспокоиться не о чем.

Мальчик сразу ободряется, вытягивает шею, и у него на носу даже заметно вздуваются ноздри. А старик поворачивается и шагает по следу ушедшей вперед колдуньи, увлекая за

собой и мальчика.

— Значит, у меня получится? — Увязывается Алеша за стариком. — Думаешь, получится?

Старик отвечает на ходу, не обращая к мальчику взгляд и не замедляя шага.

— А разве важно, что я думаю? — Улыбается он так же слабо, как и обычно.

И хотя мальчик не в силах различить в выражении старика эту улыбку, но добродушие в голосе Алеша все-таки улавливает.

— Ты же, видать, то же волшебник, да? А если так, то тебе виднее.

Вдруг отстает на шаг, о чем-то задумавшись. А вслед за ним останавливается и старик.

— Что? — Интересуется старик.

— Тогда я спасу сестер. — Говорит мальчик, вспыхнув уверенностью.

Старик не заставляет молчание зависнуть надолго в воздухе, и, глядя на мальчика, спустя миг он даже смягчается в лице.

— Вот что, — говорит старик, улыбнувшись всего чуть ярче, но этим давая Алеше различить свою улыбку, — взглянем, что там с твоими сестрами. Нам же в любом случае по пути.

И Алеша, выпучив глаза, почти сразу расплывается в улыбке. Но отблагодарить старика мальчик и со всей своей торопливостью не успевает.

— Теперь идем, не будем оставлять слова словами. — Снова начинает он говорить причудливо, завораживая Алешу. — Так что если хочешь помочь сестрам, то приготовься закончить то, что начал.

Но в целом мальчик, разумеется, понимает старика, нахмурился и теперь начинает казаться даже еще решительней, чем прежде. Больше он не отвлекает беседами, а идет следом, нахмурившись и с задумчивым видом, и уже скоро вместе со стариком догоняет колдунью, остановившуюся, чтобы дожидаться спутников. А едва они оказываются в паре шагов от нее, как колдунья берется одной рукой за бедро, а второй начинает изящно жестикулировать в такт словам.

— И как это понимать? — Спрашивает она старика, глядя с укоризной, но быстро увлекается и начинает кривляться. — Всю дорогу ты меня донимаешь: «Времени нет. Нужно идти. Туда не ходи, этого не делай. Северные царства, северные царства...». А сам в благодетели устроился, еще из леса выйти не успели!

И уже собирается колдунья сложить руки на груди, недовольно фыркнуть и отвернуться, как в разговор вклинивается мальчик.

— А вы идете в северные царства?

Колдунья вдруг замирает, осознав лишь теперь, что сболтнула лишнего в пылу негодования. Она медленно переводит взгляд на старика, но тот уже смотрит на женщину строго, и так сердито, что сейчас она даже не решается ничего добавить.

— А все-таки он болтается. — Говорит старик через мгновение. — Как по ветру.

— Что болтается? — Любопытствует быстро посмелевший мальчик.

И старик оборачивается к нему.

— Послушай меня внимательно, Алеша. — Отвечает старик.

Он разворачивается, встает перед мальчиком на одно колено, чтобы поравняться, но даже и так старику приходится слегка гнуть спину, чтобы смотреть Алеше ровно в глаза. И лишь взяв мальчика за плечо, сдавив его широкой ладонью, старик продолжает.

— Кто мы и куда идем, тебя не касается. И знать тебе этого не стоит. Лучше забудь

сразу же.

Мальчик успеваает кивнуть, но еще не поднимает голову, как старик уже продолжает.

— Ты не скажешь никому о нас ни слова. — Говорит он тяжелым, но спокойным, ровным и приятным голосом. — А иначе, я тебя целиком проглочу.

Алеша смотрит в глаза старика, недоумеая и даже вздрогнуть не может от сковавшего его ужаса. И путаница лишь сильнее пугает. Ведь не может же он на самом деле проглотить? Да и что это значит? А впрочем, стоит этому образу проникнуть в воображение Алеша, как въедливая картинка тут же поселяется в глубине мыслей тайным кошмаром.

— А теперь идем. — Выпрямляется старик. — Я посмотрю, что с твоими сестрами, мы с моей спутницей исчезнем, и ты о нас не вспомнишь. А иначе...

Мальчик ждет, но старик так и не оканчивает предложение. И странная картина, нарисованная воображением, еще ярче разукрашивается силой яркости детских фантазий, отчего начинает пугать еще больше.

Старик уходит вперед, и теперь уже Алеша не решается с ним заговаривать. Даже идти вровень не осмеливается и, отстав на пару шагов, плетется сзади.

Перед мальчиком идет колдунья. Но теперь и она молчит, ничего почти не говорит, и даже выгледеть начинает странно. Мальчик замечает, как она иногда поднимает голову, смотрит недолго на старика, быстро устаает от вида его спины и решительной походкой отправляется вдогонку. И все же, за несколько раз она так и не догоняет старика, вновь замедляет шаг, опускает взгляд и идет дальше молча.

Неожиданный испуг быстро оставляет мысли. К тому же, нет ничего сложного в том, чтобы просто никому не говорить о встрече в заколдованном лесу. Да и некому. Только перед сестрами мальчик и мог бы похвастать, но им все равно не до этого, и вряд ли поверили бы. Так что, пусть Алеша и не забывает о страшной угрозе, внушенной ему стариком, но все же перестает бояться, смелеет и даже решается снова заговорить. Правда, на этот раз уже с колдуньей.

Алеша мнетя, думая, не рассердит ли колдунью на этот раз, но интерес берет свое, и мальчик, заминаясь, начинает.

— А... ты..., - проговаривает Алеша нерешительно, но завоевав внимание колдуни, говорит смелее, — как услышала, что говорил старик?

Колдунья прищуривается, остановившись на миг, но ничего не говорит. И мальчик, видя ее безразличие, слегка расстраивается, но решает все же не тревожить свою несдержанную спасительницу. А впрочем, она и сама долго не выдерживает.

— Ты... пф. — Брякает колдунья под нос. — Что за невежда?

И мальчик виновато опускает глаза, продолжая идти на шаг позади женщины.

— Но..., - заговаривает он с еще большей нерешительностью, но вновь быстро от нее избавляется, — интересно же. Как... ты узнала, о чем говорил старик?

Колдунья чуть поворачивает голову, но почти сразу отворачивается и не отвечает.

— Мы же так далеко были. — Не успокаивается Алеша. — Разве можно было услышать?

Колдунья недовольно вздыхает.

— Ты не отстанешь, да? — Заговаривает она. — Ветер принес мне слова. А теперь не доставай.

— Ветер? Как это?

Женщина не отвечает, но на этот раз оборачивается. Нахмурившись, она взглядывает сердито на мальчика, и он опускает глаза, больше не собираясь беспокоить колдунью. Хотя,

не успевают они сделать и полсотни шагов, как женщина сама заговаривает от скуки. Вскоре она начинает оборачиваться и заглядывать в корзинку, от нетерпения делая это так явно, что даже Алеша сразу же замечает. А в какой-то момент колдунья даже забывает обиду, которая исчезает так же скоро, как и появилась.

— А что это там? — Спрашивает она, слегка повернув голову и заглядывая в корзинку. — Как старик его назвал? «Ночное солнце», да?

Алеша поднимает взгляд и тут же откликается на зов колдуньи.

— Ага. — Отвечает он с готовностью, миг догоняя и равняясь с женщиной. — А матушка «фиолетовой тенью» звала. Он, знаешь, какой редкий? Я его почти целый день искал!

— Ха! — Не сдерживается колдунья, но в ее усмешке не чувствуется сердитой злобы. — Целый день. Да это разве редкость?

— Да мне повезло! — Тут же защищается Алеша, чуть выбежав вперед. — А до того, я всего раз его видал! А я каждый день по берегу хожу, и только раз нашел! А у матушки всего два было таких!

Но прежде чем колдунья успевает что-нибудь сказать, останавливается и заговаривает старик.

— Ты сказал, у берега? — Спрашивает он, вонзив в глаза мальчика сосредоточенный взгляд. — У какого?

Алеша тут же останавливается. Колдунья замечает, как мальчик глядит на старика. Стоило тому лишь задать вопрос, как Алеша тут же растерял весь пыл и встал. А едва мальчик начинает отвечать, как его интонация мгновенно изменяется, хотя только что была полна задора и живости.

— Ну так, перед лесом же река. — Спокойным, медлительным, даже виноватым голосом отвечает мальчик, словно один вид старика внушает ему сомнения и ужас. — Так это... по тому берегу, у реки.

Но гораздо больше взгляд колдуньи привлекает выражение на лице старика. Вряд ли Алеша может заметить хоть тень его настроения, но вот женщина сразу различает, что старик выискивает что-то в словах мальчишки, что-то, что заставляет его на миг растеряться и тут же обрести задумчивый вид.

— Что? — Спрашивает колдунья, не выдерживая ни мгновения ожидания. — Что не так?

Старик не отвечает сразу, молча смотрит, но видя его сосредоточенный взгляд, на этот раз колдунья не торопится перебивать.

— Не было никакой реки. — Отвечает он.

И колдунья вместе со стариком замирают.

— Да как это не было? — Удивляется мальчик, торопясь оправдаться. — Еще матушка моя рассказывала, как в детстве там рыбу во-от такую поймала! Всегда там река была!

Но старик с колдуньей так и продолжают стоять.

— Да идемте же! — Рвется Алеша увести их дальше. — Тут недалеко уже.

Он чуть не берет колдунью за руку, собираясь утянуть вперед, но вспоминает, что в прошлый раз это закончилось плохо и, опомнившись, теперь довольствуется лишь призывами.

Впрочем, колдунья спокойно поддается зову и идет за мальчиком. Лишь старик медлит, о чем-то задумавшись, и с хмурым видом пропускает спутников вперед. Упираясь

задумчивым взглядом в землю осеннего леса, устланную опавшей листвой, он неслышно вздыхает, дав печали выбраться из мыслей, а затем поднимает глаза, смотрит вслед мальчику, и снова замирает, на мгновение затаив дыхание.

Колдунья с мальчиком не могут этого заметить. Старик плетется где-то сзади, и спутники почти не обращают на него внимания. Иначе, женщина ни за что бы не упустила из виду обеспокоенность, появившуюся на лице старика. Только она слишком быстро увлекается разговором с мальчиком, узнав, что он умеет готовить отвары, и про старика напрочь забывает.

Алеша со своей спасительницей коротают время в пути бессмысленной, легкой беседой. Идти действительно остается немного, так что колдунья не успевает разузнать что-нибудь еще. Мальчик рассказывает о том, что мать научила его варить зелья, что он знает почти все растущие в округе травы и почти все умеет применять, но по большей части они лишь спорят о мелочах. А поскольку старик не вмешивается, беседа так и течет, не обретая глубины.

И уже скоро лес начинает редеть. Плотные ряды высоких деревьев растягиваются, и быстро растут просветы, сквозь которые все больше выступают черты широких просторов. Громче шумит река. Слышится, как невдалеке журчит вода, хотя берегов еще не видно. И потому колдунья живо теряет остатки терпения, смолкает и перестает спорить, отчего Алеша ненадолго даже теряется, решив, что мог обидеть спасительницу. А вскоре колдунья расплывается в улыбке, как только шипение реки становится настолько отчетливым, что в нем нельзя усмотреть случайно опавшие на слух, обманчивые звуки.

— Наконец-то! — Воскликает она, не скрывая радости.

Тут же колдунья бросается вперед и, поддаваясь чувствам, даже не пытается больше прятать силу. Ступая по воздуху и резко поднимаясь, женщина перемахивает целые аршины. Отталкиваясь носочком, она проносится на ветрах вперед сразу на несколько шагов, лишь там ступает на вторую ногу и делает уже новый шаг и в мгновение уносится вперед, оставляя мальчика изумленно таращиться ей в след.

Желая встретить день за пределами осточертевшего леса, колдунья не ждет спутников, медленно плетущихся сзади. Быстро исчезнув за редющей стеной деревьев, она вынуждает Алешу со стариком идти по ее следу, а сама дожидается их у реки, с искренним, детским удовольствием разглядывая узоры своенравных волн.

Мальчик, оглянувшись, слегка замедляет шаг, чтобы не оставлять старика одного. Но тот держится позади и все никак не может, или не хочет догнать. А впрочем, скоро уже Алеша выбирается из леса, находит сидящую у реки колдунью, и всего через несколько мгновений по его следу выходит и старик.

— Я же говорил, — торопится мальчик оборвать вдруг повисшее молчание, — тут недалеко. И река — вот она.

Он поворачивается к старику, но тот отводит взгляд и осматривается.

Лес обрывается резко. На его границе почти нет молодых деревьев, и только кое-где растет густой кустарник. А тут же, сразу за границей леса, одна лишь тонкая полоска высокой травы отделяет царство деревьев от спокойного течения широкой реки. За рекой тоже растут деревья, но совсем другие. Невысокие, крепкие, с пышными, густыми кронами они разбредаются повсюду, оставляя свободный простор, усеянный дикой травой.

Глазами не отыскать ни тропинки, ни домика, ни какого-нибудь следа людского присутствия. Левее, вдали едва можно различить торчащие из-за деревьев лопасти водяной мельницы. Но и они почти сливаются с диким пейзажем, распластавшимся у проклятого

леса, вдоль устья широкой реки. Взгляд, устремляясь в одну, или другую сторону, в конечном счете, упирается в стену из островков деревьев, уходящую, кажется, до самого горизонта. А впрочем, даже и оказавшись в середине густого кустарника легко решить, будто вокруг одни заросли с лужайками, проплешинами этого лесного покрова.

Алеша, испытывая гораздо меньше энтузиазма при виде знакомых мест, красивых, но приевшихся взгляду, прерывает молчание первым, готовясь увести спутников дальше.

— Нам сюда. — Зовет мальчик, двинувшись вверх по течению. — Тут воды с головой точно будет. Да и холодно переплывать. А там мост. К вечеру успеем....

Он не замечает, как колдунья уже рисует пальцами витиеватые знаки прямо в воздухе. А старик попросту не успеваает ее остановить.

И не успеваает мальчик договорить, как женщина уже заканчивает магический обряд. Перед ладонью колдуньи мерцает волшебный знак из тонких, ровных линий. Женщина держит руку перед собой, растопырив пальцы, и волшебный узор продолжает светиться будто у нее на ладони. Алеша чувствует, как земля под его ногами вдруг проваливается куда-то вниз. Испуганно, он сгибается, готовясь уже к падению, и лишь после замечает, что поднимается над землей вверх. Хотя, прежде чем мальчик успеваает хоть как-нибудь отреагировать, взмыв над рекой, он уже перелетает на другой берег, где сваливается на траву, чуть не уронив корзинку.

Рядом, аккуратно, медленно опускается на землю старик, а еще в паре шагов на траву прыгает и сама колдунья, легко перепрыгнув реку, и лишь слегка задрав подол юбки, не поднявшийся выше сапог. Приземлившись, она видит, как Алеша прокатывается по земле кубарем, но не замечает, что упасть ему придется лишь затем, чтобы уберечь корзинку с травами, выскальзывающую из рук. Под звонкий хохот колдуньи, мальчик поднимается на ноги, замечает прикованный к нему взгляд женщины, а потому от ее радостного смеха начинает чувствовать себя неловко, мнетя и с недовольством отводит взгляд.

Старик не обращает на спутницу никакого внимания, подходит к мальчику и заговаривает с ним спокойно, будто ничего не произошло, невольно сообщая и ему эти чувства.

— Показывай, Алешка, — говорит он вполне серьезным тоном без тени улыбки, — куда дальше.

А колдунья продолжает заливаться смехом, вновь заставляя мальчика неловко мяться. Лишь когда старик оборачивается, вдруг бросив на спутницу взгляд, полный сердитого укора, она постепенно успокаивается.

— Показывай дорогу. — Торопит старик.

Но только мальчик готовится исполнить указание, как тяжелая, большая ладонь в очередной раз сжимает его плечо, не давая повернуться.

— Только вот что, — говорит старик тише, чуть пригнувшись, — дай-ка нам чуток поговорить наедине, не торопись. Иди впереди, только далеко не уходи и не спеши. А мы тебя сами догоним.

Алеша кивает, поправляет удобнее корзинку, разворачивается и отходит шагов на десять. Затем поворачивается, убеждается, что достаточно отошел, упирает в землю взгляд и начинает высматривать цветы и травы, не найдя себе другого занятия. А старик, оставшись с колдуньей наедине, оборачивается к ней с тяжелым, недовольным вздохом.

Он не сразу заговаривает, ждет чего-то и только смотрит. И колдунья быстро успокаивается, смотря в его серые глаза, перестает улыбаться, а после быстро изменяет

выражение. На ее вытянутом, красивом лице, выписанном тонкими, ровными линиями мгновенно всплывает такое же недовольство, как и то, что украшает лицо старика. Наконец, колдунья открывает рот, отводит взгляд и выдыхает, сложив руки на груди.

— Даже не начинай. — Заговаривает она сердитым тоном, уже не оставив на лице ни тени добродушия, еще миг назад красившего ее улыбку. — Рядом никого. Я даже проверила, хоть и так понятно. А если мальчишка и расскажет, ему все равно не поверят.

— Дело не в этом. — Спокойно отвечает старик.

И его серьезное выражение заставляет колдунью на миг растеряться, а с ее лица тут же пропадает все недовольство. Она даже ничего не спрашивает, и старик ждет еще миг, а после качает головой.

— Значит, все-таки не заметила? — Говорит он. — Теперь мне кажется, что помочь мальчику мы уже не сможем.

Колдунья начинает хитро щуриться и снова улыбается, поправив руки и наклонив вперед корпус.

— А я с самого начала это говорила. Вот увидишь, дня не пройдет, как он куда-нибудь вляпается.

— Я не об этом.

— Тогда о чем, черт тебя... — Говорит она со злостью, но выдохом заставляет себя успокоиться. — Ладно, говори уже, что не так?

Старик все равно медлит, отводит взгляд и начинает идти по следу Алеши.

— Если что-то и может тебя погубить, кроме поспешности, так это твоя невнимательность. — Заговаривает он на ходу, спустя мгновение. — Тебе следует научиться глядеть по сторонам.

— Да, да. — Вклинивается колдунья. — Я серьезно. Можем мы не тратить время на поучения? Я уже не девочка, помнишь?

— Да. — Оборачивается старик и опускает взгляд на грудь. — Я вижу.

Но колдунью это не злит. Даже наоборот. Улыбнувшись, она гордо задирает голову и выходит на полшага вперед, продолжая идти рядом.

— Итак. — Говорит она спокойней. — Что такого я упускаю?

— Взгляни на спину мальчишки.

Легкое удивление, внезапно пронзившее мысли колдуньи, заставляет ее остановиться. Поравнявшись со стариком, глядя вперед и пытаясь рассмотреть мальчика издали, она снова продолжает ходьбу, но все еще ничего не понимает.

— Хм, — присматривается колдунья, но не может рассмотреть ничего необычного, — спина, как спина. А что?

— Смотри внимательнее.

— Да что... — Чуть не теряет колдунья терпение, но вдруг ее выражение снова меняется.

Женщина обретает серьезный, вдумчивый вид, который красит ее лицо даже больше улыбки, хотя и появляется гораздо реже. Она нахмуривается, а еще через миг встает, заметив то, о чем говорил старик.

— Видишь? — Тут же спрашивает он.

На этот раз медлит уже сама колдунья. Остановившись, она продолжает смотреть Алексе в спину, хотя уже заметила тонкие, черные нити, пронзающие его одежду и кольщущиеся на ветру, словно водоросли на дне озера.

— А, поняла! — Радостно восклицает колдунья. — Думаешь, что и с его сестрами то же самое?

Старик не останавливает шаг.

— Вероятно. — Говорит он, не обращая внимания на короткую радость спутницы. — Но даже если их свалила обычная болезнь, его проклятие не даст мальчику помочь. В любом случае, ничего хорошего это не сулит.

— И давно ты заметил? — Почти сразу интересуется колдунья.

— Нет. — Спокойно отвечает старик. — Увидел только что, когда вы с ним пошли вперед.

И колдунья нахмуривается.

— Проклятье. И как я это упустила? — Сердится она, но тут же себя прощает. — Ну, с кем не бывает. Ты тоже не сразу понял, между прочим.

Старик молчит.

— Ничего не поделать. — Вздыхает колдунья. — Но я понимаю, тебе тяжело будет сказать ему. Не волнуйся, я сама. Эй!

— Постой. — Останавливает старик. — Не спеши. Быть может, кому-то из них еще можно помочь. Не будем торопиться. Сначала хотя бы взглянем.

Колдунью такой поворот не радует и чувства она по привычке не скрывает. Остановившись, она запрокидывает голову, а затем роняет ее в ладонь и потирает лоб. И все же, женщина ничего не отвечает и протестовать не торопится.

Старик идет вперед, не обращая на ее размашистые жесты никакого внимания. И не остается ничего другого, кроме как еще раз вздохнуть и отправиться следом к остановившемуся по зову мальчику.

Идти приходится не слишком долго, и почти весь оставшийся путь проходит в молчании. Алеша пытается еще о чем-нибудь поговорить, чтобы отвлечься, но чем ближе он оказывается к дому, тем мрачнее и задумчивее становится. Да и колдунья со стариком не желают говорить, оба молчат и идут следом. И лишь у самого дома, мальчик заговаривает с ними вновь.

— Вот. — Указывает он на отчужденную, разваленную, стоящую на окраине лесной полосы, вдали от маленькой деревни халупу. — Идемте.

Мальчик становится живее, когда путь почти окончен, но торопясь помочь сестрам, чуть не забывает предупредить неожиданных гостей о странностях, которые болезнь сестер привнесла в его жизнь.

— Ой. — Оборачивается Алеша. — Только, вот что, вы не слушайте, чего сестры говорить будут. Не злые они.

Мальчик подступает ближе и всматривается попеременно то в глаза колдуньи, то в глаза старика.

— Ежели будут ругаться, то вы не гневайтесь. Они не со зла. Они сами не понимают. Они когда заболели, то....

— Все хорошо. Не волнуйся. — Успокаивает старик. — Нам они вреда причинить не сумеют, а мы им не станем. Идем.

И, подталкивая мальчика в спину, старик вынуждает Алешу быстрее побороть свои волнения.

Добравшись до порога, мальчик и сам торопится войти, оживляясь еще больше. Распахнув дверь, он тут же заскакивает внутрь, оставляя проход свободным. Колдунья со

стариком не заходят и остаются снаружи, не желая ступить даже на порог, и пока мальчик торопится проведать сестер, они оглядывают бедное жилище.

Худые, деревянные стены с просветами между бревен, держат низкий потолок, готовый в любой миг обвалиться. Свет проникает лишь через открытую дверь и маленькое окошко, а внутри стоят только две соломенные кровати, стол, пара табуретов и самодельная, кривая тумба.

В углу свалены котелки, рядом с входом стоят два деревянных ведра, а снаружи валяются две старые лопаты. И даже колдунья, заглянув всего на миг, не остается равнодушной. Увидев двух девушек, дрожащих на соломенной кровати, прижавшихся друг к другу и окутанных черными нитями проклятия, она сердито, недовольно фыркает и тут же отступает в сторону, не желая больше ни мгновения терзать взгляд этой отвратительной картиной.

— Алика! Синушка! — Бросается мальчик вперед. — А я травы собрал! Говорил же? Потерпите чуток. Сейчас я зелье сварю, вам и получше станет. Глядишь, к вечеру уже оклемаетесь.

Старик только печально вздыхает и тоже отводит взгляд, сознав, что помочь сестрам мальчика уже нельзя.

Но одна из девушек, заметив незнакомое лицо, уже выбирается из под тонкого одеяла. Ее почерневшие глаза вмиг разгораются пламенем ненависти, и она, корчась, рвется вперед и сваливается с постели.

— Это еще что за хрыч?! — Кричит девушка, тыча в старика пальцем. — Ты кого сюда привел, дурень?! Гони его в шею! Гони!

Алеша бросается помочь и хочет затащить сестру обратно в постель, но та сопротивляется и рвется к выходу.

— Убью! Пошел вон! — Кричит она, разбрызгивая в приступе ярости слюни и сопли.

Но старик не обращает внимания. Даже не оборачивается. И все равно Алеша торопится все объяснить, укладывая сестру обратно.

— Не надо ее слушать. Это она не со зла. Это все из-за....

— А ну пусти, дурень! — Слабо ударяет девушка по ладони Алеша, но не может ему сопротивляться. — Пусти! Убью! Убью, тварь!

Вторая из девушек молчит, сопит с полузакрытыми глазами и только смотрит, не в силах вымолвить даже слово. Но ее сестра не успокаивается, а впрочем, угасает мгновенно, быстро растеряв все силы.

— Убью... убью.... — Продолжает она шептать почти беззвучно.

А мальчик, успокаивая ее ласковым словом, заботливо и осторожно укладывает сестру обратно, закутывая в тонкое одеяло.

— Тише, сестрица, не гневайся. — Шепчет он. — Это люди не злые, хорошие они. Они мне помогли, когда я... когда застрял. Я их позвал. Видать, и с болезнью вашей помогут. Тише, ты ложись, отдохни, не трать сил.

Услышав его, старик разворачивается и отступает от порога. Алеша это замечает, и, уложив сестру на кровать, тут же выходит следом. А подойдя к старику, мальчик всматривается в его лицо с надеждой, но быстро распознает тяжелый взгляд, который тем сложнее выдержать, что это выражение лишь усугубляется приевшейся чертам старика, неизгладимой, мрачной серьезностью.

— Вы же поможете? — Спрашивает Алеша слабеющим голосом, предугадывая ответ, не

все равно не желая расставаться с надеждой.

И его губы вздрагивают раньше, чем старик успевает вздохнуть.

— Алеша. — Заговаривает старик, обернувшись.

Но встретить его взгляд оказывается еще тяжелее, и на глазах мальчика почти сразу проступают слезы, заблестав маленькими кристаллами на нижнем веке.

— Тебе стоит проститься с сестрами. — С трудом продолжает старик. — Времени для этого не так много. И простые травы им уже не помогут.

Мальчик стоит, оторопев, молчит, и не может заставить себя пошевелиться. А старик, прождав несколько мгновений, отворачивается со вздохом, делает шаг и останавливается.

— Иди. — Говорит он, не оборачиваясь. — Не трать время. Его и так у тебя не осталось.

Старик начинает идти, а мальчик остается глядеть ему вслед. Алеша пытается вытянуть руку, но едва может ей управлять. Наконец, спустя еще миг, когда старик отступает от дома шагов на десять, догнав ждущую в стороне колдунью, мальчик, резко набрав воздуха, бросается в дом.

Колдунья со стариком за ним уже не смотрят. Оба идут куда-то молча, ничего друг другу не говоря. И лишь вдали, в тени старого дерева останавливаются, чтобы укрыться ненадолго от жара холодеющего, осеннего солнца, падающего за горизонт.

Утро следующего дня наступает под шумный гул осеннего ливня. Холодными, мокрыми объятиями сваливается он с неба на вымотанную долгим летом землю. И все замирает. Одинокий, полуразваленный домик мокнет под тяжелой дробью капель. Там, в окружении хилых стен, царит смерть.

Поодаль от домика замерла небольшая деревенька. И там тихо, будто всюду с дождем пришла тоска. Везде молчание, и лишь трескотня мощного ливня наполняет мир звуками, будто ничего кроме не существует.

Недалеко, под большим, старым, раскидистым деревом, в молчании замер старик, устремив взгляд к маленькому дому. Над ним, развалившись прямо на ветвях, спит молодая, красивая женщина, задремавшая под шепот дождя. Ближе к середине дня она просыпается, смотрит вниз на старика, недовольно вздыхает и спрыгивает, легко и невесомо паря в пушистых объятиях ветра.

Спрыгнув, заговаривает колдунья не сразу. Со всем своим нетерпением, в этот раз она не торопится начать разговор, медлит, и дожидается, пока ливень стихнет. А когда капли начинают реже бить по листве старого дерева, подступает к старику на шаг.

— Неужели это тебя расстроило? — Заговаривает колдунья спокойным, ровным голосом, таким, какой нечасто скользит на ее пышных губах.

Старик вздыхает, но не поворачивает голову и не отводит глаз от маленького домика.

— Хм. — Кряхтит он задумчиво.

Но колдунья еще не теряет терпение и спокойно ждет.

— Всегда печально смотреть, как кара падает на голову безвинного.

Женщина в ответ слабо усмехается, но без придыхания, не давая спутнику узнать о своей насмешке.

— Безвинного? — Говорит она. — Разве такие бывают?

— Не притворяйся, будто ты меня не понимаешь.

— А я и не притворяюсь. — Складывает колдунья руки на груди. — Этот недоумок по своей воле зашел в проклятый лес, сам угодил в лапы медведя. Значит, он и раньше мог туда зайти. А раз так, то он сам и навлек на сестер проклятие. И после этого ты зовешь его безвинным?

Но старика ее слова не понимают.

— Ответь, — говорит он спокойно, — если он передал сестрам проклятие, то как оно не убило мальчика раньше них?

— Да откуда мне знать? — Отвечает колдунья недовольным голосом, отводя глаза в сторону. — Может, они его в лес ходить и приучили.

— И, по-твоему, они виноваты в том, что заработали проклятие? — Спокойно любопытствует старик, повернув голову к спутнице. — Думаешь, что тот, кто навлек на себя болезнь, тоже виноват в этом сам?

Колдунья молчит, раздумывая, но старик не отворачивается и долго ждет ее ответа.

— Тебе не хуже меня известно, что проклятие и болезнь совсем не одно и то же. — Заговаривает она после долгой паузы. — Но если охотник угодил в капкан другого охотника, то он и сам не умнее зверя.

Старик в ответ слабо улыбается и поворачивает голову в сторону маленького домика.

Тут же слабая, почти незаметная улыбка тает на его лице, но колдунья успеваает ее заметить, во время приглядевшись.

— Никто из них неспособен видеть черные пути колдовского проклятия. — Снова заговаривает старик медленным, спокойным тоном. — Охотник может обнаружить капкан, а обычный человек не в силах видеть растущие на его теле колдовские язвы.

— Вот, снова! — Сердито восклицает колдунья. — Ты знаешь, что я хотела сказать!

Старик улыбается заметней, прикрыв глаза веками. Но спустя миг, едва он открывает глаза вновь, улыбка опять мгновенно слетает с его лица.

— Нет, Айва. Все совсем не так.

Колдунья нахмуривается, вперившись в старика взглядом, но он не обращает на ее сердитое лицо внимания.

— Значит, не помнишь? — Продолжает старик. — Оглянись вокруг. Ты не узнаешь эти земли?

Эти слова заставляют лицо колдуньи потерять сердитый вид, а взгляд искать кругом знакомые черты. Понять, о чем говорит старик, все равно не удастся, но ответа он не ждет и продолжает говорить, промолчав лишь миг.

— Мальчишка не попал в капкан. — Говорит он тише. — Он родился уже в капкане.

Колдунья прищуривается, желая узнать, что пытается донести старик. Она его не торопит и только смотрит, но пока все еще не понимает.

— Оглянись вокруг. — Продолжает старик. — Все, куда достанет твой взгляд, все эти земли, эти травы и деревья, все это проклятый лес. Здесь прежде не было реки. И я не ошибся, когда сказал, что до живой земли еще два дня пути. Но с тех пор, как я ступал по этой земле в последний раз, прошло уже слишком много времени. Хотя, это и не удивительно, что ты успела забыть.

И после его слов, впервые за эти дни на лице колдуньи проявляется изумление. Ее большие, горящие ярким золотом глаза полностью открываются, удивленно разглядывая окрестности, а ум не хочет согласиться.

— Что за нелепость? — Спрашивает колдунья тихим, потерявшим пыл голосом. — Но, если здесь есть люди....

— Не дай глазам обмануть свой ум. — Перебивает старик. — Взгляни на дом этого мальчишки. Он выглядит так, будто стоит здесь уже пару сотен лет. Бревна покосились, крыша съехала, дерево отсырело, и выросла плесень. Готов поспорить, что в той деревушке все дома точно такие же. Ни одного целого, нетронутого гнилым духом жилища.

Колдунья оглядывается, и больше не находит, что сказать. Деревню и так почти не видно, едва торчат вдали печные трубы, а к тому же мешает еще и непроницаемая стена дождя.

— Это не старое поселение. — Заканчивает старик длинную мысль. — Эта деревенька здесь появилась совсем недавно. Может, два поколения, может, три. Но она уже успела сгнить так, будто простояла несколько сотен лет. Так что мальчик не виноват. Он не выбирал, где ему родиться.

И ненадолго повисает молчание. Дождь медленно гаснет, роняя на землю все меньше капель. Шум становится тише, постепенно исчезает, и вдруг наступает полная тишина. Еще не успевают отмереть птицы, но уже пропадает треск ливня. И только редкие капли еще падают с листвы, звонко ударяясь в гладь натекшей лужи.

— Значит, такая у него судьба. — Вздыхает колдунья.

И постояв еще миг, она отпускает с груди руки и делает шаг.

— А теперь идем. Помочь ты ему в любом случае уже не можешь, и делать нам здесь нечего.

Но старик остается на месте.

— Не спеши, Айва. — Зовет старик.

Колдунья оборачивается и мгновенно нахмуривается.

— Хватит. — Велит она сердито. — Не зови меня так.

Но старик в ответ только улыбается. Он ничего не отвечает на ее недовольство, а вместо этого опять заговаривает о мальчике.

— Нам еще рано уходить. Этот мальчишка не так прост, как ты думаешь.

— Пф! — Отворачивается колдунья. — Мне все равно. Идем. Ты всю дорогу меня мучил. Теперь не жди, что я позволю тебе развлекаться.

— Разве тебе не интересно узнать, почему его не тронуло проклятие?

Колдунья оборачивается. Но по ее лицу просто угадать, что уступать она не собирается.

— А с какой стати?

И в этот миг, кинув на старика взгляд, колдунья замечает на его лице эту слабую улыбку. Отчего и в ее выражении проявляется это же настроение, уголок губ слегка приподнимается и отплывает в сторону, а веки опускаются ниже, поселяя на лице колдуньи хитрую, приятную ухмылку.

— Что? — Тут же спрашивает она.

И старик не тянет с ответом.

— Ты же видела его сестер. — Говорит он. — Проклятие их убило, но его почти не тронуло. Даже мы это не сразу заметили. Тебе не интересно узнать, почему?

— Да какая разница? — Отмахивается колдунья, разочарованно выдыхая и отворачиваясь. — Мало ли, как это могло произойти? В любом случае, теперь он тоже проклят.

Старик нахмуривается, и не сводит глаз с маленького домика.

— Хм. — Кряхтит он задумчиво. — Не думаю. Кроме того, мальчишка хорошо разбирается в травах. Его явно кто-то учил с ними обращаться. Хотя, он путает зелья с отварами, но это ерунда.

— Да и пес с ним. — Теряет колдунья терпение.

Она шагает вперед, переступает через небольшую лужу и встает напротив старика.

— У нас нет времени, чтобы с ним возиться. — Заговаривает она изменившимся тоном, обретая серьезное выражение. — Северные королевства, великая цель, конец света и блабла! Не помнишь? Не ты ли мне этим все уши прожужжал?

Но старик ничего не отвечает и только улыбается шире.

— Кто знает? — Говорит он с довольным, безмятежным выражением. — Может, этот мальчик станет вестником тьмы, если не вмешаться, а может, сумеет рассеять мрак, который вскоре поглотит эти земли. Кто знает, может, мы не зря встретили его в лесу, обреченного на гибель. Мы уже вмешались в его судьбу. Не должны ли мы теперь принять за это ответственность?

Колдунья вздыхает, роняет голову в руку, второй упираясь в бедро.

— Только не это. — Качает она головой, потирая лоб. — Ты же не хочешь сказать....

— Именно. — С улыбкой перебивает старик. — Мы должны остаться. Посмотрим, сумеем ли мы помочь. В любом случае, иного шанса спастись у него не будет. Вряд ли в

деревне есть мастер проклятий, или целители. Мы же с тобой хоть что-то знаем, хоть и не те мастера, которые мальчику нужны.

Колдунья медленно опускает руки, а затем опять складывает их на груди. Молча она глядит на старика, но тот продолжает ухмыляться, скрыв глаза под веками, и не отводит глаз от полуразваленного домика. А спустя миг, женщина выставляет ладони вперед и на мгновение опускает взгляд.

— Нет. Все. Хватит. — Качает она головой, после чего опускает руки на бедра и поднимает сердитый взгляд. — Ты меня во все это втянул, но я не обещала заниматься всякой ерундой, какая придет в твою седую голову. Или мы идем дальше, или я возвращаюсь назад.

Старик, улыбаясь, медленно поворачивает к ней голову и открывает глаза.

— Потратишь еще десятилетия, чтобы вернуться? — Говорит он спокойным голосом. — Разве не тебе хотелось поскорее выбраться из леса?

Колдунья, сердясь, опять скрещивает на груди руки и отворачивает голову.

— На ветрах, — говорит она спокойнее, чуть подумав, — я быстро доберусь. И года не пройдет.

И лицо старика в тот же миг наполняется серьезностью, теряя все следы едва заметного удовольствия.

— И ты готова пробудить силу проклятого леса, только бы не потратить несколько месяцев на благое дело?

— А с какой стати? — Зло отвечает колдунья, начиная кривляться. — Вот ты после с этим носатым и разбирайся. Он, как ты там сказал, рассеет тьму? Вот и рассеивайте на здоровье. А мне надоело.

Но уйти колдунья не торопится, и это сердит ее саму только больше. Старик ничего не говорит, только смотрит, но женщина к нему не оборачивается, не желая выдерживать этот строгий взгляд на его лице.

— То не делай, это не делай, не колдуй.... — Бурчит она, еще не решив, как поступить. — Но вот интересный уродец и ему надо помочь, потому что я так сказал. Да иди ты в бездну!

— Странно. — Отвечает старик безмятежным, спокойным тоном, скрывая в выражении улыбку. — Я думал, мальчишка тебя заинтересовал.

— Ага. — Бросает колдунья сердито. — Коромыслом на лице!

— Ну, как бы там ни было, а в травах он больше твоего понимает.

Но колдунья продолжает сердиться.

— Так усынови его, и живите счастливо. — Буркает она.

Только старика ее слова все равно не трогают.

— Пламя твоей души буйное и капризное, как переменчивый ветер. Впрочем, как и обычно. — Говорит старик, и на этот раз колдунья ничего ему не отвечает, пытаясь игнорировать. — И странно видеть, что ты так безразлична к его злой судьбе.

Колдунья поворачивает голову, но только смотрит. А старик молчит, зная, что долго она не выдержит молчания.

— Это еще почему? — Спрашивает колдунья, пытаясь задавить в себе злобу.

— Взгляни на этот домик. — Говорит он тем же спокойным голосом. — Смерть готовится войти в него и забрать жизни тех двух несчастных. И мальчик вынужден смотреть и ждать, ничего не в силах поделать. Разве тебя это совсем не волнует?

Колдунья отворачивается, глядит в сторону с неприязнью, но отвечает спокойным, тихим голосом, похоже, растратив злобу.

— Все когда-то умирают.

Старик набирает воздуха, собираясь заговорить, но на этот раз ошибается, решив, что мысль колдуньи ограничивается этими словами.

— Оглянись вокруг. Сейчас осень. — Говорит она спокойно, неторопливо, медленно поводя кругом взглядом. — Все эти травы умирают. Животные, насекомые, деревья. Каждый день смерть приходит в тысячи домов, каждый день она царит почти всюду. И вернее сказать, что она никуда не пропадает. Она все время здесь, вокруг, подстерегает каждый миг.

Колдунья поворачивается к старику и находит на его лице изумление, пусть слабое, но заметное. Но только сейчас это не останавливает ее слов.

— Зачем жалеть одно существо из всех, что умрут сегодня? Или завтра? Чем один достойнее кого-то другого? — Продолжает колдунья говорить, увеличивая темп. — Тот, кто сам не может от нее сбежать, лишь этим не заслуживает внимания. Сотни... тысячи... даже, наверное, больше, каждый миг какое-то безвинное, как ты говоришь, существо, погибает лишь затем, что так вышло. И никто в этом не виноват. Так какой смысл вообще обращать внимание?

Старик задумывается. Не ожидав такого ответа, он молчит, уводя все дальше поток своих мыслей. А колдунья, видя его промедление, подходит ближе и продолжает говорить спокойно, больше не собираясь растрчивать силы на злобу.

— А теперь идем. — Говорит она, уверенная в своей победе. — Если тебе так хочется, то по дороге можем спасти десяток жуков. А жизнь мальчишки, как и любого другого жука, все равно ничего не стоит.

— Не сравнивай....

— Ладно. Хорошо. — Быстро перебивает Айва, снова ругаясь. — Накормим каких-нибудь оборванцев. Поумничаешь, поделишься с ними мудростью. И того пользы больше будет.

И она сразу разворачивается, собираясь сделать шаг. Но все же старик находит, что ответить.

— Ты права. Нет одной жизни, которая ценнее другой.

— О. — Довольно щурится колдунья. — Не ожидала, что ты....

— Но права ты лишь отчасти. — Сразу перебивает старик.

И колдунья тут же выдыхает, скривив лицо.

— Пф.... — Шипит она от неудовольствия. — Я снова не права, какая неожиданность.

Старик едва заметно улыбается.

— Все так, как ты сказала. — Продолжает он объяснять. — Но тот, кто не сочувствует чужой смерти, тот не может понять ценности своей. Эта печаль и наполняет осень ее загадочным великолепием. Все кругом умирает, но мы привыкаем думать, что оно лишь засыпает до весны. А тогда, когда рождаются новые травы и бесчисленные орды насекомых, когда все начинает кипеть жаром молодой, стремительной жизни, разгорающейся всего на одно лето, тогда в людские сердца проникает такая же неудержимая радость, которая тает в них молчаливой, серой осенью.

Колдунья выслушивает, скрещивает на груди руки, не отворачивает головы, но взгляд отводит в сторону.

— Какой прекрасный треп. — Ехидничает она. — Ну, а раз так, насладись этим

печальным мгновением, и идем дальше. Мне уже тошно становится оттого, что это я должна тебе все объяснять.

Но старик все равно остается на месте.

— Неужели, тебя никак не уговорить?

Он странно улыбается, и колдунья сразу это распознает. В его выражении неожиданно проявляется хитрый прищур, который никогда почти нельзя отыскать на серьезном, усталом и почти неподвижном лице старика.

— О, вот как ты заговорил? — Всматривается колдунья в глаза собеседника. — И ты говоришь, что носатый меня заинтересовал?

— Как насчет спора? — Вдруг интересуется старик.

И колдунья, заинтригованная таким неожиданным предложением, мгновенно поддается чувствам и расплывается в хитрой улыбке, прищуриваясь и снова укладывая руки на груди.

— А? Я не ослышалась?

Старик улыбается.

— Я согласен принять спор на твоих условиях. — Объясняет он. — Попробуем выручить мальчишку, и если получится, то побеждаю я, а если нет, то выигрываешь ты.

Колдунья медлит, ничего не говорит, долго всматривается в лицо старика и вдруг рассмеивается.

— Ха-ха! — Не может она успокоиться. — Нет! Ха-ха! Так не пойдет!

Она продолжает смеяться, едва находя силы вставить несколько слов, но старик терпеливо дожидается, пока колдунья успокоится и не торопится ее разубеждать.

— Ха-ха! Ух! Фуф! — Вздыхает женщина. — Потрясающе! Просто восхитительно! Все-таки, умеешь ты меня позабавить, старик!

Но и теперь, когда колдунья почти успокоилась, старик терпеливо ждет и не спешит ее убеждать.

— Но... нет. — Постепенно успокаивается колдунья, начиная дышать спокойнее, но все еще справляясь с охватившим ее приступом хохота. — Так не пойдет! Ты сказал, что примешь мои условия, так слушай! Я сама помогу мальчишке избавиться от проклятия. И это будет означать твое поражение!

— Хо-хо. — Кряхтя, посмеивается старик. — И как же тогда выиграть мне? Или это в твою задумку не входит?

Колдунья глядит с улыбкой и задором, а ее приподнятое настроение легко отражается на лице в лучистой и радостной улыбке.

— Ты выиграешь в том случае, если сумеешь избавить его от проклятия раньше меня! И только так. — Говорит она. — Но это еще не все. Слушай внимательно, старик! Обещай мне, что когда ты проиграешь, ты будешь исполнять все мои прихоти, пока мы не доберемся до северных царств! Обещай, что будешь служить мне, как самый верный раб, и не посмеешь даже на лице выражать свое недовольство! Вот тогда, черт с тобой, я буду готова остаться!

Старик, вновь смотря на маленький домик, медленно опускает тяжелые веки, но не прячет за ними взгляд. А его лицо, неизменно безмятежное, теперь обретает совершенно необычное спокойствие. И даже колдунья, смотря на него, теряет довольную улыбку и быстро успокаивается.

— Ну что? — Подступает она ближе к старику. — Согласен?

Но старик вдруг печально вздыхает, хотя его выражение ни капли не изменяется.

— Так мы можем сделать только хуже. — Говорит он.

Но колдунья не отступает, подходит еще ближе, кладет локти на плечи старика, обняв его шею, и горячим дыханием начинает щекотать прямо у самого уха.

— Так, и никак иначе. — Шепчет она и сразу же отстраняется.

В мгновение выражение на ее лице изменяется. В строгих, тонких и прямых чертах ее лица, серьезность обретает пугающие черты, способные внушить ужас каждому, кто не способен угадать мысли колдуньи.

— Или прими судьбу и навсегда забудь про этого мальчика.

Но старика даже взгляд ее горящих золотом глаз напугать неспособен, и он, обернувшись, спокойно улыбается.

— Будь по-твоему. — Говорит он. — Я обещаю, что исполню наш уговор.

И колдунья снова расплывается в улыбке, обнажая ряды белых, особенно ярких на фоне ее золотых глаз, ровных и больших зубов. А стены маленького домика в это мгновение сотрясаются душераздирающим, хриплым криком мальчишки. Смерть опустошила дом под стихший шум ушедшего дождя.

Глава 4 — Пораженный

Покосившаяся дверь возвещает тяжелым скрипом о пробуждении хозяина. Старик, дремлющий под деревом, тут же открывает глаза, будто старость не успела прикосновением истереть его чуткий слух, и его взгляд тут же начинает ловить движение.

Яркие, рассветные лучи слепят отвыкший за ночь от дневной белизны взгляд. Но на лице мальчика, ступившего на сырую от росы землю, даже и в свете утра царит неутолимый мрак. Тяжело, устало и медленно Алеша выходит из дома, волоча на спине молодую девушку, почерневшую в первую ночь смертельного покоя.

Старик, разглядев это, хмурится. Подняв голову, он находит взглядом колдунью. Женщина лежит, распластавшись на широкой ветви. Ее ноги свисают с ветвей, руки лежат на животе, а в ее позе сохраняется изящество, которого не лишает колдунью даже такая неудобная поза. На ее лице продолжает сиять узор безмятежной, ветреной красоты. Легкая улыбка пробивается сквозь радостные, теплые объятия крепкого сна, и даже старик, глядя на нее, слегка изменяется.

Колдунью он не будит. Продолжая сидеть на земле, старик почти не двигается и только смотрит. Укутавшись в серый плащ, издали он едва ли напоминает человека. И взгляд, нашедший его случайно, вероятнее примет старика за обычный камень, распластавшийся лениво у корня могучего дерева. Алеша тем более не может его заметить. Слишком тяжелый груз лежит и на его плечах, и в его мыслях. И мальчик, хмурый и безрадостный, уткнувшись взглядом в землю, тащит сестру на спине почти до самого леса, умудряясь нести еще и лопату.

Там, вдали, куда едва достает взор, на окраине свежего, еще не успевшего обрасти могильными камнями участка земли, он долго и упорно роет глубокую яму. Старик щурится и присматривается, но глаза с такого расстояния могут различить только смутные черты, и остается лишь угадывать. А впрочем, сейчас это несложно сделать.

Сверху начинают доноситься приятные, ласковые стоны голоса, пробивающегося через сонную пелену. Старик поднимает взгляд и замечает, как ворочается лежа на ветвях колдунья. С сонной улыбкой она прижимается к дереву, хочет перевернуться на бок, крутится и внезапно срывается вниз.

Старик не шевелится, и лишь его глаза следят за тем, как падает молодая колдунья. Она летит, спиной вниз, готовая рухнуть вблизи, а старик глазами следует за ней, но даже не моргает. И только у самой земли колдунья неожиданно перестает падать, и даже ее юбка парит, не касаясь мокрой, приникшей к земле травы.

Всего миг ничего не происходит, а затем, колдунья открывает глаза. Золотое пламя ее очей мгновенно разгорается в полную силу, и женщина, сохраняя на лице слабую улыбку, сразу же взглядывает на старика.

Лишь теперь он отворачивается, продолжая следить за тем, что происходит вдали. А в это время, колдунью на своих крыльях поднимает ветер, ставит на ноги, и она, подойдя ближе, садится рядом со стариком на корточки, прищуривается и не отводит глаз.

— Значит, — говорит она полным жизни голосом, уже растерявшим сонную медлительность, — какого-то уродца ты бежишь спасать, едва увидел. А когда я у тебя перед носом разбиваюсь насмерть, так ты даже пальцем не шевелишь?

Но старик в ответ, как обычно, не выражает никаких эмоций.

— Но ведь тебя спасти, как видишь, не было нужды. — Едва заметно улыбается старик. Колдунья недолго молчит и через миг слегка печально вздыхает и выпрямляется, быстро уставая сидеть в неудобной позе.

— Но ведь ты же этого не знал?

Старик продолжает молчать. А колдунья, оглянувшись, рисует в воздухе знак. Тонкие, ровные, темно-синие линии быстро застывают на кончиках ее пальцев, и старик мгновенно оборачивается. Но колдунья его взгляд не замечает, или попросту не обращает на него внимания.

В любом случае, вскоре уже ветер приносит ей охапку яблок, не успевших еще опасть до прихода холодов. Старик, заметив их, оглядывается, но яблони поблизости не находит. Оттого он глядит на колдунью с еще бóльшим укором, а она лишь теперь это замечает.

— Чего? — Щурится колдунья, задрав до колен подол с яблоками.

Ей даже не приходится держать ткань, ветер сам поднимает юбку выше, а женщина лишь держит кончиками пальцев нарисованный в воздухе символ, не давая ему растаять.

— Тоже хочется? — Расплывается она в улыбке. — А вот сам теперь поищи себе еду. Я и хотела тебя угостить, когда проснулась, но, считай, что разбилась, когда падала. Да и еды тут все равно даже одному не хватит.

Старик в ответ сердито вздыхает и отворачивается. Не часто он проявляет хоть слабые эмоции, а потому колдунья не спешит быстрее надкусить плод и начинает пристально следить за ним взглядом. А старик не дает выдумывать причины своему недовольству и сразу его объясняет.

— Если ты продолжишь призывать руны на проклятой земле, то....

— Точно! — Спыхватывается колдунья, не давая закончить.

Тут же она отпускает нарисованный в воздухе знак из десятка сплетающихся в чудном узоре линий, и юбка мгновенно начинает падать. Колдунья сразу подхватывает ее руками, удерживая на черной ткани платья свежие яблоки.

— Постой! — Хмурится она недовольно. — Так мы теперь без колдовства.... Вот же чертовщина! Как я об этом забыла?!

Старик улыбается и так, что сейчас это даже можно различить. Но он не поворачивает голову, не дает колдунье заметить свою улыбку.

— Да, верно. Неудобно.

— А до живой земли далеко еще? Может, уведем мальчишку?

— Как я и говорил, — спокойно отвечает старик, — еще почти два дня пути. Мальчишка откажется, в этом нет сомнений.

— Проклятье, старик! — Вздыхает колдунья. — Почему ты мне об этом не напомнил?

И старик вновь начинает улыбаться, но опять не поворачивается.

— Ну, — говорит он, — если согласишься на ничью....

— Ха! — Вспыхивает женщина. — Не дожدهшься! Я тебя, как беззубого сосунка уделаю! Уж ты у меня попляшешь.

— А жаль. — Отвечает он. — Так было бы намного проще. И быстрее.

— Ни за что. — Упирает колдунья руки в упругие бока, обтянутые черной тканью длинного платья. — Чтобы я упустила такую возможность? Да я тебя такое заставлю делать, что твое перерождение не забудет!

— Ну как знаешь. — Спокойно отвечает колдунье старик, похоже, ничуть не беспокоясь о ее угрозах. — Но если так, то лучше поторопись и скорее доедай свои яблоки.

Женщина, рассматривая старика, откусывает кусочек сочного, но твердого плода, разжевывает, глотает и только после дает беседе продолжиться.

— А это еще почему? — Спрашивает она. — Разве мы куда-то уходим?

— Взгляни туда. — Указывает старик на кладбище. — Видишь что-нибудь?

Колдунья щурится, смотря вдаль.

— Да, кто-то.... Пстой! Это что, носатый? — Оборачивается она, не сдерживая удивление. — Так он уже оклемался? Неплохо. А по виду не скажешь, что он такое вообще переживет. Думала, будет реветь неделю, не меньше.

— Не волнуйся, он еще успеет тебя удивить.

— Да что ты?! — Резко оборачивается колдунья.

— Тебе лучше поторопиться и отправиться за ним следом, — говорит старик, — пока еще мальчишка не угодил в неприятности. На проклятой земле я ничем не смогу ему помочь. А к тому же, для тебя это шанс узнать мальчишку лучше.

Но колдунья лишь презрительно отмахивается слов и укладывает руки на груди под вырезом.

— Мне все равно. — Говорит она. — Мне же нужно лишь избавиться его от проклятия, верно? Сделаю это — и тогда смогу с тобой развлекаться, сколько захочу.

— Не похоже, что тебе очень нужно мое послушание. — Перебивает старик. — Так что займись делом и проследи за мальчиком. Сейчас только ты сможешь ему помочь, если что-нибудь случится.

— Не нужно твое послушание? Ха! Ты думаешь, я этого не сделаю? Ох, старик, готовься. Ведь когда ты проиграешь....

— Я ведь уже проиграл. Разве ты забыла? — С улыбкой перебивает старик. — Ты выиграла спор. Там, в лесу. И я обещал подчиняться, до тех пор....

— А ведь точно! Ха-ха! И как я забыла? — Радуетя женщина. — Что ж, отлично тогда....

— Не спеши. Мы ведь уже вышли из леса. Пусть мы еще на проклятых землях, но лес уже позади. А ты помнишь, какой был уговор?

И лицо колдуньи быстро мрачнеет.

— Раз ты даже не воспользовалась шансом мной управлять, — продолжает старик, — то вряд ли тебе это вообще было нужно.

Колдунья стоит на месте, опустив руки, глядит на старика и быстро закипает, а скоро уже не сдерживается.

— Проклятье, старик! Ты меня обманул!

— Хитрость, — еще продолжает старик улыбаться, но постепенно лишается своей улыбки, хмуро вглядываясь в сторону кладбища, — это оружие глупца.

И этими словами ему удается быстро успокоить колдунью. Хотя ее сердитое выражение лишь чуть гаснет, но никуда не исчезает.

— Опять эта нелепица. — Бурчит она, продолжая еще сердиться. — Как ты мог мне соврать?

— Прости, маленькая Айва. — Говорит он тихо. — Я и сам вспомнил о нашем споре, лишь когда вышел из леса.

Колдунья сердито морщится, глядит в сторону, вжав голову в плечи, и не желает поворачиваться. И старику опять приходится ее торопить.

— Иди. — Говорит он, спустя немного времени. — Будь рядом с мальчишкой. Этого

достаточно, чтобы вскоре ты и сама всей душой захотела его спасти.

Колдунья медленно поворачивает голову, шурится с подозрением и ничего не говорит. Но старику достаточно сейчас одного взгляда, чтобы прочесть ее мысли.

— Иди. — Повторяет он. — Не узнав мальчика, ты не сумеешь меня победить.

Колдунья продолжает сердито шуриться, но больше не может заставить себя промолчать.

— А с какой стати тебе заботиться о моей победе? — Всматривается она в лицо старика. — Уж не думаешь ли ты, что я поверю, будто тебе самому хочется мне прислуживать?

Но старик в ответ ей улыбается.

— Не все же мне рассказывать. — Говорит он спокойно. — Но, ладно, в этот раз я тебе отвечу. Как я сказал, не узнав мальчика, ты не сможешь одержать надо мной верх, но дело в том, что узнав его, ты уже не останешься равнодушной.

И колдунья недовольно фыркает, явно не разделяя уверенность старика.

— Как скажешь. — Говорит она, повернувшись и глядя вдаль, туда, где Алеша уже закапывает тело одной из сестер в глубокую, вырытую с трудом могилу. — В любом случае, не жди от меня пощады.

Только ее слова старика не трогают.

— Теперь иди. — Говорит он вновь. — Проведи с ним несколько дней, и ты сама все увидишь.

И колдунья, помедлив, взлетает и уносится на ветрах в сторону домика, к которому уже идет с деревенского кладбища и сам мальчик. А старик лишь успевает напомнить, чтобы колдунья не призывала напрасно печати, и после ее ухода, старик поднимает с земли брошенные Айвой яблоки и начинает есть, тщательно вытерев их о ткань серой рясы.

Алеша возвращается к дому измотанный и уставший. Зайдя внутрь и лишь на миг опершись на стену, он всего на мгновение закрывает глаза, а открыв, тут же вздрагивает, пробуждаясь от внезапно захватившего сна.

Мальчик сразу вскакивает и оглядывается. В тесном, маленьком жилище ничто не желает успокоить его тревог. Проведя взглядом, Алеша сразу останавливает его на соломенной кровати, где покоится холодное, безжизненное тело его младшей сестры.

Еще мгновение он только стоит, глядя на спокойный, безмятежный сон девушки, уже неспособной проснуться, но миг быстро проходит, и мальчик печально опускает глаза. А после, стараясь не глядеть в лицо сестры, подходит ближе и еще долго не может решиться поднять ее с кровати.

Колдунья уже начинает скучать, дожидаясь, когда мальчик выберется из дома. Пока она только следит издали, гадая над тем, отчего старик так им заинтересовался, но вскоре устает и поглядывает в сторону дерева, уже раздумывая вернуться.

Старик успевает доесть оставленные на земле яблоки, и колдунья, будто может заметить это даже отсюда, с ветвей небольшого дерева, растущего за домом мальчика, устало выдыхает. И неожиданно ее слух улавливает тяжелый скрип кривой двери.

Сразу же колдунья устремляет взгляд к входу, через который из дома выбирается мальчик. Едва волоча уставшими ногами, он тащит на спине холодное, окоченевшее тело сестры, чуть не падая, но не собираясь останавливаться.

Когда Алеша проходит мимо стоящей у дома маленькой и кривой телеги, женщина не удерживается от ехидной усмешки. Закинув одну ногу на другую, она одновременно

скрещивает на груди руки и вновь устремляет взгляд к большому дереву.

— Ответь, старик, — шепчет она едва слышно, так, что и на расстоянии шага собеседник не сумел бы расслышать ее слов, — ты же не думаешь, что этот идиот удивит меня своим бараньим упорством?

Мимо проносится ветер, шелестит листва, но колдунья, застыв, не спешит отвернуться.

— Даже здесь, на проклятой земле, — вдруг раздается тихий голос старика у самого уха, — ты готова тратить силы на пустую болтовню? Твоя легкомысленность убьет тебя однажды, и даже я не смогу помочь, если ты не будешь прислушиваться.

Но колдунья лишь очерчивает взглядом полукруг, достав им до облаков, и резко бросив по дуге в обратную сторону.

— Мне для этого не нужно даже пробуждать печати. — Говорит она, сидя на ветвях, и начинает качать ногой. — Так что отстань, старик. Я не настолько глупа, чтобы колдовать на проклятой земле. Ну... если только в самом крайнем случае.

— В том и беда, — раздается голос старика, — что каждая твоя прихоть тебе кажется отчаянной необходимостью.

Колдунья раздраженно фыркает.

— Хватит, старик. Не затем мне ветер приносит твои слова, чтобы ты мне надоедал своими поучениями. Лучше скажи, долго мне еще смотреть за этим пустоголовым? Он, кстати, сейчас как раз загоняет себя в могилу.

Старик в ответ молчит.

— Что, не интересно? — Улыбается колдунья, щуря глаза.

— Вовсе нет. — Приносит ветер ответ. — Но я уже привык видеть, как часто ты ошибаешься.

Колдунья вдруг хмурит взгляд и наклоняет корпус, хотя старик так далеко, что наклонившись, она все равно ничего не сумеет этим добиться.

— Не зли меня, старик.

И он тут же уводит разговор в другую сторону.

— Оставим это. — Приносит ветер его голос. — Скажи, что с мальчиком? Отсюда мне трудно что-нибудь разглядеть.

Колдунья вздыхает, но тихим вздохом рассеивает на лице недовольство.

— Что с ним? Недостаток ума, видимо. — Отвечает она сердито, но почти сразу вздыхает и объясняется. — Он тащит мертвую девчонку. На спине.

Колдунья делает небольшую паузу.

— Считаешь, он не должен ее захоронить?

— Да я не об этом. — Сердится колдунья, так же мгновенно возвращая хмурый вид, как быстро она умеет с ним расставаться. — Этот олух прошел мимо телеги и собирается тащить ее на себе до самого кладбища. Вот я и хочу тебя спросить, уж не думаешь ли ты, что ему достаточно бараньего упорства и пустой головы, чтобы меня впечатлить?

Ну а старик, как всегда, остается непоколебим.

— Наверное, — говорит он, — у мальчика есть на то причины.

— Да какие еще причины? — Недовольно отворачивается колдунья, словно ее жесты и движения могут долететь до старика вместе с тоном голоса. — Она же мертва. Какая разница? Кинул бы в телегу и отвез. Хотя, знаешь, если он умрет вот так, то я пусть и не выиграю, но хотя бы мы тут дольше не останемся.

— Для него есть разница. — Говорит старик. — Для него эта девушка навсегда

останется живой, пока жива память о ней. Если он не свалил ее в телегу, то должен иметь на то причину.

— Ха-ха! — Не удерживается колдунья. — Да пусть в ней хоть навоз возили, какая разница? Девчонка мертва, все это уже не имеет значения.

Старик ничего не отвечает, и беседа оканчивается. Снова Айва терпит молчание и скуку, занимая себя ломанием веточек, срыванием листков и бездельем, но продолжая наблюдать за тем, как Алеша медленно движется к кладбищу.

Ее интерес быстро угасает. Мальчик долго закапывает сестру в глубокую яму, затем до самого вечера продолжает еще ждать у свежих могил, все никак не решаясь окончательно проститься с сестрами, и лишь с темнотой возвращается обратно в свой маленький дом. Колдунья остается спать прямо на ветвях у дома, даже не предупредив старика, и уже наутро, едва она открывает глаза, первые же звуки рождают в ней интерес, перед которым Айва даже не пытается устоять.

Едва наступает рассвет, как уже раздается противный, тяжелый скрип покосившейся двери. И даже ветру не нужно приносить его к самым ушам колдуньи, чтобы та немедленно проснулась, с удивлением обнаружив, что мальчишка собрался куда-то идти, взяв с собой корзинку.

Хотя, привлекает женщину вовсе не его раннее пробуждение, а уж тем более не его мотивы и желания, но ей становится интересно узнать, что заставило его подняться с самого утра, если еще только вчера он так вымотался, что по пути домой спотыкался и падал.

Колдунья сразу отправляется следом, незаметно перескакивая с одного дерева на другое, и продолжая следовать за мальчиком все дальше и дальше, пока он не доходит до моста, ведущего через реку в проклятый лес. Сев на ветвях, она глядит, как мальчик, сжимая корзинку, встает на пороге леса, готовясь пересечь его границу.

Медленно уголок губ на женском лице начинает ползти в сторону, и колдунья обретает свою необычную, хитрую и загадочную улыбку. Не поворачивая головы, она уводит взгляд в сторону, будто отсюда пытается достать глазами до старика. Но время уходит. Мальчик быстро осмеливается на риск и, глубоко вздохнув, делает первый шаг.

Айва задумывается, что старик наверняка растрчивает нервы, видя, как мальчишка с женщиной быстро исчезают, мелькнув едва различимым пятном на фоне плотного леса. И это лишь подогревает ее интерес. Так и не обернувшись, колдунья следом за мальчиком перемахивает на ветрах через мост, промелькнув среди ветвей, но Алеша замечает только шорохи, которые не оставляют следов. Взглянув вверх, он никого не обнаруживает, вжимает голову в плечи, и испуганный, но полный решимости, продолжает идти, гоня прочь тревожные мысли.

Колдунья следует за ним, укрываясь за лиственным одеялом осеннего леса. Она легко прячется от настороженного взгляда неопытного мальчишки, а едва он окажется близок к тому, чтобы поймать ее своим взором, как Айва заставляет хрустнуть в другой стороне ветку, или зашелестеть листву, и мальчик тут же испуганно отворачивается, теряя шанс обнаружить свою преследовательницу.

Вскоре колдунья начинает скучать. Перемахнув с одного дерева на другое, она вздыхает разочарованно и сидит на ветви, разбалтывая ногами. Она уже и не пытается скрываться, но мальчик все равно ничего не замечает и продолжает идти вглубь леса, испуганно оглядываясь по сторонам, но до сих пор ее не замечая.

Иногда, Алеша останавливается, чтобы собрать и уложить в корзинку какую-нибудь

траву, но уходит полдня, а у него едва ли набирается треть корзинки. И колдунья начинает раздумывать, не бросить ли мальчишку одного. Ведь он и сам знал, на что идет, когда отважился снова пойти в лес, даже несмотря на то, что случилось с ним в прошлый раз. В этот миг она замечает в стороне движение, выпрямляется и устремляет серьезный взгляд как раз туда, куда медленно идет мальчик.

Прищурившись, колдунья хмурится и продолжает всматриваться вдаль. И даже старик не решился бы игнорировать такой ее взгляд, ведь даже сердясь и осыпая его проклятиями, за всю дорогу едва ли колдунья хоть раз глядела куда-нибудь так напряженно.

Алеша продолжает идти, не имея возможности заметить того же, что видит колдунья. Только и она не торопится его предостеречь, хотя и уделяет мальчику теперь гораздо больше внимания, с интересом наблюдая, как он все ближе подступает к опасной черте.

Снова пробуждается ее интерес. Колдунья теперь следит так увлеченно, что и сама не замечает, как ее мысли своевольно обращаются словами.

— И что же ты будешь делать? — Присматривается она к мальчику.

Алеша видит только тихий, мирный, спокойный лес. Даже мелкая животина пропала, не шуршат птицы и шустрое зверье, и кругом царит безмятежный покой, и лишь память о недавней схватке с медведем не дает забыть об опасности.

Мальчик не ослабляет бдительности. Осторожно и неторопливо он продвигается все дальше, рыща взглядом по растущим всюду травам и цветам, не останавливаясь подолгу ни на одном растении. Вскоре он проходит мимо старого, гнилого и облезлого ствола. Это измученное дерево сразу же привлекает взгляд Алеши. Удивленно оглянувшись, он замечает, что вокруг нет больше ни одного подобного ствола, ни одного настолько разрушенного временем и жестокой борьбой долголетних растений, отнимающих дневной свет у хилых, младших собратьев.

Отчего-то, лишь взглянув на это несчастное, доживающее свой век дерево, мальчик сразу приковывается к нему взглядом. Как зачарованный, Алеша подходит ближе, забывая оглядываться. Медленно протянув ладонь, он аккуратно касается покореженного ствола, криво ползущего ввысь, но осевшего под собственной тяжестью, как горбатый старик, бессильный выпрямить спину.

Прикоснувшись к морщинистой коре, Алеша опускает тяжелеющий взгляд, не замечая, как хмурое выражение быстро покрывает его лицо. Все ниже бредет он к земле по кривому, хилому стволу, испещренному ссадинами и ранами, оставленными лесными жителями. И вдруг, широко открывает глаза. У самой земли, спрятавшись в широких листьях пушистого, непримечательного растения, прямо под ногами мальчика вдруг находится удивительный цветок. Тонкие, длинные белые лепестки медленно покачиваются на едва заметной ножке, похожей на волосинку.

Мальчик впервые глядит на это удивительное растение, не сдерживая изумления и совершенно забывая глядеть по сторонам. Он знает, что это за цветок, ведь именно за этим растением пришел сюда вновь, именно его пытался отыскать в прошлый раз. И потому, Алеша не может удержать радость.

А впрочем, эти чувства быстро тают, не оставляя о себе даже короткой памяти. И, едва сорвав цветок, мальчик тут же становится хмур, еще не успела на его лице расцвести улыбка. Немедленно он начинает действовать.

Отодвинув пушистые листья сорняка, мальчик осторожно срывает маленький, неприметный цветок с тонкими, белыми лепестками, заботливо укладывая его в корзинку.

Сразу же он оглядывается, не утрачивая решимость и собираясь отыскать в округе еще несколько цветов, но едва поворачивает голову, как неожиданно упирается взглядом в лицо, мгновенно проникаясь ужасом.

Кругом никого и ничего. Только молчаливый лес, безразличный к страданиям его жителей, бесстрастный наблюдатель, видевший бесчисленные смерти, глядевший пустым взглядом на то, как дикие животные задирают мелких собратьев, как гниют их останки, и ни разу не пожелавший вмешаться. И теперь все даже хуже, чем в прошлый раз. Прямо перед мальчиком сидит уродливое, отвратительное существо, вылезшее из вязкой жижи болотистых земель, спрятанных под жухлой травой. Мерзкая, черная тварь со склизкой кожей, измазанной грязью, с налитыми кровью глазами сидит перед Алешей, молчаливо наблюдая. И миг царит благостная тишина и молчание. А может, это лишь страх вынуждает слух не замечать окружающие звуки. Но как бы там ни было, в следующее же мгновение все исчезает, и мерное дыхание леса быстро сменяется яростным пылом животного безумия.

Длинные, кривые руки жуткого монстра, с двумя изгибами, путая взгляд вторым локтем и кривым уродством, устремляются к мальчику, но застывают в полете. Существо, по пояс сидящее в луже вязкой грязи, разевает широкую пасть, усеянную гнилыми зубами и рождает такой дикий и ужасающий рев, что кажется, будто даже величественные стволы вековых деревьев пригибаются, испугавшись этого жуткого воя.

Алеша ничего не успевает сделать. Тут же существо бросается вперед и хватается мальчика за руки. Когти мгновенно впиваются в тонкую, слабую кожу, раздирая ее так быстро, что оставленный след даже не сразу проливается кровью, и на миг можно успеть заметить нежный, розовый оттенок человеческого мяса.

Алеша начинает кричать, что есть силы, чувствуя, как острая боль, проникнув через рану, пронзает все его тело. И его беспомощный крик даже пугает монстра, но лишь на мгновение. Тот отскакивает, опасаясь удара, но тут же начинает рычать и бросается снова, очередным ударом заставляя появиться новую рану.

В этот миг Алеше становится ясно, что теперь все кончено. Эта тварь ничуть не похожа на медведя. Кажется, даже с медведем было больше шансов справиться в одиночку, чем с этим жутким существом. И даже боль как будто начинает отступать. Ведь теперь уже все не важно, теперь ведь даже не надеешься, что на пути снова встретятся незнакомые волшебники, бредущие через лес к своей загадочной цели.

В землю, в паре шагов от мальчика, внезапно и быстро, промяв сырую почву чуть ли не по самые щиколотки, врезаются черные, блестящие, тонкие сапожки. Медленно и неспешно опадает на них черная ткань длинного платья, а Алеша, обернувшись вместе с уродливым монстром, узнает лицо колдуньи. И мгновенно в его сердце оживает тихое пламя надежды.

Навалившийся на Алешу монстр тоже не оставляет колдунью без внимания. И пока глаза мальчика раскрываются шире, чуть ли не наполняясь слезами радости, будто вылепленное из грязи существо бесстрашно кидается на незнакомо-го врага, готовясь вонзить острые когти в изящное женское тело.

Только для колдуньи монстр не представляет угрозы. Ей даже не приходится рожать печать, рисуя в воздухе замысловатые символы. Айва лишь взмахивает ладонью, рождая ветер, и в тот же миг резкий порыв с такой силой ударяет в бросившегося на нее монстра, что откидывает его аж на десяток шагов.

Алеша молча и удивленно смотрит за тем, как жуткий монстр, пролетев большое расстояние, плюхается в вязкую жижу и утопает с головой. Проходит миг, но монстр не

появляется. Исчезнув под поверхностью болотной жижи, он исчезает, не спеша показаться вновь.

Мальчик оборачивается к колдунье, но не успевает ничего сказать. Он в мгновение замирает, глядя на то, как двигается женщина. А колдунья, встав на одной ноге, задирает вторую так высоко, что задирает подол и оголяет колено. Колдунья смотрит вниз сердитым, но вполне спокойным взглядом, даже не разжимая скрещенные на груди руки и вдруг широко улыбается.

Алеша, повернувшись, успевает все разглядеть. Прямо у колдуньи под ногами внезапно начинает вздуваться земля, и стоит лишь чуть промедлить, как острые когти лесного монстра тут же вонзятся в нежную плоть, беззащитную перед убийственным оружием существа. Тут же поднятая нога колдуньи начинает резко опускаться, бросая юбку падать следом. А из-под земли вырывается лесной монстр, разевая пасть, еще не успевает отсыревшая листва слететь с его уродливой, бесформенной морды, облепленной грязью.

Этот миг и застывает во взгляде Алеши. Но следом, колдунья мгновенно опускает ногу, втапывая монстра сапогом обратно в землю. Она делает это так резко, что Алеша даже не успевает ничего заметить. Только небольшой клочок белого пара, волной покотившийся от колена перед тем, как стопа ударилась в землю, вынуждая лесное чудовище провалиться обратно.

Становится легче, теперь ведь уже нечего бояться. Рука жутко болит, но Алеша почти не обращает на это внимания, еще пока способный наблюдать за тем, как легко и игриво колдунья отбивается от атак жуткого существа. Из-под земли вырываются длинные лапы, гнущиеся в двух локтях, и пытаются схватить. Но колдунья легко отбивается от монстра, всего лишь резко взмахивая ладонью каждый раз, когда он решается на атаку. И наконец, устав нападать, а может даже поняв свое бессилие, лесное чудовище ненадолго исчезает.

Не успевает Алеша обрадоваться, как монстр появляется снова. Вынырнув из-под земли прямо рядом с мальчиком, чудовище хватает его цепкими лапами, упирается в грудь Алеше коленками, а когтями на руках впивается в плечи с такой силой, что не дает пошевелиться и даже вздохнуть. Крик, неспособный прорваться через боль, так и застывает на раскрытых губах Алеши.

Лесное чудовище, запрыгнув на мальчика, снова обращает взгляд к колдунье. Защищая свою жертву, он рычит на женщину, и Алеша, едва способный повернуть голову от боли, замечает спокойную, хитрую улыбку на лице колдуньи, после чего мальчик тут же замирает.

Мгновенно отступает боль. Ее прогоняет безмерный ужас, вмиг парализующий тело и останавливающий биение сердца. Эта жуткая тварь, впившаяся в плечи мальчика острыми когтями, продолжает рычать, и от каждого движения боль должна пронзать с новой силой, но Алеша ничего не чувствует. Он только смотрит молча на колдунью, недоумевая перед ее жестоким безразличием.

— Да-да. — Вздыхает она, складывая на груди руки. — Это твоя добыча. Я поняла.

И монстр будто ее понимает. Он рычит еще, но уже слабее, начиная с опаской отступать назад, но не отпуская мальчика.

Алеша же еще не может побороть оцепенение и таращится на колдунью, все еще не может понять, отчего она не спасает его, ведь женщине ничего не стоит взмахнуть рукой и бросить чудовище в сторону, вынудив лезть обратно в свое болото, но она ничего не делает. А монстр продолжает медленно пятиться назад, слезает с мальчика, и вновь заставляет тело Алеши наполниться болью.

Вонзив когти в ногу мальчика, лесное чудище начинает волочь его спиной вперед. Оно не поворачивается, не сводит с колдуньи глаз и тащит Алешу дальше, пока мальчик не осознает, насколько близок миг его гибели. В этот момент в лице Алеши проявляются необычные черты, которых за эти несколько дней колдунье видеть еще не приходилось. Мальчик уставляется на нее с отчаянным, но ярким, искренним и яростным желанием вырваться из лап монстра во что бы то ни стало. И мальчик, тратя едва ли не последние силы, бросает вперед руку, хватается за торчащую из земли корягу и кричит, что есть силы.

— Помоги!

Крик рождается легко, быстро добираясь до слуха колдуньи. Но она лишь разводит руками, ничего не отвечая. Чудище, вцепившись в ногу, начинает рычать и тянет сильнее, отчего все тело снова пронзает острая боль, исчезающая лишь на мгновение, но Алеша продолжает кричать.

Монстр быстро выходит из себя, вытаскивает когти из ноги мальчика и с размаха вонзает их снова. Алеша начинает кричать, но крик почти сразу обращается воплем.

— Спаси меня! Пожалуйста!

Он еще продолжает орать, но успевает почувствовать, как всего лишь от крика его тело покидают остатки сил. Быстро слабей, мальчик выпускает из ладони старую ветку, и лесной монстр вновь начинает тащить его дальше к болоту.

— Волшебница, — зовет мальчик, уже растратив силы и неспособный кричать, — прошу... спаси.

И колдунья снова изменяется в лице. Слегка щурясь, она улыбается в своей манере, приподняв и отведя в сторону один уголок рта. Ее золотые глаза от этого будто тускнеют, но продолжают сиять солнечным огнем. И тут же женщина бесстрашно подходит ближе.

Монстр даже останавливается, вновь лезет на мальчика, хватая его за голову и прижимая к сырой земле, усыпанной опадающими листьями. Он рычит, но колдунья даже внимания на чудовище не обращает и подходит все ближе. А когда оказывается на расстоянии пары шагов, чудовище бросается на колдунью. Она сразу же отбрасывает монстра в сторону, легко взмахнув рукой, а сама присаживается на корточки, глядя с тем же выражением на мальчика.

— Ну и с какой стати, — вопрошает она спокойным голосом, — мне тебя спасать?

Мальчик теряет, еще шире раскрывая глаза от изумления, но отчетливо увидев шанс на спасение, пытается забыть о боли и хочет подползти, но только скорчивается, чувствуя, как каждая нанесенная рана ноет от малейшего движения.

Стиснув зубы, он резко поднимает к колдунье взгляд. Слышно, как позади уже бежит к нему лесное чудовище, вспахивая на бегу землю острыми когтями, и Алеша старается не растратить впустую ни единого мгновения.

— Я разбогатею. — Заявляет мальчик уверенно. — Я смогу отплатить. Мне только нужно немного....

В этот миг чудище снова пытается броситься на колдунью, яростным рыком прерывая Алешу, но женщина так же просто, как и в прошлый раз, отбрасывает монстра в сторону. А впрочем, только шагов на пять, и чудище, вскочив, тут же бросается обратно, и колдунье снова приходится его швырнуть на десять шагов назад.

— Ну и какое мне до этого дело? — Говорит она, снова и снова вынуждая чудовище отступать, будто играясь. — Я тебя уже спасла один раз. И что? Говорил тебе старик, чтобы в лес ни ногой.

Алеша, вцепившись ногтями в землю, подползает чуть ближе. Но расстояние между ним и женщиной почти не убавляется, а боль снова вынуждает мальчика замереть.

— Это для зелья! — Оправдывается Алеша, но чувствует, как даже голос, становясь громче, заставляет его тело гореть от боли.

Корчась, он с трудом заставляет себя терпеть.

— Мне нужен волшебный цветок. — Продолжает мальчик тише. — Больше я не стану....

— Даже не знаю. — Вздыхает колдунья, изображая скуку.

Глядя на нее, можно поверить, что ей действительно надоело играть с монстром. И сам он уже бросил попытки напасть и хочет только дотянуться до мальчика, чтобы схватить заслуженную добычу и утащить в свое грязное болото. Алеша это замечает, решив, что теперь она его спасет, вновь, если только выйдет ее убедить.

— Я сделаю все, что скажешь! — Тут же оживляется мальчик, стремясь отдать женщине желаемое, чего бы она ни желала, все равно сейчас у него нет возможности раздумывать над этим. — Я сварю зелья... какие угодно. Я могу....

Но у него уже получилось отыскать слова, которые привлекли колдунью, ведь заслужив его послушание, она быстрее и легче сумеет расправиться с проклятием мальчика, а значит, быстрее получить свою награду, то единственное, что действительно пробуждает в ней интерес. Так решает Айва.

— Сделаешь все, что я скажу? — Переспрашивает она.

Колдунья медленно расплывается в странной, а сейчас даже жуткой улыбке, которая волшебным образом почти не трогает одну половину лица и полностью изменяет другую. Прикрыв золотые очи веками, она отводит уголок губ в сторону и вверх сильнее обычного. И в это самое мгновение ее лицо становится таким пугающим, что даже Алеша, забывшись на миг, задумывается о том, стоит ли давать это обещание, но тут же мальчик гонит прочь эти мысли.

— Все! — Отвечает он решительно, сумев даже приблизиться немного, через боль подтягиваясь на руках по земле. — Только помоги.

С надеждой он всматривается в красивые, полные очарования глаза, непостижимым образом сочетающие наравне с безмятежной красотой весь ужас безразличной жестокости, а колдунья все медлит. И лишь через миг, когда чудищу почти удастся вновь схватить мальчишку за ногу, отбросив монстра, она соглашается.

— Договорились! — Резко поднимается колдунья. — Но если обманешь....

— Нет! — Тут же отвечает мальчик, немного привыкнув к боли и от радости сумев даже с ней справиться. — Не обману.

Только женщина вновь медлит, смотрит с подозрением, будто сомневается. Но еще миг спустя эта странная улыбка быстро улетучивается из ее выражения, а глаза, открывшись, наполняются блеском спокойствия и ясности.

— Что ж, поглядим. — Говорит она и поворачивает голову в сторону монстра.

Но прежде чем Алеша успевает последовать за ее взглядом, колдунья уже отдает ему первое указание.

— А теперь закрой глаза. — Велит она. — И не открывай, пока не скажу.

Мальчик немедленно исполняет требование. Сразу же просыпается боль. Казалось, она уже ушла, можно не замечать, как тело горит от свежих ран, но только стоило всему закончиться, как снова по всему телу разливается боль, будто от него отрывают целые куски.

Алеша пытается успокаивать себя мыслями, что все уже кончено. Теперь ведь уже действительно нечего бояться, но получается отвлечься лишь тогда, когда мальчик прислушивается к странным звукам где-то позади.

За спиной раздается этот жуткий рык лесного чудовища, который уже врезался в память намертво, но тут же он начинает гаснуть. По звуку можно угадать, что монстра резко бросило в сторону, но вот падения не было слышно. Затем вновь рык, который на этот раз быстро обращается хрипом, затем стоном, а после гаснет, исчезая бесследно. Затем едва заметный, слабый хруст и тишина, от которой мгновенно начинает звенеть в ушах. И вдруг, шлепок. Легко угадать, что нечто упало в вязкую жижу болота, и так же просто осознать, что именно. Только сейчас мальчик позволяет себе вздохнуть спокойнее, но набрав воздуха, лишь заставляет боль снова проснуться.

Алеша стискивает зубы, сильно жмурится и терпит, повторяя в мыслях, что скоро все непременно кончится, что все будет хорошо, но неприятные мысли начинают неприятно терзать уже сейчас. Ведь теперь он обязан платить женщине послушанием за то, что она спасла его от неминуемой гибели.

— Ну, все. — Спокойно заговаривает колдунья. — Можешь открывать глаза.

Мальчик тут же поднимает веки и устремляет взгляд к спасительнице. Та стоит, как ни в чем не бывало, держит одну руку на уровне груди перед собой, подняв ладонь кверху, а вторую руку упирает в талию.

— Ладно. Вставай. — Продолжает она. — Не хочу тут надолго оставаться.

Алеша едва удерживает себя в руках. В чувствах, боль продолжает разрывать его тело на куски, а глаза слезятся, пускай даже и удастся не разрыдаться. Ноги и руки едва шевелятся и даже говорить тяжело, и можно только недоумевать, как женщина не понимает, что мальчик не только идти, но сейчас не может заставить себя даже пошевелиться.

— Я... я не... не могу. — Говорит он вдруг пропавшим голосом, чувствуя, как гаснут силы, как пропадает голос и слабеют даже веки.

— Не можешь? — Оборачивается колдунья и глядит сердито, но тут же успокаивается, зачем-то продолжая держать правую руку на весу, ладонью кверху. — Ну, тогда ничего не поделай. Раз не можешь идти, то тут и умрешь. Не думаешь же ты, что я на себе тебя потащу?

Алеша не может побороть удивление и молчит, но ждать колдунья не собирается.

— Эх, жаль. — Вздыхает она, но печаль даже слабо не проявляется в голосе женщины. — А хотя, все равно толку бы от тебя было мало. Ну, я тебя спасла. Ладно уж. Не хочешь жить, как хочешь. Но если выберешься, не забудь, что мне обещал. Так что, пойду я, у меня еще дел полно.

Не успевает она сделать и пары шагов, как слышит позади шуршание. Медленно колдунья снова дает своей необычной улыбке проявиться на лице, но едва прикрыв веками глаза, тут же прогоняет это выражение и оборачивается.

Алеша даже перестает ронять слезы. На лице мальчика отражаются все мучения, какие ему приходится испытывать, ползя по сырой земле с ранами на руках и ногах, но сил на плач у него будто не остается. Он отчаянно цепляется руками за землю, готовый, кажется, даже прогрызть себе путь, если только это будет нужно, но долго не выдерживает и быстро теряет силы. А потом сразу роняет на глаза веки, медленно опускает голову и теряет сознание, больше неспособный удержаться.

Колдунья же, смотря на него, вновь начинает улыбаться. Привычная улыбка легко

расцветает в ее красивом, легком и безразличном выражении. Левый уголок губ ползет в сторону и вверх, прорисовывая ровный изгиб на пышных губах, но глаза в этот раз не скрываются за веками. Распахнув их, колдунья вдруг поворачивает голову в сторону, глядя куда-то, будто сквозь деревья, и мыслями уносясь на миг далеко за пределы этого проклятого места.

— Чертов старик. — Говорит она тихо, но с воодушевлением. — Ты снова оказался прав.

И едва тает звук ее голоса, как лес сразу укутывает безмятежная тишина.

Лес покоится в мирной тишине. Мелкие зверьки снуют по округе, прячась от взгляда за кустарниками и травами, вверху иногда вспархивают лесные птички, и еще ползают редкие, почти исчезнувшие к этому времени насекомые.

И уже начинает темнеть, а Алеша все так же лежит на сырой земле, уткнувшись в нее лицом. Колдунья же только удивляется его слабости.

Она бы давно уже начала расталкивать мальчика, если бы не одно странное обстоятельство. Пускай он без сознания, и проклятие сейчас просто неспособно овладеть его разумом, а все же, на спине мальчишки уже за это короткое время успевают разрастись черные, пронизывающие одежду выросты, похожие на водоросли. Они поднимаются из его спины, кольшутся вопреки желаниям ветра так, как им самим вздумается, будто по собственной воле, то опускаясь, то поднимаясь, то отклоняясь в одну или в другую сторону, иногда вразнобой, а иногда начиная двигаться в унисон.

Колдунья задумчиво хмурится, сознавая, что проклятие явно набрало силу, и быстро. И решив, что это влияние леса, она понимает, что ждать пока мальчик очнется нельзя, и решает действовать.

— Эй. — Зовет она, сев рядом на корточки и уже растеряв все терпение. — Ну и долго ты еще будешь валяться? Просыпайся. Живо!

Но никакие крики не помогают вернуть мальчика в сознание, и женщина, проведя глазами по дуге, раздраженно вздыхает и поднимается на ноги.

— Что за тюфяк. Вставай, говорю. — Повторяет она и тычет острым каблуком черных сапожек в бок мальчишки.

Но и это не помогает ему очнуться. Колдунья вздыхает еще раз, забывая надежды обойтись без растраты сил, и поворачивает голову в сторону. Выставив ладонь, она снова поднимает ее кверху, чтобы забрать с поля боя трофей. Но это почти не отнимает сил, и вторую руку женщина обращает ладонью к мальчику.

Медленно, прилагая усилия и корчась с неудовольствием, колдунья заставляет мальчика оторваться от земли, не используя печати. Постепенно он взлетает, но поднимается только лишь до пояса и застывает.

— За это... ты мне еще заплатишь. — Кряхтит женщина и делает первый шаг.

Странно было бы Алеше сейчас наблюдать, с каким трудом колдунья заставляет себя идти. Она корчится, напрягаясь, очень скоро начинает тяжело дышать, и шагает так, будто тащит на спине тяжелый груз, стараясь не опираться подолгу на одну ногу, но быстро устает. Вскоре она отпускает руку, и мальчик тут же плюхается на землю. И даже это не заставляет его очнуться, а женщина, понимая теперь, что впустую прождала так долго и все равно сама должна тащить мальчишку домой, без возможности использовать печати, вздыхает так тяжело и протяжно, что даже горбится от грузного выдоха.

Другого не остается. Вторую руку колдунья не опускает, держа ее ладонью кверху, а немного передохнув, снова заставляет тело мальчика взлететь, медленно двигаясь вперед и надеясь выйти из леса прежде, чем совсем потемнеет.

Старик так и продолжает сидеть под деревом, укутавшись в серую рясу. Спокойно дожидаясь возвращения колдуньи, он умудряется дремать, не изменяя позы, но сон его так чуток, что едва рядом раздастся чуть слышный шорох, как старик тут же открывает глаза.

Маленький грызун, разбудив своим копошением, быстро исчезает в траве, прошуршав куда-то в сторону реки. А старик уже вновь закрывает глаза, но не успевает сон окутать его очи, как слух замечает тонкий, еле уловимый звук капризного ветра, и веки тут же поднимаются.

Старик, открыв глаза, не успевает моргнуть, как прямо перед ним в землю ударяют маленькие черные сапожки. Черная юбка быстро укрывает ноги, и взгляд упирается в волнистую талию, обтянутую черным платьем.

— Долго тебя не было. — Говорит он. — Что, мальчишка опять забрел в лес?

Колдунья молчит и не отвечает сразу. Спрятав руки за спиной, она продолжает держать одну из них ладонью кверху. А старик больше ничего не говорит, терпеливо дожидаясь ответа.

— Можешь считать, — заговаривает колдунья, довольно улыбаясь в привычной для нее манере, — ты уже проиграл.

Старик даже не пытается скрыть улыбку за обычным, серым, ничего не выражающим лицом.

— Неужели?

Колдунья улыбается шире.

— Мальчишка обещал выполнять все мои указания. — Сообщает она. — И теперь я легко разберусь с его проклятьем!

Старик долго смотрит на женщину, ничего не говорит, но за это время его лицо становится таким же, как и всегда, и он вновь смотрит серьезно, не давая собеседнице угадать его мысли по выражению.

Но, в конце концов, он спокойно выдыхает и устремляет задумчивый взгляд к маленькому дому.

— Если все так, — говорит старик, — то я не стану жаловаться.

Но колдунью такие слова только злят.

— Не понимаю я, какое тебе вообще дело до этого носача? — Отворачивается она, но руки продолжает держать за спиной. — Да и наплевать. Скоро я избавлюсь от его проклятия, и тебе придется делать все, что я прикажу.

И стоит Айве лишь на миг вспомнить о награде, как она снова расплывается в улыбке, теряя весь пыл своей обиды.

— Хотя, есть и плохие новости. — Продолжает она спокойным, безучастным голосом, будто сообщает о неудобном дожде. — Его проклятие усилилось.

— Вот как? Неудивительно. — Отвечает старик. — Если ты лишила его воли, то сама дала проклятию распространиться.

Услышав старика, женщина на миг застывает, а после снова начинает сердиться, но с буйством, не успевшим проявиться раньше.

— Я?! — Изумляется колдунья, обернувшись к старику. — Это я сделала проклятие сильнее?! Да что ты знаешь?!

После этой вспышки старик вглядывается в лицо Айвы, но ничего не говорит и спокойно дожидается, пока ветреные чувства колдунии не растают.

— Я ничего не делала. — Говорит она почти сразу, уже успокаиваясь. — Это лес, чтоб ты знал.

И мгновенно в голосе женщины не остается ни капли злобы.

— Лес начинает просыпаться. — Вдруг отводит она взгляд, смотря куда-то вдаль, в

сторону реки. — А мальчишка и вовсе лежал без сознания. Я ничего не могла с ним сделать. Понял? Демонюга седоволосая.

На оскорбление старик не реагирует.

— Ты сказала, он был без сознания? — Любопытствует он. — Что случилось?

— А, так теперь ты хочешь меня выслушать, да?

Но мгновенно, как и всегда, она теряет и забывает только что кипевшие в мыслях чувства.

— Мальчишка наткнулся на топьника. — Объясняет Айва уже спокойно, даже не успев рассердиться. — Если бы не я, дурень бы так и сгинул в лесу.

Старик молчит, не отводит взгляда от колдуньи, но и ничего не говорит. А она, быстро обретая иное настроение, поворачивается и наклоняется к старику.

— Знаешь, где мы его встретили? — Смотрит колдунья довольным взглядом, широко распахнув свои горящие, золотые глаза. — В сотне шагов от того места, где мы спорили.

Тут же она выпрямляется, но продолжает смотреть с радостью в глазах и без тени неприязни.

— Представляешь, старик?! — Продолжает колдунья воодушевленно. — Если бы только ты перед спором потребовал, чтобы я прошла сотню шагов, а не десяток, то сумел бы легко выиграть! Ха! И где же твоя хваленая дальновидность?

Но старика и это не впечатляет. Он продолжает спокойно глядеть на колдунью, и она остывает быстрее обычного от холодного взгляда старика.

— Да ну тебя. — Отворачивается женщина.

Но и старик, вздохнув, отводит взгляд и снова устывает на маленький домик.

Изо всех сил Айва пытается игнорировать само присутствие старика, изображая, будто бы вовсе его даже не видит. И поначалу она вполне успешно притворяется, что не обращает на старика внимания, но очень скоро не выдерживает, начинает оборачиваться, все больше сердится и, наконец, сама же и заговаривает.

— Что, нечего сказать, да? — Ехидничает колдунья.

Старик медленно оборачивается.

— Хм. — Кряхтит он задумчиво. — Это и вправду был топьник? Может, тебе лишь показалось?

Но колдунья в ответ улыбается так широко, что даже в ночи легко заметить заблестевшие тускло ряды белых, ровных зубов.

— Ах, так? — Поднимается колдунья и отводит из-за спины руку, продолжая держать ее ладонью кверху. — А что ты на это скажешь?

Женщина отпускает руку и упирает ее в бок, а сама не отводит глаз от старика. С радостной улыбкой она встречает миг долгожданного торжества, и в следующее мгновение на землю перед стариком вдруг сваливается, хрустнув, голова убитого колдуньей монстра.

Старик прищуривается, чтобы разглядеть ее внимательней, но его глаза давно успели привыкнуть к ночному мраку, и даже в полной, безлунной темноте он может рассмотреть дикий взгляд, застывший на лице убитого чудовища. Голова топьника, свалившись на траву и немного прокатившись, так и остается лежать перед стариком. Из шеи торчит кусок хребта, а вокруг быстро разлетается отвратительный смрад, несравнимый даже с ужасным запахом гниющих останков.

— Но вообще, — заговаривает колдунья довольным, спокойным тоном, — на самом деле я могла уронить на мальчишку дерево, а эту гадость найти в лесу, используя

печати... Это ты вообразил?

Старик на это ничего не отвечает, молча продолжая смотреть на оторванную голову убитого чудовища, и колдунья скоро устает ждать его слов и поворачивается к старику вновь.

— Ты так и будешь на нее пялиться? — Спрашивает она недовольно. — Лучше иди помоги мальчишке. Эта дрянь его хорошо потрепала. Хватит тут корчить из себя каменную статую.

Старик вздыхает.

— Плохо.

Он ничего не добавляет, а потому колдунья, заинтересовавшись, снова поворачивается к старику, едва успела отвернуть голову.

— Расскажи мне подробней, что произошло.

Колдунья раздраженно прижимает к телу руки, сложив их на груди.

— А я еще этого не сделала, по-твоему? — Спрашивает она, отворачивается, сердито фыркает и вновь обращает взгляд к старику. — Эта тварь напала на мальчишку, а я его спасла. Что еще тебе нужно? Хочешь знать, в какой очередности я вырвала у этой дряни конечности?

Колдунья отворачивается, а старик продолжает говорить спокойно.

— Значит, ты вырвала не только его голову? — Интересуется он.

Колдунья молчит, но быстро остывает, вздохнув, опускает руки, не поворачивается, но все же отвечает уже изменившимся, утратившим пыл обиды голосом.

— Нет, конечно. За кого ты меня принимаешь? — Говорит она тихо. — Только голову. Тело я оставила в болоте, можешь сам проверить, если хочешь поплавать в топи.

Еще миг она ничего не говорит, а затем выпускает со вздохом остатки недовольства и уже собирается уйти, поворачиваясь спиной. Но старик дотягивается ладонью до ее руки, удерживает колдунью и не дает его покинуть. Да и сама она не пытается вырваться, а только взглядывает на старика удивленно.

— Хм. — Кряхтит старик, трогая руку Айвы. — Даже ладонь до сих пор мокрая. Так ты тащила мальчишку на себе?

— Еще чего. — Хмыкает колдунья. — Он полдня провалялся на земле, еще бы заразу какую-нибудь подхватила. Иди, помоги мальчишке. А я и правда замоталась.

Не смущаясь взгляда старика, колдунья легко сбрасывает платье. Взмыв, оно соскальзывает с ее тонкой фигуры, под взмах ладони, а после начинает парить следом, над рукой, которую колдунья держит ладонью вверх.

Старик покачивает головой. Светлая кожа женщины заметным пятном выделяется на фоне черной ночи, но старик ее не разглядывает, а почти сразу поворачивается к дому. И, вздохнув, он тут же возвращает спокойствие, а через миг уже делает первый шаг, готовясь занять работой уставшие от безделья руки.

Уже вскоре он ступает на порог тесного жилища. Взгляду достаточно оказывается всего нескольких мгновений, чтобы пробежать по всей хранящейся в доме утвари, и старик печально вздыхает, осмотрев полуразваленную, остывшую печь и наткнувшись глазами на окровавленного мальчишку.

Колдунья оставила его прямо на соломенной кровати, даже не сняв запачканные кровью одежды. Старик нахмуривается и больше не тратит ни мига. Почти сразу он подходит ближе и начинает внимательно и неторопливо осматривать мальчика, стараясь найти глазами все раны до последней, прежде чем начинать что-то делать. Немного покряхтев, старик быстро

теряет хмурое выражение и начинает действовать. К счастью, в такой бедноте даже чужаку сложно запутаться, и старик уже вскоре отыскивает все необходимое, чтобы заняться ранами мальчика.

Маленький домик быстро наполняется теплом и светом, когда в открытой печи разгораются сухие дрова. В доме их совсем немного, так что старик тратит почти все сразу же и приходится выбираться на улицу, чтобы в темноте искать, чем затопить печь. Впрочем, кладка дров, укрытая от дождя ветхим навесом из соломы, обнаруживается прямо у стены, нужно только свернуть за дом. И старик даже застывает на миг, видя большую, аккуратно накрытую кладку и вспомнив, что все эти дрова колол или сам мальчишка, или его сестры, но почти сразу приходится гнать мысли и таскать дрова в дом.

Вещей в доме совсем немного. Старик вынужден перерыть чуть ли не все, но даже так ему быстро удается найти подходящий котелок, несколько целых мисок, и даже ступку с пестиком. После, он тут же принимается копаться в травах, нашедшихся в худой, плетеной корзинке с оторванной ручкой и дырявой крышкой. Но вздыхает, понимая, что нужных для лечения таких ран трав, в ней недостает. А уже скоро дверь скрипом возвещает о приходе гостя, и колдунья бесцеремонно врывается в тишину маленького домика, будто в собственное жилище.

— Ух! — Звенит ее радостный голос. — Водичка ночью просто чудо!

Но тут же она замирает и встает на месте, встретившись глазами со стариком, перетирающим в ступке какие-то травы. А следом, ее взгляд переманивает теплый свет из открытой печи, и колдунья широким шагом немедля отправляется к огню.

— Наконец-то! — Радуетса она, как ребенок, чуть не хлопая в ладони. — Как мне уже надоел этот холод.

Но меняет свои настроения так же быстро, как и всегда.

— Старик, — поворачивает она голову, словно бы огонь ей вдруг уже перестал быть интересен, — а ты, кстати, сам-то не хочешь искупаться?

— Я уже вымылся.

— Когда?

— Вчера. — Спокойно отвечает старик. — Пока вас не было.

— Ну, как знаешь. — Говорит колдунья, и тут же с прежним блеском детской радости уставляется на огонь.

Лишь сейчас к ней поворачивается старик. Миг он ничего не говорит. Колдунья, сбросив шляпу, сидит у костра, и свет блестит на ее мокрых волосах, обычно скрытых от глаз. Ее платье не кажется мокрым, да и с волос не капает вода. А впрочем, колдунья легко могла просушить и волосы и одежду послушными ветрами, и потому старик ничему не удивляется.

— Раз ты уже просохла, — заговаривает он, продолжая растирать в ступке травы, — сходи, принеси мне чистой воды. На входе у двери стоит два ведра.

— Чего? — Оборачивается колдунья, давая волю недовольству и изумлению. — Да зачем мне....

— Не сейчас. — Перебивает старик тихим, спокойным тоном. — Сходи за водой, и будь добра не спорить. Мне нужна сейчас твоя помощь.

Айва таращится на старика с недовольством, сердито, молчит, не торопится исполнить просьбу, а затем резко встает.

— И не жалко тебе бедную девушку? — Ругается колдунья, хотя и беззлобно, отчего

сразу можно понять, что ее настроение не пропало. — Я же вся мокрая. А если простужусь?

В ее голосе впервые за долгое время появляются игривые нотки, а звук льется так радостно и легко, но недолго приходится колдунье наслаждаться прекрасным настроением.

— Как вернешься, — говорит старик, — пойдешь собирать травы. До утра мы не дождемся, а ветер тебе и в ночи поможет отыскать все, что нужно.

И тут же радостный блеск в глазах колдуньи меркнет, а на ее лице появляется сердитое недовольство, такое же частое и привычное выражению женщины, как ее необычная, иногда хитрая, а иногда пугающая улыбка.

— Старик, — зовет колдунья тихим голосом, — да ты совсем ополоумел?

Но старик даже не оборачивается.

— Поторопись. — Отвечает он спокойно. — До утра ему не протянуть, если ты мне не поможешь. Иди за водой и возвращайся скорее. Потом я расскажу, какие травы искать.

И, промедлив, сердито фыркнув, колдунья все же отправляется исполнять поручение старика.

Ждать ее приходится дольше, чем можно было подумать. Старик успевает перетереть травы, оглядывается, вздыхает, но колдунья все не возвращается. Тогда, вывалив перетертую кашу в худой, но целый котелок, он снова копается в травах и, отыскав нужные, вновь начинает их толочь.

Скоро все полезные растения заканчиваются, и старику уже не остается, что делать. Но тогда колдунья, наконец, возвращается. Сердито фыркая, она заносит деревянные ведра с водой, расплескивая ее на ходу, ничего не говорит и молча ставит ведра рядом со стариком, избегая пользоваться силой ветра. А впрочем, старик быстро угадывает по ее виду, что женщина что-то задумала. И колдунья, подтверждая его догадки, тут же разворачивается к выходу и идет на улицу.

Миг спустя, она возвращается. Ветер, послушно следующий за ее ладонями, приносит в дом целый, огромный стог самых разных трав. И колдунья, свалив их на середине комнаты и затворив дверь, встает, упирав руки в упругие, круглые бедра. На ее лице появляется нехарактерная улыбка, обнажающая чуть ли не все белоснежные зубы, а не одну лишь половину, а сама колдунья, широко раскрыв глаза, таращится на старика с удовольствием, сверкая ярким, золотистым взглядом.

— Не ожидал, старик? — Ухмыляется она. — Вот тебе! Копайся в своих травах! А я отдохнуть хочу.

Только скорее занять себя бездельем или завалиться спать колдунья все же не торопится, а ждет, когда старик ответит. А он, хоть и не медлит, ничего не говорит. И Айва, быстро теряя довольную улыбку, остается ждать, присев на табурет у печи и положив на колени шляпу. Она все время оборачивается и глядит на старика. А он до сих пор не произносит ни слова. Вывалив в котелок травяную кашу из ступки, он отставляет ее в сторону, а сам усаживается прямо на пол, рядом с кучей сваленных трав.

Вначале, он достает из кучи лишь одну травинку, разглядывает и отбрасывает в сторону, ближе к двери. Затем, берет еще одну, и еще. Потом, начинает доставать по две, а вскоре по три, и после начинает уже доставать травы из стога небольшими охапками, внимательно рассматривает и продолжает почти все бросать на пол у порога.

Колдунья едва может стерпеть. Все время она поворачивается, оглядываясь на старика, но только хмурится, пытаясь удержать спокойствие. И все же, ждет, ничего не говорит и не торопит. Наконец, едва старик отбрасывает ко входу последние травинки, оставшиеся от

целого стога, она тут же встает с табурета и снова упирается руками в бока.

— Ну и? — Смотрит она хмуро, не утруждаясь подробностями.

Старик молча собирает в ладонь несколько отложенных в сторону травинок, затем сам подходит к колдунье, становится рядом и выставляет руку перед Айвой.

— На самом деле, — спокойно говорит старик, — твой гордый и ветреный нрав иногда раскрывается самым удивительным для меня образом. Я и подумать не мог, что ты найдешь такие полезные растения. Взгляни сюда.

Колдунья мгновенно проникается его словами, хотя и продолжает изображать недовольство. Слегка растерявшись, она застывает взглядом на старике, но в тот же миг довольно ухмыляется, наклоняется к его руке и всматривается в травы, лежащие на стариковской ладони.

— Вот их тебе нужно отыскать еще по три каждой. Вот этой нужно всего пару штук. — Объясняет старик. — А все остальное, что принесла, выброси.

И тут же старик преспокойно разворачивается и начинает опять заниматься своими делами.

Колдунья даже не сразу заговаривает, хотя в ее взгляде легко читаются все эмоции. Сначала она лишь изумленно таращится на старика и ничего не говорит, смотрит, как он набирает воду из деревянных ведер в небольшую ступку, и только спустя несколько мгновений не сдерживается.

— Ты издеваешься? — Спрашивает она вдруг рассерженным, но пока еще тихим голосом.

Старик оглядывается.

— А что случилось? — Удивляется старик, но от своих дел отвлекаться не собирается и тут же отворачивается. — Тебе даже не нужно открывать печати, чтобы отыскать эти растения. Я бы и сам их попытался найти, но мне и с печатями тяжело бы пришлось. Все же, мои силы для такого слишком... неуклюжие.

— Ты меня за этим похвалил? — Сердится колдунья. — Чтобы еще каким-нибудь делом занять? А, ясно. Я тебе девочка бестолковая что ли, на такое покупаться?

Но старик, обернувшись, застывает на миг на колдунье взглядом и смотрит с улыбкой.

— Чего?

— Неужели думаешь, — заговаривает старик, выждав мгновение, — что мне так уж хочется тебя каждый раз упрашивать?

Колдунья морщится и отводит с неудовольствием взгляд, а сама злится только сильнее. Несколько мгновений Айва молчит, но потом резко прерывает тишину.

— Ох, какая ты молодец! — Паясничает колдунья. — А теперь сходи-ка, сделай еще вот это. А теперь вот это. И еще... надоело.

И колдунья уже отворачивается, намереваясь избегать разговора так долго, как только можно.

— А ты чего так взъелась? — Подступает старик.

Колдунья не отвечает и только сердито хмыкает, сжимая руки на груди сильнее. Но он не отступает. Вытерев серым плащом чистую ступку, он заталкивает в нее все собранные на ладони травы, начинает толочь, а сам подходит ближе к колдунье.

— Что тебя так сердит?

Он подходит все ближе, даже отставляет ступку с пестиком, встает рядом, а колдунья продолжает уворачиваться, не желая вести разговор.

— Всего в сотне шагов, говоришь, от того места, где мы спорили? — Говорит старик изменившимся голосом. — Или лучше сказать неподалеку от того места, где ты использовала печати?

Айва только сейчас понимает, отчего старик так строг. Обычно он поддается ее капризам, и сколько бы колдунья ни сердилась, не дает себе разозлиться. А хуже всего то, что ответить ей нечего, ведь старик очень редко ошибается, когда решается что-нибудь высказать.

— А теперь иди и отыщи для мальчика трав. — Говорит старик, и его голос начинает звучать спокойней. — Возможно, ты сама и загнала его в ловушку, так что хоть этим помоги. Давай, Айва, иди, принеси мне нужные травы.

Замявшись на миг, колдунья все же встает и молча выходит из дома. А уже скоро возвращается назад. Войдя, она ничего не говорит, молча подходит к старику и бросает на кровать рядом с ним охапку трав. Сама же она тут же идет к печи, ложится на бок лицом к стене и больше не двигается.

Старик ей не мешает. Он собирает траву, очистив от ненужных листков и попавших в охапку соломинок, заталкивает все в ступку и вновь принимается толочь.

В доме воцаряется молчание. Колдунья продолжает лежать на боку, и старик не тревожит ее сна. Наоборот, он начинает ходить по дому еще медленнее, а когда старые доски под ногами начинают скрипеть, он останавливается и каждый раз взглядывает на колдунью.

Самому ему почти не удается отдохнуть. Дав воде еще покипеть, старик забрасывает в кастрюлю густую кашу из растертых трав. Почти все время, что кипит вода, он продолжает мешать отвар, ни на миг не прерываясь для отдыха.

Мешать приходится долго. Старик продолжает размешивать отвар до тех пор, пока из кастрюли не испаряется почти вся вода. Наконец, когда на самом дне кастрюли остается одна лишь густая, вязкая и жутко вонючая масса, старик убирает кастрюлю с печи и выносит на улицу.

Возвращается он лишь, когда варево остывает, и сразу же принимается раздевать мальчика. Штаны приходится разорвать на бедрах, а рубаху от шеи, но сами тряпки старик не убирает, не желая тревожить мальчика. Спокойно и неторопливо он наносит отвар прямо на раны, осторожно промыв их водой.

Старик щедро размазывает весь приготовленный отвар, и, оказавшись на коже, мазь быстро начинает твердеть. Налипнув, она стягивает кожу, и мальчишка ворочается от боли, корчится, но не просыпается. Зато, шум вдруг будит колдунью, хотя, она и уснула нечаянно, когда собиралась только притвориться.

Быстро уснув на теплой печи, а теперь очнувшись от случайного звука, и видя, как утренний свет пробивается в щели покосившейся двери, колдунья уже забывает все обиды. Тут же она приподнимается, оборачивается и взглядывает на старика. Тот как раз отстраняется от мальчика, еще не успев выпустить из рук измазанную в вареве кастрюлю. И от его усталого вида все желание спорить и ругаться пропадает окончательно, хотя и так за время сна почти рассеялось. Помедлив еще всего миг, колдунья вздыхает и поднимается, сев на печи и разглядывая старика.

— Все-таки разбудили мы тебя? — Спрашивает он внезапно, даже не поворачиваясь.

И колдунья будто бы хочет разозлиться, отводит взгляд, но миг пролетает, а рассердиться не получается. Да и зачем, думается колдунье, и она прогоняет с лица

недовольство, хотя и улыбка в час раннего утра не желает осветить ее лицо.

— Скажи мне, — заговаривает колдунья, — какое тебе дело до мальчишки?

Старик лишь немного поворачивает голову и улыбается, но так слабо, что даже колдунья не может в ночи этого рассмотреть.

— А тебе самой не интересно?

— Вот ты опять. — Дуется колдунья. — Нельзя просто ответить?

Старик вздыхает.

— Скажи, тебя разве ни капли не удивило то, что мальчишка так легко простился с сестрами?

Колдунья, задумавшись, ничего не отвечает.

— Уже на следующий день он их похоронил, а еще через день снова рискнул пойти в лес. Вряд ли он рассчитывал, что ты опять его спасешь. Что бы им не двигало, но это сильное желание. Тебе не интересно его узнать?

Женщина задумчиво хмурит брови, слегка прикрыв глаза веками.

— А это здесь причем? — спрашивает она, начиная увлекаться, но еще пытаюсь этого не показывать.

— Проклятие его почти не тронуло, хотя успело загнать его сестер в могилу. Как думаешь, почему? Ты должна это знать.

— Я что, — сердится Айва, — ведьма какая-нибудь, чтобы в проклятиях разбираться? Не того рода мастера спрашиваешь. Говори уже или, честное слово, я тебя с ума сведу.

Старик улыбается.

— Даже обычную болезнь, — начинает он объяснять, — сильная воля быстрее гонит.

Колдунья вникает с интересом, мгновенно сменив выражение.

— И? — Подгоняет она нетерпеливо.

— И мальчишка не может этого знать, но до сих пор он не давал проклятию захватить свой ум, потому что во что бы то ни стало хочет выжить. А проклятие — это не болезнь, перед волей оно слабеет, но чтобы настолько...

Колдунья не отрывает глаз, таращится на старика и даже почти слезает с печи на пол, наклонив корпус и желая услышать, наконец, объяснение.

— И почему? — спрашивает она нетерпеливо, даже не сомневаясь в том, что говорит старик. — Зачем ему так стараться? Он же... оглянись, это же дыра.

— Да, верно. — Улыбается старик. — Это и удивляет.

— Так почему?! — Не сдерживается колдунья, все же слезая с печи и сделав шаг.

Но старик, обернувшись, продолжает улыбаться.

— Я не знаю. — Говорит он. — Поэтому, мне и самому интересно.

А колдунья опять сердится, отмахивается и возвращается на печь. И не желая больше разговаривать, она заваливается на бок, закрывает глаза, быстро засыпая от усталости.

Лишь тогда ночь, наконец, заканчивается.

Глава 6 — Осколки мнимого

А мальчик поправляется даже раньше, чем могла ожидать колдунья. Едва она просыпается, как тут же слышит какую-то возню. Еще сонная, женщина переворачивается на печи на другой бок, осматривается и замечает, как Алеша ерзает на соломенной кровати, видимо, уже начав возвращаться в сознание и чувствуя боль сквозь сон.

Старик так и сидит рядом с ним, опираясь спиной на ветхую, бревенчатую стену. Он даже все еще держит в руках кастрюлю с присохшей мазью на дне, и тихо сопит.

Колдунья, положив голову на ладонь и прикрыв глаза веками, не сдерживает улыбку. Хотя, улыбается она так же странно, как и обычно. И по ее лицу не сказать, расчувствовалась ли женщина, глядя на старика, или же в ее уме снова родилась какая-то хитрость.

И вдруг мальчик открывает глаза. Теперь становится ясно, что боль точно его еще не отпустила. Первым же делом Алеша начинает корчиться, хочет поднять руку, но едва подвинувшись, шипит сквозь зубы, сдерживаясь. Миг спустя, перетерпев и заставив себя немного успокоиться, он осторожно трогает ногу, нащупывает затвердевший комок мази, похожий на высохшую грязь, и заставляет себя приподнять голову, чтобы рассмотреть высохшую, но еще липкую мазь, налипшую на пальцы.

— Не трогай. — Вдруг слышит он голос колдуньи.

Алеша тут же испуганно бросает в сторону взгляд, идя глазами на звук, а отыскав колдунью, застывает, еще не успев понять, что случилось.

Последнее, что он помнит — это лес. Кажется, будто до сих пор тот жуткий монстр сидит на груди, шипя и впиваясь в плечи и ноги когтями. Но всего миг, и ум начинает успокаивать сердце. Ведь сейчас он уже дома, и мальчик быстро понимает, что все позади. Вздохнув, он откидывает голову, но тут же снова ее поднимает и взглядывает на колдунью.

— Это старик постарался. — Отводит Айва глаза. — Хотя, если бы не я, он бы никогда не сумел ночью отыскать нужные травы. Да уж, пришлось мне вчера потрудиться, чтобы тебя вытащить. Опять.

Мальчик тут же опускает голову, но быстро становится хмур. Воспоминания разом накатывают, и Алеша вспоминает все — и спасение, и обещание, и тут же он закрывает глаза, хмурясь все сильнее и о чем-то раздумывая.

— Ну, ничего. — Вздыхает колдунья, укладываясь поудобнее. — Главное, про обещание свое не забывай. Будешь слушаться, не только со мной считаешься, но и себе поможешь.

На миг становится тихо, но скоро колдунья вновь заговаривает.

— А теперь отдыхай. Первым делом нужно, чтобы ты поправился.

Но на этот раз молчание не успевает захватить дом.

— Как всегда ты спешишь выбрать то, — вдруг заговаривает старик, — что не требует от тебя никаких усилий.

Колдунья сразу же оборачивается, подпирает голову рукой и глядит на старика с хитрой улыбкой.

— О, так ты проснулся?

Старик едва заметно улыбается, но Алеша даже с такого расстояния не может этого различить.

— А разве не для этого ты так громко разговариваешь? — Говорит старик.

— Кто знает. — Продолжает улыбаться колдунья.

Но старик не ждет, когда она снова решит перевернуться на бок и уснуть, наклоняет корпус вперед и снова заговаривает с женщиной.

— Не расслабляйся, придется тебе еще потрудиться. — Говорит он. — Нужно раздобыть еды. Тут мы с Алешей без тебя не справимся.

Мальчик, кажется, даже забывает о ранах, с удивлением следя за беседой. Хотя, боль уже почти не беспокоит, а стоит лишь вспомнить, как она пронзала в лесу, стоило только рукой пошевелить, как становится еще легче не обращать на нее внимания.

А вот колдунья своими чувствами управляет гораздо хуже и тут же поднимается, немедленно пронзая старика недовольным, сердитым взглядом.

— Знаю, — опережает старик ее недовольство, — тебе наверняка не хочется утруждаться. Но что поделать? Мальчик не сумеет, как ты, не есть ничего целыми неделями. Если не раздобыть ему еды, то через пару дней придется его... укрывать землей. С такими ранами и без еды долго он не проживет.

Мальчишка тут же испуганно и живо взглядывает на Айву, даже затаив дыхание, забыв про боль окончательно и глядя с надеждой. А колдунья вздыхает, но не собирается перечить. Сердитая и недовольная, но она все же поднимается с теплой печи, рывком хватая шляпу и молча выходит, напоследок хлопнув дверью.

Старик поворачивается к мальчику и подмигивает, улыбнувшись так, что сейчас Алеша легко это замечает. На кровати старик не решает оставаться, поднимается и идет к печи, где как раз освободилось, и еще не растеряло тепло согретое колдуньей место. А не успевает он добраться до печи, как мальчик торопится заговорить.

— А..., - начинает он, но тут же теряется, не зная, как обратиться, — это....

— Что такое?

Старик оборачивается, лишь усевшись на печь. Алеша медлит, но скоро заставляет себя поторопиться.

— Это же... ты меня спас, да?

Старик едва заметно улыбается, но не отводит глаз, молчит и этим заставляет мальчика опустить взгляд.

— С чего ты взял?

Алеша нахмуривается.

— Ну, кажется, — тянет мальчик слова, говоря медленно и с большими паузами, — волшебница не такая... добрая.

Старик, еще помедлив, улыбается шире и начинает укладываться на печь.

— Вот тут ты ошибаешься, Алеша. — Отвечает он спокойно. — Из леса она тебя притащила.

Но мальчик только больше хмурится, услышав такой ответ.

— И травы она вчера собирала, чтобы мазь сделать. Ну а я только их приготовил.

На это Алеша ничего не отвечает, но старик замечает, что хмурое выражение на лице мальчика только крепнет.

— Что тебя беспокоит? — Тут же спрашивает старик. — Не бойся, можешь сказать, я не разболтаю.

Алеша едва не поддается. На миг его лицо изменяется, потеряв хмурость, но тут же мальчик отворачивает голову.

— Да нет, ничего. — Говорит Алеша. — Это я так. Просто.

Старик тихо вздыхает.

Больше разговор не идет. Да и нужно дать мальчику отдохнуть, а потому и старик быстро засыпает, не видя смысла терзать себя бессонницей. А к тому же он знает, что долго ждать колдунью не придется.

Так и получается. Не успевает солнце проплыть до середины неба, как женщина уже возвращается. Довольная, с этой странной улыбкой на лице, она отворяет нараспашку дверь, становится в проходе и складывает руки на груди.

— Преклоните же головы пред тем, кто дарует вам пищу! — Говорит Айва уверенным тоном странствующего монаха, разбудив старика и напугав мальчика.

Но старик реагирует так спокойно, будто именно этого и ждал.

— Быстро ты вернулась. — Медленно поднимается старик с печи. — Я надеялся, успею отдохнуть. Но раз так, показывай, что принесла.

— Ха! Готовься, старик! — Кривляется женщина и паясничает, начав размашисто жестикулировать обеими руками. — Узри же величие силы!

— Ну ладно, хватит. — Прерывает старик с улыбкой. — Показывай, что там у тебя.

— Какой же ты скучный! — Теряет колдунья пыл. — Да и пес с тобой. Гляди-ка, что мне попало!

Айва выходит на улицу и сразу возвращается. Она держит руки на весу, расставив ладони, а вверху по воздуху плывут целых три оленьих туши.

— Ты только взгляни! — Радуетса колдунья, блистая золотыми глазами, полными удовольствия и чуть ли не подпрыгивая на ходу. — Мама, папа и малыш! Ну как можно было их разлучить, верно? Так что я всех троих принесла!

Алеша, глядя на происходящее, даже не знает, как отреагировать. Несмотря на боль и растерянность, хмурость с лица невольно сползает, а рот наполняется слюной, и пустовавший больше дня желудок сразу дает о себе знать, тихо заурчав. А старик, кряхтя, даже посмеивается.

— Приятно видеть радость на твоём лице. — Неспешно идет он к табурету, садится у кривого стола, берет в руки нож и глазами уже ищет хоть какую-нибудь кастрюлю, но не находит ничего подходящего.

А колдунья опускает руки, и туши падают на пол. Она же, сама на себя не похожая, бросается к старику, встает у него за спиной, обвивает шею руками и начинает прижиматься.

— Можно подумать, что я такая отвратительная! — Говорит она, обнимая старика и удивляя своим поведением мальчика. — А я просто голодна. Ты же сделаешь, как я люблю? Пожалуйста! Ну, прошу тебя, зажаришь хорошенько, а?

— Я бы и рад, но....

— Прощу! — Выскакивает колдунья перед ним, хватая старика за плечи и не давая ему отказать. — Ну сделай! Тебе же чуть-чуть себя напрячь, да и только! Не заставляй дольше упрашивать.

Старик медлит, оглядывается, сознает, что нужной посуды в доме все равно не отыскать, вздыхает и поддается.

— Ладно, перестань меня трясти. — Говорит он, положив нож назад на стол.

Колдунья немедленно отпускает его, отступает на шаг и на радостях даже подпрыгивает. Правда, вместо того, чтобы опуститься на пол, она вдруг повисает в воздухе. Алеша смотрит, не моргая от удивления, и до сих пор не может поверить в то, что видит настоящую волшебницу. Пусть он и не знает, кем на самом деле является эта очаровательная женщина. А колдунья быстро проворачивается в воздухе вокруг своей оси, и лишь потом

опускается на землю.

— Но только тебе нужно приготовить мясо. — Говорит старик.

— Хорошо! — Мгновенно отвечает колдунья, сделав натужено серьезное лицо.

— И трав собрать.

— Легко!

— Ну и подождать нужно, пока я... — Вдруг обрывает старик речь и оглядывается на мальчика.

Алеша не успевает ничего подумать, не отворачивается, но, поймав взгляд старика, застывает. А старик, помедлив, договаривает спокойней.

— Пока я все приготовлю.

Колдунья, сжав перед лицом кулак, так напрягает лицо, будто переживает самый тяжелый и ответственный момент в жизни, требующий всей ее решимости.

— Я выдержу, — говорит она, кривляясь, — чего бы мне это ни стоило!

И ей удается даже старику поднять настроение, отчего тот начинает улыбаться заметнее обычного.

Мысли о еде только раздражают, и мальчик остается хмур. А когда у него вдруг начинает урчать живот, Алеша отворачивает голову, закрывает глаза и пытается уснуть, чтобы хоть ненадолго отвлечься.

В любом случае, его не собираются беспокоить, а потому и колдунья, и старик продолжают заниматься своими делами, не обращая на мальчика внимания. Женщина вскоре уходит, но быстро возвращается, натаскав в дом свежей воды и трав. Старик велит ей заняться травами, вымыть их и измельчить, а сам отправляется на улицу. И колдунья даже не сердится и не перечит, а с готовностью исполняет все указания.

Айва напевает что-то неразборчиво, заметно напрягается, чтобы вытащить на улицу туши, но не рождает печати. Она не отходит далеко, и отсюда Алеше удается рассмотреть все, что она делает, и мальчик, подсматривая, окончательно теряет сон.

Одна из оленьих туш, которые женщина свалила на землю, вдруг поднимается в воздух, и с нее рывком слетает шкура, оставив только нежное, розовое мясо. Следом, у оленя отрывается голова, и все, что приходится делать колдунье, так это слегка взмахивать ладонью. После, брюхо убитого животного распарывается от такого же взмаха, будто от невидимого клинка, и не проходит нескольких мгновений, как женщина уже заканчивает свежевать целую тушу.

Так же быстро и легко колдунья управляет и с оставшимися двумя. А мальчик лишь сильнее хмурится, снова отворачивается, но не удерживается перед желанием поглядеть еще немного, вновь обращает к колдунье взгляд, и Айва его замечает.

— Чего киснешь? Улыбнись! — Подбадривает она веселым голосом.

Мальчик опускает глаза и подчиниться не собирается.

— Что, уже забыл, что ты мне обещал? — Говорит колдунья тише и серьезней, будто не шутит. — Улыбайся. Или ждешь, что я приказывать начну?

Алеша поднимает глаза, и Айва видит совершенно иной взгляд. Мальчик смотрит на нее не по-детски, сердито, зло, будто с каждым мгновением все больше напитывается искренней ненавистью. А только колдунья замечает, как на его спине начинают живее шевелиться чуть выросшие черные нити, она застывает на миг и тут же отказывается от своей затеи.

— Как хочешь. — Спокойно говорит колдунья.

Ее едва можно слышать, но каким-то образом, слова Айвы проникают с улицы в дом,

долетают до слуха, и ей даже не приходится кричать. Впрочем, колдунья уже отворачивается.

— Эй! Старик! — Зовет Айва. — Все готово!

Удается расслышать, что старик отвечает. Хотя, слух пропускает какие-то слова, но легко угадать, что старик требует помыть мясо. А, кроме того, он требует еще и развесить сушиться шкуры, а требуху выбросить подальше. И Айва не перечит, даже не ругается, а послушно уносит освежеванные туши к реке.

Алеша не сдерживается и тут же поднимается в кровати. От боли, просыпающейся в движении, он тут же начинает кривить лицо, но заставляет себя перетерпеть, и как только боль немного стихает, мальчик поднимается.

На пороге он останавливается и окидывает взглядом знакомый простор. Все вокруг так же, как и обычно. Слегка покачиваются на ветру пышные верхушки деревьев, желтеет и усыхает трава, еще растущая всюду зелеными островками, но уже покрытая золотистым ковром осеннего цвета. Не любуясь видом долго, мальчик отыскивает взглядом старика, устроившегося на камне вдали от дома, и сразу идет к нему.

Только вот, камня на том месте никогда не было, но Алеша прогоняет лишние мысли. Он все время оглядывается по сторонам, но колдунью не видит, и это значит, что идет женщина быстрее, чем Алеша мог подумать, а потому и он старается поторопиться.

Старик мальчика не замечает, даже когда Алеша встает в нескольких шагах. И приходится заговорить, чтобы привлечь его внимание.

— А что ты делаешь? — спрашивает мальчик.

Старик оборачивается, но двигает только головой. Руки он держит перед собой, ладонями вниз, даже плечами не шевелит. И мальчик лишь сейчас замечает, что в земле, прямо у ног старика, есть широкая, но неглубокая яма, вся заваленная крупными, белыми камнями.

— Скоро узнаешь. — Спокойно отвечает старик, и вновь поворачивает голову, упирая серьезный взгляд в камни под ногами. — А теперь вернись в дом и дай телу отдохнуть, иначе раны будут заживать дольше.

Алеша не уходит, оглядывается и заговаривает снова, на этот раз уже не пытаясь бродить вокруг да около и спрашивая уже напрямую.

— Скажи, — поворачивается Алеша к старику, опускает взгляд и хмурится, но уже иначе, с задумчивостью и беспокойством, — а она правда волшебница?

Старик не поворачивается и отвечает уже изменившимся тоном.

— А почему ты спрашиваешь? — говорит он.

— Я пообещал ей... кое-что.

— Ты ведь согласился ей служить, верно? — Легко угадывает старик.

И мальчик тут же поднимает к нему взгляд, удивленно и растерянно таращась.

— Ага.

— Ну, — протягивает старик, — если подумать, то это справедливо.

Мальчик застывает, но удивление на его лице распознать нетрудно. А впрочем, старик не обращает на это внимания и снова оборачивается, двигая лишь головой.

— Или ты думаешь иначе? — говорит старик, всматриваясь в лицо мальчика.

Алеша снова задумчиво хмурится.

— Разве же это справедливо, чтобы кто-то кому-то прислуживал?

— Если бы не она, — отвечает старик, — ты уже был бы мертв. Разве не справедливо

потребовать от тебя посвятить ей свою жизнь?

Алеша сердито хмурится, но ответить ничего не может.

— Или ты решил, — продолжает он, — что незнакомец просто так встанет на твою сторону?

Мальчик хмурится еще сильнее.

— Но тебя можно понять. — Вдруг говорит старик. — Ты был на грани смерти и принял единственное решение, которое позволило тебе остаться жить. Верно?

Алеша немного успокаивается, но все еще хмурится. Он кивает, но не успевает ничего ответить.

— И все же, ты слишком торопишься. — Продолжает старик. — Как и она. Она тоже вечно несется вперед, забывая оглядываться. Ты слишком поторопился, когда решил, что мы волшебники. И ты готов принять нас за врагов так же легко, как принял за друзей.

Мальчик опускает взгляд, раздумывая, но старик его не жалеет и продолжает говорить, рождая все новые мысли.

— Не жди от нас добра, мальчик. — Говорит старик, заставляя Алешу растеряться и вновь уставиться на него изумленным взглядом. — Но и зла тоже не ищи. Только одно я могу тебе пообещать, врать мы тебе не станем, так что нашей лжи ты можешь не опасаться.

Старик опять поворачивает голову, мгновение ничего не говорит и вдруг начинает широко улыбаться.

— Но откуда тебе знать, что я не лгу. Верно?

И Алеша совсем теряет. Больше он не знает, что и думать, и забывает даже о том, зачем пришел. Внезапно все теперь становится таким запутанным, что глаза начинает завлакивать туман. Но старик не дает ему застыть в раздумьях и отправляет назад.

— А теперь иди. — Говорит он, снова застывая. — Не спеши и восстанови силы. Это главное, о чем тебе сейчас нужно заботиться.

Делать нечего. Так ничего толком не поняв, Алеша нахмуривается и возвращается в дом. А вслед за ним уже приходит колдунья, неся на ветрах оленьи туши. Старик и ее не замечает, пока женщина не встает в нескольких шагах и не заговаривает сама.

— Уже готово? — Спрашивает она нетерпеливо, с надеждой заглядывая в широкую яму с камнями.

Старик медленно поворачивает голову, но не двигает руками, не шевелит даже плечами и из-за своей медлительности выглядит очень сосредоточенным. Тут же колдунья переводит на него взгляд и сразу отклоняет корпус, широко улыбаясь.

— Ладно, вижу. — Говорит она добрым, радостным тоном. — Не отвлекайся. Только скажи, куда это.

— Клади сюда, на камни. — Кивает он. — Все почти готово.

Колдунья сразу расцветает еще более яркой улыбкой. Ее широко раскрытые глаза полыхают золотом, а радость преображает каждое движение, становясь еще заметнее. Женщина немедленно, хотя и осторожно, складывает все три туши на камни в яме. И тут же вода, закапавшая с мяса, начинает шипеть. И колдунья, словно звуки ее привораживают, глядит, не отрываясь, на то, как мясо тонет в камнях, пока все три туши не укрываются под землей, исчезая с глаз.

Старик продолжает держать руки перед собой, ладонями к земле, и ничего не говорит. Но у колдуни всего через миг терпение уже заканчивается, да и таращиться на камни ей быстро надоедает.

— Долго еще? — Наклоняется колдунья.

— Ты ведь знаешь. — Спокойно отвечает старик, не оборачиваясь. — Нужно потерпеть.

Колдунья выпрямляется, складывает на груди руки, поводит взглядом и надувает щеки.

Старика доставать она даже не пытается, ждет в сторонке, удерживая свое нетерпение, но стоит ему вздохнуть, как Айва мгновенно склоняется над плечом старика.

— Что? — Спрашивает она торопливо. — Что-то не так? Что не так?

Старик даже посмеивается.

— Это ты обо мне или о мясе заволновалась?

Колдунья выпрямляет спину.

— А что? Тебе это так интересно? — Щурится она хитро.

Старик посмеивается, но следом вздыхает.

— Честное слово, если я сейчас услышу, что ты мясо испортил, я тебе голову с плеч сниму. — Говорит вдруг Айва серьезным тоном, наклонив вперед голову.

И старик с ответом не тянет.

— С мясом все хорошо.

Колдунья тут же вздыхает и опять становится весела, давая радости пробудить на лице улыбку.

— Хорошо. — Говорит она. — Значит, не о чем волноваться.

Айва уже начинает тихонько напевать под нос какую-то мелодию, но старик не дает разговору окончиться.

— Жаль, с мальчиком все не так же просто.

Колдунья недовольно хмыкает, но вздыхает и сохраняет на лице непринужденную улыбку.

— Ну ладно, что с ним? — Спрашивает она. — Что такого важного произошло, что это не может подождать?

— Проклятие набирает силу. — Отвечает старик. — Ты сама разве не заметила?

Колдунья в ответ разводит руками, хотя старик и не отворачивается от ямы и не может увидеть ее жестов.

— А чего ты ожидал? — Говорит она. — Что проклятие вот так возьмет и исчезнет?

— Да, — продолжает старик, — ты права. Но слишком быстро он начинает меняться. Когда мы встретили мальчишку, проклятие едва можно было заметить. А сегодня вся его спина начала чернеть.

Наконец, колдунья не сдерживается, отмахивается и все же дает волю раздражению.

— Да какая разница? — Отворачивается она, но миг спустя, подходит ближе и садится рядом на корточки. — Ничего ему не будет. Завтра, как поправится, я за него возьмусь. Он меня слушаться обещал, так что я быстро управлюсь. А если и нет, жизнь этого носатого холуя все равно ничего не стоит.

На миг она замолкает, но тут же расцветает хитрой улыбкой и снова поворачивается к старику.

— А ты лучше думай о том, — говорит колдунья, — как мне в пути угождать, чтобы мне самой не пришлось выдумывать, как с тобой развлекаться.

Но старик ее будто не слышит.

— Мальчик только что был здесь. — Говорит он. — И проклятие начинает менять его изнутри.

Вдруг, старик оборачивается и глядит так серьезно, что даже колдунья на миг застывает

от его холодного взгляда.

— И меняется он с тех пор, как вернулся из леса. — Договаривает старик.

Колдунья сразу теряет улыбку и начинает хмуриться.

— Хочешь сказать, что это я виновата? — Говорит она сердито. — Ни проклятый лес, ни эта гадина, которая его чуть не разодрала на части, а именно я. Вот не можешь ты хоть немного побыть душкой?

Старик улыбается.

— Ты вновь торопишься. — Говорит он. — Подумай, обычно, может ли проклятие так быстро набрать силу, если проклятый сам, добровольно согласиться отдать свою жизнь в чужие руки?

Колдунья сразу успокаивается, поворачивает голову и всматривается в лицо старика. Но он не дожидается ответа и уводит взгляд к яме с камнями, все еще продолжая держать над ней ладони.

— О чем ты, старик? — Прищуривается колдунья, но сразу же раскрывает глаза шире и придвигается. — Ты что-то понял. Скажи мне!

— Все просто. — Отвечает старик. — И ты достаточно умна, чтобы сама это заметить. Но недостаточно внимательна и терпелива. Отдав себя в твои руки, мальчик теряет желание бороться. Становясь твоим рабом, пусть и добровольно, он теряет то, что помогало ему все это время противостоять колдовству.

Колдунья задумывается, но искать к загадке ответ она быстро устает.

— А ты уже понял, что это?

— Нет. — Отвечает старик. — Не думаю, что угадать получится. Но кое-что из этого все же можно понять.

— И что? — Тут же спрашивает колдунья, еще сильнее наклонив корпус и вытянув шею.

Старик поворачивается к ней, но смотрит без улыбки.

— Если ты подумаешь, то сама все поймешь.

— Да брось! — Сердится колдунья, но не теряет интереса. — Что ты понял? Скажи уже!

Старик вздыхает и отворачивается.

— Тебе нужно отказаться от вашего уговора. — Спокойно, хотя и слегка расстроенным тоном отвечает старик. — Верни мальчику свободу, и пусть сам решает, что ему делать.

И колдунья миг теряет всю радость, встает, скрещивает на груди руки и отворачивается, но всего миг спустя вновь поворачивает голову к старику.

— Да с какой стати? Я же могу ему теперь все, что захочу приказать! — Говорит она, теперь с легкостью находя в мыслях возражения. — А вдруг, это после его похода в лес? Или, может, он слишком труслив, чтобы встреча с топьником не подействовала так сильно. Или еще что угодно! А может, ты просто не хочешь так легко отдать мне победу, а? Что скажешь?

Старик не отвечает, а колдунья, сердито фыркнув, тут же выпускает остатки гнева на волю.

— Проклятый старый пень! — Ругается она. — С какой стати я должна тебя слушать? А вдруг, на этот раз ты ошибаешься?

Старик кивает, но остается спокоен, как всегда легко перенося ветреную злобу колдуньи.

— Ты права, я легко могу ошибиться. — Говорит он. — Поэтому, ты и должна отпустить мальчика. Освободи его, и мы увидим, ослабнет ли проклятие. И если нет...

— И если не ослабнет, — перебивает колдунья, — то я не смогу взять слова обратно!

— Что бы там с вами ни произошло в лесу, но мальчишка явно пострадал больше, чем мог. — Отвечает старик, заставляя колдунью успокоиться и замолчать. — Если проклятие не ослабнет, значит причина в другом, но если мы не выясним этого сейчас, то потом ничего не сможем сделать.

Колдунья снова фыркает.

— Проклятье. — Ругается она тихо.

А старик молчит, зная, что гнев колдуньи и сам исчезнет так же быстро, как появился. И еще мгновение спустя, так и происходит. Айва шумно вздыхает, смотрит на камни в яме, быстро меняется в лице, и тут же вся ее злоба рассеивается, а сама колдунья вновь садится на корточки рядом со стариком.

— Долго еще ждать, старик? — Зовет она тихим, нежным голосом. — Ты же знаешь, как я хочу есть.

— Иди, поговори с мальчиком. — Игнорирует старик. — Наверняка, он захочет что-нибудь спросить. Займи себя разговором, а заодно узнай, что им движет. Его желание сильно, и ты должна его раскрыть, а иначе, у нас ничего не получится.

Колдунья опять вздыхает, но на этот раз уже не сердится. Она вздыхает, но поднимается и готовится идти к мальчику.

— Так и быть старик. — Говорит она, встав.

На миг Айва останавливается, замирает, а потом расплывается в хитрой улыбке, скрасившей половину лица, наклоняется к старику и обнимает его за шею.

— Но, знаешь что? — Шепчет колдунья на ухо. — Если проклятие мальчишки не ослабнет, то ты будешь целый день выполнять мои указания. Я готова тебя послушаться, но только если ты пообещаешь расплатиться за ошибку.

— Хорошо. — Так легко соглашается старик, что колдунья даже нахмуривается.

Впрочем, теперь ее настроение вновь быстро наполняется духом радости, а недовольство утопает в приятных мыслях. И больше ничего не говоря, женщина отправляется к дому, оставляя старика у ямы с камнями.

Солнце катится по небосводу к горизонту, перевалив через вершину небесного купола. Его золотые лучи сильнее раскрашивают вялый, но еще живой ковер осенних трав. И по-прежнему тихо. Почти не видно птиц, не слышно копошения зверей, и давно стихли насекомые. Даже не угадать, рождает ли эту печальную тишь сама осень, или же все это чары проклятого леса, ждущего час своего пробуждения.

Колдунья не раздумывает, встает на пороге, упирает руки в бедра и зовет мальчишку.

— Ну что? — Говорит она. — Рассказывай, чего такой упрямый.

— Не упрямый я. — Отвечает мальчик тихим, сердитым голосом.

Айва ненадолго замолкает, подходит и садится рядом, но юлить и хитрить все равно не собирается, отмахивается от собственных мыслей и продолжает говорить все, что приходит на ум.

— Да? А чего ты тогда в лес поперся? Говорили тебе....

— Ничего я не поперся! — Вдруг рявкает мальчишка.

Айва даже застывает и нахмуривается, видя такую злобу, но мальчик и сам быстро успокаивается.

— Чего сразу поперся? — Спрашивает он обиженным, но уже спокойным голосом. — Я же не просто так.

Колдунья сразу же наклоняется ближе, не обращая внимания на тон мальчика и желая узнать его секрет.

— А зачем тогда? Что тебе там понадобилось вообще?

Мальчик не отвечает.

— Смерти искал?

Алеша снова молчит, и колдунье становится все тяжелее удерживать свой пылкий нрав.

— В следующий раз, когда захочешь с жизнью расстаться, — говорит она сердито, — попроси меня, я тебе живо голову снесу.

И мальчик поворачивается.

— Да не хочу я умирать. — Вспыхивает он даже легче колдуньи, но успокаивается быстро и сразу отводит взгляд. — За травами я в лес ходил.

— И зачем они тебе?

— Говорил же, — отвечает мальчик, погодя, — травы мне нужны были, чтобы зелий наварить.

Айва скрещивает на груди руки и выдыхает, начиная терять терпение.

— Ну а зелья тебе зачем?

Вдруг, Алеша как-то смущенно опускает глаза.

— Чтобы разбогатеть. Зачем же еще?

Колдунья мгновенно изменяется в лице и начинает хитро ухмыляться.

— Разбогатеть? — Удивляется она. — Достойное похвалы желание. Только вот, зачем?

Алеша переворачивается на другой бок, лицом к стене.

— Да какая разница? — Брякает он сердито. — Теперь все равно без толку.

Повисает молчание, но теперь и колдунья не спешит его прервать. Вдруг, она замечает на спине Алеши черные, окрепшие у оснований прутья, заметно выросшие с тех пор, как она видела их в лесу. Теперь уже подозрения старика все меньше кажутся такими уж неоправданными. И колдунья теряет ухмылку и глядит уже серьезно.

— Почему без толку? — Спрашивает она изменившимся голосом. — Говори, мальчишка, не бойся.

Алеша сердито фыркает, вновь заставляет дожидаться, но все же отвечает.

— Потому что я теперь должен по велениям твоим жить. — Говорит он злобным голосом, повернув голову. — Чего тут непонятного? Сама же заставила!

Колдунья отвечает не сразу и прежде устало вздыхает.

— Прямо-таки заставила. — Говорит она. — Выбора тебе, бедняжке, не оставила.

Алеша тут же вскакивает на кровати и будто забывает про боль. Сердито, со злостью, словно готов наброситься, он вгрызается своим взглядом в лицо колдуньи и кричит, сжав кулаки.

— А чего мне надо было?! — Сердится мальчик. — Чего бы я сделал?!

— Чего-чего.... — Передразнивает колдунья безмятежным голосом. — В лес не надо было идти. Сам виноват. Если бы не я, то ты бы там и остался. Или не так?

Алеша только злобно фыркает, не находя слов, чтобы ответить. А колдунья отворачивается, сложив на груди руки.

— Раз уж не умеешь за себя постоять, так и не лезь, куда не следует. — Говорит она и умолкает.

На это мальчик тоже не находит ответа. А потому, фыркнув еще громче и злее, разворачивается и сваливается на бок так резко, что становится больно. Он старается

перетерпеть, только бы не показывать этого колдунье, и снова ненадолго повисает тишина.

Айва успокаивается быстрее. Скоро она уже снова начинает вспоминать о еде. Тут же на ум приходит старик и недавняя беседа, а вместе с тем и неприятное осознание того, что нужно продолжать расспрашивать мальчишку.

— Ладно, — распускает колдунья руки и опять поворачивается к мальчику, — забудем об этом.

Алеша не реагирует.

— Сделаем так, — спокойно продолжает колдунья, — если ты мне все честно расскажешь, то я, может быть, тебя отпущу. Ну что, согласен?

Алеша будто оживает. Снова его лицо обретает простые, детские черты. Он тут же разворачивается, приподнимается на кровати и уставляется на колдунью с искренним, чистым недоумением, едва ли способным укрыть вспыхнувшую в его глазах надежду.

— Правда? — Не веря в свою удачу, спрашивает мальчик. — Ты меня отпустишь?

Колдунья хитро улыбается, как обычно, прикрыв золотые глаза веками.

— А зачем ты мне нужен? — Говорит она, отодвинув уголок рта. — Для забавы, разве что.

Мальчик опускает глаза и начинает виновато хмуриться.

— Да. — Отвечает колдунья, уставая ждать. — Я тебя отпущу, но если только ты мне все честно расскажешь. А иначе не жди жалости. Я ведь могу тебя превратить в лягушку, или в таракана, или еще в какую-нибудь гадость, и будешь тогда моей зверушкой, пока не надоешь.

Мальчик не торопится ответить, и колдунья быстро устает ждать.

— Да не скажу я никому. — Наклоняется она ближе, в действительности и сама не терпя скорее узнать, что движет мальчиком. — Давай, все рассказывай. Зачем тебе хочется разбогатеть? Ты как вообще такое себе придумал?

— А если скажу, — говорит он тихо, неуверенно, — ты меня правда отпустишь? И я смогу делать все, что захочу?

Колдунья вспыхивает.

— У тебя что, весь ум в нос ушел? — Не сдерживается она, с ногами забравшись к Алеше на кровать. — Зачем мне врать? Но... посмотрим. Если соврешь, то я узнаю. Тогда даже не надейся, чтобы отпустила. Ну!

Мальчик вздыхает.

— Ладно, скажу я. — Соглашается он. — Только не рассказывай никому.

— Да не скажу я. — Наклоняется Айва. — Рассказывай уже!

Алеша вздыхает, долго собирает с мыслями и, наконец, все же решается открыться.

— Я зелья умею делать, которые раны лечат. — Начинает он рассказывать. — А они, матушка говорила, очень ценятся. Если сделаю много, то продам.

— И? — Подгоняет колдунья.

— А потом, заработаю столько золотых, чтобы построить хоромы, как у боярина.

— И?! — Торопится колдунья.

Отстрою хоромы, куплю слуг и буду жить, как наш боярин. Зелья буду варить, семью заведу. И все тогда будет даже лучше, чем прежде.

Повисает молчание. Ненадолго. Вскоре мальчик поднимает глаза, чтобы увидеть лицо колдуньи, но натывается на ее хмурый, сердитый, недовольный взгляд.

— И я должна в это поверить? — Прищуривается она.

— Да не вру же я!

Женщина отводит глаза.

— Теперь не жалуйся. — Вдруг говорит она, заставляя мальчика растеряться и начать беспокоиться. — Обещал честность, так что теперь не жди жалости.

— Да не вру я! — Повторяет Алеша, придвинувшись еще ближе. — Не вру!

— Не врешь, как же. Будто я поверю, что прок..., - чуть не выдает Айва секрет, — э, что прок... тебе какой-то от этого, кхм, есть.

Мальчик смотрит мгновение и ничего не говорит, но потом его лицо разгорается краснотой от обиды и гнева, и Алеша тут же выплескивает эмоции.

— Ну и пожалуйста! — Кричит он, и тут же снова отворачивается к стене, лишь теперь вспоминая, что раны еще болят.

Айва всего миг жалеет мальчика. О силе отваров, приготовленных стариком, она знает не понаслышке, так что гордо задирает нос и оставляет мальчика одного, ни в коем случае теперь не желая потакать его капризам. А, выйдя, она молча возвращается к старику и усаживается рядом, потеснив его на небольшом камне.

Колдунья молчит, дуется, как ребенок, отвернувшись в сторону, и ничего не говорит, и через несколько мгновений старик сам с ней заговаривает.

— Что случилось?

Айва тут же поворачивается и с готовностью вываливает на старика все подробности.

— Вот скажи, разве я на дуру похожа? — Сердится колдунья, по-детски надувая щеки. — Это чудище носатое мне заявляет, что разбогатеть он хочет! Хоромы ему, видите ли, захотелось построить. Пф, ха! И я в это должна поверить? Вот же маленький засранец!

— А ты не ошиблась? — Поворачивается старик.

И колдунья немедленно пронзает его сердитым, испепеляющим взглядом.

— Может, он просто недоговорил. Или ты не так поняла. — Тут же объясняется старик. — Он так и сказал.

— Ну, да, как-то так он и сказал. — Успокаивается Айва. — Да не может такого быть! Чтобы проклятие перед жадностью отступало? Что за чушь!

Старик едва заметно улыбается.

— А что? — Вдруг спрашивает он. — Разве такого не может быть?

Айва уставляется на старика с изумлением.

— Нет ничего плохого в жадности, да и в любом другом стремлении, — объясняет он, — пока оно заставляет человека становиться лучше. Взгляни на его дом. Подумай сама. Может быть он давно мечтал выбраться отсюда. И сильное желание могло устоять, могло даже окрепнуть в его мыслях после того, как проклятие стало изменять его сестер.

Айва задумывается.

— Постой, — теряется колдунья, — так он, получается, не врал?

— Если я не ошибся, то получается, что не врал.

Айва застывает на миг, а затем протяжно выдыхает.

— Что? — Едва заметно улыбается старик. — Дай угадаю, ты обиделась и назвала его лжецом?

— И ничего я не обиделась! — Вспыхивает Айва, и тут же застывает, вспомнив, как точно так же на нее обрушился еще недавно сам мальчик.

— Ладно, не ругайся.

— Да не ругаюсь я!

— Сходи к реке, набери чистой воды. — Не обращает старик внимания на обиду колдуньи. — А потом возвращайся в дом, вымой стол, отпусти мальчика и скажи, чтобы он умылся, отвар уже должен был раны залечить.

Айва тут же меняется в лице, расцветая детской, радостной улыбкой.

— Уже готово? — спрашивает она нежным голоском.

— Почти. Иди. — коротко отвечает старик. — Вернешься, как приготовишь стол. Мне еще нужна будет твоя помощь.

И колдунья, промедлив всего мгновение, кивает и тут же уносится на ветрах, легко поднимаясь в воздух и перемахивая целые аршины.

С поручениями Айва справляется быстро. Принеся два ведра чистой воды, слив немного в глиняный, единственный целый графин, она велит мальчику умыться, а когда тот игнорирует, колдунья под веселый хохот поднимает его в воздух и умывает силой.

Ветер оставляет на мальчишке одни только штаны, не давая опуститься на пол. Алеша тут же начинает сердиться и кричать, требуя немедленно его отпустить, но вода тут же круглым, бесформенным шаром затыкает мальчику рот, и кроме бульканья и женского смеха ничего не остается.

Точно и легко управляясь с ветром, Айва заставляет воду подниматься из ведер, будто бы сама. Одним небольшим шариком она легко отмывает мальчика от грязи, почти не растратив воды, и только после взмахом ладони осторожно опускает его на пол, а шарик из воды самостоятельно вылетает в распахнувшуюся перед ним дверь.

— Ненавижу! Ненавижу тебя! — кричит Алеша так яростно, едва освобождается, что колдунья даже теряет на миг все настроение.

Она быстро заставляет себя успокоиться, вздыхает и гордо отворачивается, принимаясь таким же манером отмывать стол, разве что не поднимая его в воздух, как Алешу. А скоро уже Айва заканчивает. Грязный шарик воды плавно выбирается по воздуху наружу, а колдунья готовится вернуться к старику.

— Садись за стол. — Холодно говорит она, встав перед распахнутой дверью. — Нам всем нужно подкрепиться.

И Алеша, сердито фыркнув, показательно сваливается в кровать, ощутив, как еще не до конца затянувшиеся раны вновь пронзает болью. Айва, взглянув на него, молча выходит из дома.

За порогом колдунью уже встречает старик, но заговаривает он лишь тогда, когда Айва закрывает за собой дверь.

— Принесешь мясо? — спрашивает он.

Айва прищуривается хитро, половинка ее рта ползет к щеке, и на лице снова появляется очаровательная ухмылка.

— А разве у меня есть выбор? — шепчет она, встав рядом. — Но мне не сложно, лишь бы твое волшебство сделало мясо таким же вкусным, как обычно, старик.

И волшебник улыбается чуть шире обычного, хотя, ничего не отвечает. Кивнув, он делает шаг и открывает дверь. Айва уходит к яме, у которой волшебник провел едва ли не целый день, а старик заходит в дом, оглядывается и сразу присаживается на кровать рядом с Алешей.

— Что-то случилось? — интересуется старик.

Мальчик отвечает не сразу. Поначалу даже не реагирует, но быстро уступает молчанию, разворачивается к старику и приподнимается.

— Злая она, — шепчет он тихо, как только может, — эта волшебница.

Старик в ответ улыбается шире обычного, но зато мальчик способен это хотя бы распознать.

— А тебя все равно спасла. Да и раны помогла твои лечить. — Спокойно отвечает волшебник.

Мальчик сердито хмурится и опускает глаза.

— Раны, смотрю, зажили? Это хорошо. И все же ты пока их не тревожь.

Старик вдруг поднимается и подставляет к столу три разных по ширине и высоте табурета, все кривые, явно самодельные, сбитые кое-как. А после, садится на самый большой и зовет мальчика к себе.

Алеша нехотя, но все же поднимается с кровати. Только сейчас он и сам обращает внимание на то, что раны почти не болят. Мальчик еще сильнее хмурится, но от удивления, ведь даже с его отварами такие раны так скоро бы не затянулись.

— Так что? — Улыбается старик, вытягивая мальчика из трясины мыслей. — Разве так должен выглядеть свободный человек?

Алеша поднимает удивленный взгляд.

— Свободный?

И старик мгновенно сознает, что проговорился, но смысла идти на попятную уже не видит.

— А разве... наша волшебница тебе не сказала?

Мальчик качает головой и тут же вздрагивает от резкого хлопка открывшейся двери. Айва небрежно открывает дверь ударом ноги. Правда, Алеша не замечает, коснулась ли стопа колдуньи дерева, или же дверь распахнулась от ветра, но он видит, как в воздухе расплывается кольцо тумана, быстро исчезающее без следа.

— Этот мелкий прыщ орал, как резаный: «Ненавижу! Ненавижу!». Хм. — Обижен фыркает колдунья. — Я решила, что скажу, когда перестанет сопли свои размазывать по стенам.

Старик вздыхает, мальчик застывает, мгновенно изменяясь в лице, а вслед за жестом Айвы, в дом влетает три оленьих туши. Колдунья успевает по пути вытащить из них кости, а оставшееся, подранное мясо, раздирает силой ветра на мелкие куски уже здесь, в доме, и тут же все мясо сваливается на стол огромной горой.

Старик, натянув улыбку, поворачивается к мальчику и хлопает по плечу, пока колдунья усаживается на свободный табурет, сразу же принимаясь за еду.

— Поешь. — Говорит волшебник, едва заметно улыбаясь. — А то она еще и твою долю съест, если не поторопишься.

Впрочем, Алеша еще какое-то время таращится удивленно и только смотрит. Проходит каких-то несколько мгновений, а колдунья умудряется проглотить столько мяса, сколько мальчик вряд ли бы съел за раз. Алеша ждет, смотрит удивленно, а когда спохватывается, то Айва, на пару с волшебником, уже съедают половину туши.

Скоро волшебник с колдуньей приканчивают целую тушу, и мяса на столе заметно убавляется. Они едят по-разному, волшебник аккуратно проглатывает один кусок за другим, а колдунья заталкивает мясо чуть ли не прямо в глотку. Единственное, в чем они друг на друга походят — невероятная скорость, с которой и волшебник, и колдунья поглощают еду.

Вдруг, Алеша понимает, что слова волшебника совсем не были шуткой. А к мальчику уже поворачивается колдунья, сделав в трапезе короткую паузу.

— Ну что? — Улыбается она хитро, отодвинув один уголок губ и слегка прищулив глаза. — Не будешь?

Она сразу же отворачивается и на Алешу больше не смотрит, но теперь мальчик не медлит и принимается есть. Поначалу жутко наблюдать, как оленина бесследно растворяется в желудках старика и колдуньи, но Алеша старается поспевать, быстро привыкает, и, наконец, беспокойство растворяется в трапезе.

Дело медленно идет к ночи, а на плечи сваливается усталость. И едва заканчивается долгий обед, протянувшийся почти на всю оставшуюся половину дня, как мальчик тут же заваливается на спину, чувствуя, как раздувшийся живот, требует тишины и покоя.

Становится тихо. Пусть и ненадолго.

— Все! Достал! — Ударяет колдунья руками по столу.

Старик с мальчиком оба взглядывают на Айву, и Алеша даже успевает слегка испугаться.

— Видеть твою кислую рожу уже не могу. — Говорит мальчику колдунья, но вздыхает, откидывается назад, кажется, будто падает, но зависает в воздухе, вместе с шатким табуретом, раскачивается, но на пол не валится. — Не на похоронах....

Айва осекается, возвращается в нормальное положение и с неловкой улыбкой тут же поворачивает голову.

— Старик, — зовет она, — клянусь своей колдовской силой, я такой вкуснятины давненько уже не ела!

Волшебник сразу же бросает на колдунью сердитый взгляд.

— Что? — Реагирует Айва.

— Ты сказала... колдовской силой? — Спрашивает мальчик.

Колдунья медленно поворачивается к нему, старик вздыхает, а на лице Айвы всплывает растерянное выражение.

— Я? Э... да. Да, и что? — Поначалу теряется колдунья, но потом снова начинает говорить уверенно. — Какое тебе дело?

Мальчик смотрит теперь иначе, осторожно, как простолюдин на боярина.

— Так ты..., - говорит он осторожным тоном, вытягивая слова, — ...ведьма?

Всего миг Айва сидит неподвижно. Затем, ее золотые глаза открываются шире, колдунья встает из-за стола и с размаха ударяет по нему ладонью.

— Ведьма?! — Нависает она над мальчиком. — Ах ты деревенщина тупоголовая! Да ты хоть знаешь....

— Хватит. — Вдруг раздается голос старика.

Голос волшебника едва можно расслышать, но и мальчик, и Айва поворачивают головы, и мгновенно становится тихо. А старик продолжает молчать, и колдунья поднимается, фыркает и выходит, ничего не добавив.

Алеша виновато опускает задумчивый взгляд.

— Рассердил ты ее. — Улыбается старик.

Алеша обижено хмурит брови.

— А чего она? — Отворачивается мальчик. — Сама же про колдовство сказала. Да еще злая.

Старик пододвигается вместе с табуретом, берет Алешу за плечо и уже одним касанием помогает немного успокоиться.

— Те, кого вы зовете ведьмами, — тихим голосом объясняет старик, — это жуткие, страшные чудища, в которые превращаются иногда женщины, если пытаются колдовать. А она... колдунья она. Это не то же самое. И все же, тебе лучше никому не говорить, а иначе....

Старик начинает глядеть хмуро и серьезно, и жутко становится, Алешу до костей пробирает, как в прошлый раз, когда старик говорил то же самое. Только в этот раз с мальчиком все как-то иначе, он опускает голову, хмурится, но ни капли не боится.

— Да кому я теперь скажу? — Опускает Алеша голову.

И старик, глядя на него, печально вздыхает.

— Не надо оно тебе. — Вдруг говорит старик, погодя. — Но колдуньи от ведьм отличаются. Только люди этого не знают обычно. А между волшебником и колдуньей, наоборот, нет никакой разницы. Да и волшебники, такие как я, злыми могут оказаться, а колдуньи добрыми бывают. А что ты мог от людей услышать — все это слухи. По эту сторону леса о мастерах никто почти ничего не знает.

Мальчик сразу разгорается интересом.

— Мастерах?

Старик не отвечает, но Алеша не сдерживает интерес, а с ним и рождающиеся вопросы.

— А ты, значит, правда волшебник?!

— Забудь об этом. Ты меня понял? — Спрашивает волшебник тяжелым, серьезным голосом.

И мальчику остается только кивнуть, забыв о недовольстве.

— Догадываешься, чем ее рассердил?

— Неа.

Алеша глядит с интересом, и старик хлопает его по плечу.

— Ведьмы жуткие, страшные. — Улыбается волшебник. — А она же все-таки женщина.

Он поднимается, оставляет табурет в сторону и идет к двери.

— Не думай, она быстро забудет. — Говорит старик и на миг останавливается. — Ты еще извиниться не успеешь. Отдохни лучше, а я пока дров принесу. Ночи теперь скоро холодные будут.

И волшебник уходит, оставляя мальчика одного. Когда он возвращается, Алеша уже лежит к стене лицом. Старик решает не отрывать мальчишку от отдыха, натаскивает дров, садится у печи и о чем-то задумывается. И так в доме царит тишина до самого возвращения колдуньи.

Когда Айва приходит назад, улицу уже окутывает ночной мрак. Колдунья шумно распахивает дверь, но замечает старика, а тот, приложив к губам палец, просит не шуметь. С гордым недовольством на лице, но колдунья эту просьбу все же исполняет. Небрежно взмахнув рукой, она заставляет ветер захлопнуть дверь, но аккуратно, без шума, а сама Айва отправляется на лежак печи, чтобы скорее отвернуться лицом к стене и притвориться спящей.

Темно. Из приоткрытой топочной дверки тусклый свет горящих в печи дров освещает половину всего маленького дома, но все равно отдельные линии и контуры смешиваются, прибавляя чертам предметов загадочность ночных теней. Бревна потрескивают, мальчик, устав, тихо, но заметно сопит, а старик продолжает скрести пестиком по неаккуратной, каменной ступке.

Вдруг старик поднимается и идет к печи. Айва тут же открывает глаза, уводит взгляд в сторону, будто может заглянуть за спину, но волшебник сваливает густую массу в котелок, а сам присаживается рядом с колдуньей.

— Мальчик спит. — Говорит он шепотом.

Айва ничего не отвечает и не оборачивается. Она даже не шевелится, но старик продолжает так, будто точно знает, что колдунья его расслышала.

— Мы оба проиграли, Айва. — Продолжает волшебник.

И колдунья сразу поворачивается, хотя и отворачивается тут же назад, ничего не сказав.

— Проклятие стало изменять мальчика, а значит, оно уже прорвалось в его мысли. —

Вздыхая иногда, рассказывает старик. — Возможно, он уже слышит голос, или чувствует что-то.

— Плевать. — Отвечает колдунья тихо, не поворачивая голову. — Жизнь этой деревенщины все равно ничего не стоит.

Старик хмурится, его явно не устраивает такое положение дел.

— Хм, возможно. — Говорит волшебник тихим, низким голосом. — И все же, мы не можем просто уйти. Проклятье может перекинуться на жителей деревушки.

— Пх! — Кряхтит Айва, не сдерживаясь.

Колдунья резко поворачивается и поднимается. Сейчас ее длинные волосы, не заправленные в шляпу, опадают через плечи, странно преображая образ Айвы, делая его незнакомым. Черные пряди в тени комнаты окутывают лицо колдуньи мраком, а ее обычная улыбка от этого начинает казаться зловещей. Хотя, голос все равно остается приятным и задорным, что бы Айва ни говорила.

— Старый болван! — Тихо посмеивается колдунья. — Ты еще не понял?

Старик немного хмурится, задумчиво, оставаясь спокойным и на оскорбления Айвы, как и всегда, не обращая совершенно никакого внимания.

— Думаешь, я не прав?

— Да деревенские в жизни сюда не придут. Посмотри на эти развалины. Дом в лесу почти, с одной стороны поле, а с другой деревья. Видел дальше по течению мельница торчит? А хоть грамм муки тут найдешь? Нет ни одного. С деревенскими они явно не ладят, не зря же дом так далеко от остальных построили.

Айва даже успокаивается, пока объясняет.

— И как ты сам этого не понял?

Колдунья опускает плечи, вздохнув, оборачивается, и вдруг слегка нахмуривается, видя спокойное лицо волшебника.

— И что же? — Говорит он невозмутимым тоном. — Когда проклятье овладеет мальчиком, ты думаешь, он останется сидеть дома, как сестры, или отправится в деревню искать помощи?

Айва ничего не отвечает, но по недовольству на ее лице старик и так обо всем догадывается. Только радости он не испытывает и даже позволяет грусти проявиться в выражении, отчего колдунья с особым вниманием начинает прислушиваться к словам волшебника, хотя и продолжает хмуриться.

— Мы уже проиграли, Айва. — Снова говорит старик. — Нет смысла пытаться избавиться от проклятия. На это пришлось бы тратить целую зиму, а времени у нас нет.

Колдунья тут же снова уваливается на лежак, повернувшись лицом к стене.

— Тогда оставим его тут. Нам это ничего не стоит.

— Разве?

Отчего-то Айва не отвечает. Она поворачивает голову, хотя и глядит куда-то в сторону и в глаза волшебнику не заглядывает.

— Но ты права. — Не дожидается старик ответа. — Времени нет. Однако бросать мы его не будем.

Айва снова приподнимается на лежаке, сердито глядит на волшебника, и он снова угадывает мысли колдуньи по взгляду.

— Есть другая затея. — Продолжает старик. — Мы можем помочь ему стать мастером проклятий. Если он не справится, то найдет смерть немногим раньше, чем должен, но если у

мальчишки хватит сил....

Старик поворачивается и долго, задумавшись, глядит на мальчика. Айва даже ничего не отвечает, просто молчит, но когда волшебник поворачивает голову обратно к ней, то находит на лице колдуньи ее странную, хитрую, а сейчас даже жуткую улыбку, освещенную бедным светом маленького печного огня.

— А ты умеешь удивлять! — Говорит она чуть громче, чем нужно.

Ухмыльнувшись, Айва тут же прикрывает рот, оглядывается на мальчика, но звуки ее голоса не прогоняют с глаз Алеши сон. Тогда колдунья пододвигается к старику, утыкается подбородком в плечо и руками обвивает шею.

— Раз так, — говорит она тихо, — придется нам изменить условия нашего уговора.

Старик молчит, но его лицо, всегда серьезное, будто бы становится в неподвижности и тишине еще суровее и строже.

— Тогда, если мальчик сможет овладеть силой мастера, то выиграл ты. — Шепчет колдунья. — А если он умрет в жутких муках, то выиграла я, поскольку вина за это будет лежать только на тебе.

Айва посмеивается с закрытым ртом и отстраняется.

— Ну что, старик, теперь ты согласен?

Волшебник поворачивает голову, всматривается в глаза Айвы и широкой, жуткой в таком освещении улыбкой, вынуждает ее замереть и растерять всю уверенность.

— Согласен. — Говорит он, медленно стирая с лица улыбку. — Но ты будешь мне помогать и ни за что не станешь мешать намерено.

Айва задумывается и долго молчит.

— Но, если не хочешь, то выходит, что никто не победил. — Говорит старик.

Колдунья сердится, понимая, что волшебник пытается манипулировать ей, но даже этого не скрывает.

— Ладно, черт. — Шипит Айва. — Я согласна.

А ее хитрая улыбка, вновь расцветающая на лице, тут же выдает старику, что у колдуньи есть план. И, помедлив, оба соглашаются с новыми условиями.

Старик выносит котелок на улицу, и всю ночь Айва продолжает гадать над тем, что же он задумал. Решение ей так и не дается.

Колдунья просыпается в доме одна, никого не находит и тут же с самого утра начинает о чем-то очень напряженно раздумывать. Старика с мальчиком Айва искать не торопится, полдня расхаживает по дому и лежит на печи, а на улицу даже не выглядывает, но потом замечает на полу камушек и задумывается.

Айва поднимает небольшой камешек с пола, разглядывает на ладони, а затем поднимает глаза и находит взглядом кувшин. Тут же ее лицо преображает яркость свежей вспыхнувшей в уме идеи, и колдунья даже застывает на миг, после чего переставляет кувшин и залезает обратно на печь с хмурым, задумчивым видом.

Взгляд колдуньи молнией устремляется к двери, когда входит мальчик. Алеша успевает заметить эту резкость и замирает на месте, но Айва спокойно отводит глаза и задумчиво смотрит на кувшин, стоящий перед ней на полу в нескольких шагах.

Мальчик не торопится и выглядит спокойным, по сравнению с тем, как вел себя прошлым вечером. На черные щупальца, растущие из его спины и со вчерашнего дня, кажется, ставшие даже чуть меньше, колдунья выглядывает лишь раз, когда Алеша поворачивается спиной, но мальчику кажется, будто Айва все время глядит только на

кувшин и иногда поглядывает на маленький камушек на ладони.

Все время, что Алеша занимается своими делами, — отбирает травы, готовит котелок, чистит ступку и моет пестик, — Айва сидит на месте и ничего не делает. Когда Алеша начинает перетирать травы, как и велел ему старик, то он обращает на колдунью все больше внимания, успев за эти дни понять, что такое поведение Айве вовсе не свойственно.

— А..., - заговаривает он робко, тут же застыв, но спохватывается и заговаривает обычным голосом, даже чуть быстрее, — чего это ты делаешь?

Айва оборачивается, а мальчик застывает, ожидая, что сейчас уже колдунья начнет опять ругаться и кричать, а то и пригрозит чем-нибудь жутким, но она вместо этого только задерживает на Алеше взгляд, почти сразу отворачивается и вздыхает, снова задумчиво разглядывая кувшин. Подождав и медленно избавившись от своего оцепенения, мальчик уже начинает опускать голову, примиряясь, как вдруг Айва заговаривает с ним не своим голосом.

— Как думаешь, — вдруг спрашивает она, не сводя взгляд с кувшина, — если брошу камешек, то попаду или нет?

Алеша с удивлением слушает тонкий, ровный и тихий, нежный голос Айвы. Обычно он резкий, звонкий и громкий, но сейчас другой, изменившийся, особенный. Он даже не сразу понимает вопрос, прослушав его и застыв взглядом на Айве, а мыслями утопая в раздумьях.

— Так что?

— А? Э... не знаю.

И Айва, вздохнув, снова задумчиво хмурится, даже не рассердившись.

Ненадолго становится тихо, но такое странное поведение колдуньи ворошит мысли мальчика и не дает ему успокоиться. Поначалу Алеша сдерживается, пытается занять себя делом, но чем дольше монотонно перетирает травы в кашу, тем больше раздумывает над тем, что заставило колдунью так измениться.

— А чего? — Не сдерживается он, наконец. — Оно важно так, что ли?

Айва не поворачивается, но опять вздыхает.

— Старик мне как-то сказал, что важно все, если знаешь почему.

Мальчик задумывается.

— И чего это значит? — Любопытствует он.

— Да я и сама не знаю. Чушь какая-то. Как всегда.

Снова тишина и снова она быстро рассеивается от растущего нетерпения Алеши.

— Ну так... а чего? Брось, да и узнаешь. — Заговаривает мальчик вновь.

Айва снова поворачивается, но на этот раз ее взгляд больше походит на хитрую, обаятельную, но неясную и оттого жутковатую ухмылку, которая уже кажется почти неотъемлемой частью лица колдуньи.

— В том и дело. — Спокойно отвечает Айва. — А как узнать заранее, попаду я или нет?

— Э, ну..., никак, видать.

— Эх. — Вздыхает колдунья и снова замолкает.

Теперь ее вид становится еще и печальным, и мальчик еще быстрее теряет терпение и не сдерживается.

— А зачем оно тебе?

Колдунья тут же устремляет к мальчику взгляд.

— А что, интересно? — спрашивает она с горящими глазами, миг изменившись.

— Э, ну, да, наверное.

Айва отклоняется назад, садится, как сидела, и опять становится задумчивой и слегка

хмурой.

— Да так, — отвечает она, — интересно. Бывает же такое.

Мальчик уже опускает глаза, решив, что допытываться не стоит, но колдунья не дает ему сорваться.

— Хочу я кому-нибудь помочь, например, — говорит Айва, — а помощь моя может... может и не нужна. Вот и не знаю. Можно было бы заранее узнать — как было бы хорошо!

Алеше нечего сказать. Он спокойно выслушивает, опускает глаза, уже собирается погрузиться в мысли, но колдунья не позволяет.

— Слушай! — Оживляется она внезапно. — А давай поспорим! Вот, как думаешь попаду, или нет?

Мальчик оглядывается с сомнением на кувшин.

— Силы я использовать не буду, — тут же добавляет колдунья, — просто брошу, сама. Попаду или нет, как, по-твоему?

— Наверное... наверное — нет.

— Так я, по-твоему, криворукая, значит?

— Да нет, да я же... тяжело же. Далеко, и....

— Ха-ха! Успокойся! Шучу я. — Успокаивает колдунья. — Значит, думаешь, что не попаду? Так и быть! Если ты победишь, то я вмешиваться не стану, ну а если попаду и выиграю сама....

— Чего?

— Ничего. — Отговаривается колдунья. — Смотри лучше на кувшин.

Айва долго и старательно целится, наконец, бросает камешек по дуге, тот ударяет в горло кувшина, заставив его покачнуться, затем оба на миг застывают, а после сваливаются на пол.

Камешек залетает внутрь, а горлышко кувшина разбивается. Айва с мальчиком оба удивляются и застывают, взглядывают друг на друга, и колдунья вдруг рассмеивается.

— Ахаха! Видал? — Звонко смеется Айва.

Мальчик не понимает и только смотрит молча, даже не улыбается.

— Видал?! Он... как ударился... и... пха-ха-ха! Уф... да-а. Такого я не ждала. Ха-ха.

А после, успокоившись, Айва внезапно уставляется с хитрой, довольной ухмылкой на красивом лице, и мальчик застывает, чувствуя возвратившийся дух прежней колдуньи.

— Ну, что сказать? — Проговаривает Айва. — Похоже, что я снова победила!

Алеша опускает глаза, хотя это поражение его не задевает, но он все равно не успевает об этом подумать.

— Иди-ка сюда, присядь. — Зовет колдунья радостным, тихим и мягким голосом, хитро улыбаясь.

Сейчас ее улыбка такая же, как и всегда: половинка губ вытягивается изгибом из тонкой линии, отодвинув уголок рта, а хитрый прищур добавляет улыбке выразительности, — но сейчас улыбка Айвы кажется немного другой, более спокойной и доброй, и мальчик, помедлив, идет на зов и садится рядом с колдуньей.

— Ты же травы собираешь? Вот я и подумала, — заговаривает Айва, — что тебе он пригодится больше, чем мне.

Из складки на поясе, которая до сих пор даже не была видна мальчику, колдунья достает небольшой, темно-фиолетовый цветок. Он уже слегка помятый и высохший, успел сплоснуться и потерять цветущее очарование, но своим необычным видом способен и так

заворожить мальчика. И пока Алеша разглядывает цветок, Айва продолжает.

— Необычное это растение, — говорит она, — очень редкое. Старик мне рассказал, когда нашла. Может сделать зелье лучше или... или не сделать.

Айва улыбается, но ничто в ее улыбке не наводит мальчика на подозрения.

— В общем, — продолжает колдунья, — считай, что это мой прощальный дар.

Алеша поднимает глаза.

— А ты уходишь?

— Я? Нет! — Усмехается Айва. — Я тебя отпускаю, носатый. Считай, ты опять свободен. Не очень мне и надо было тебя в слугах держать. Я лишь хотела, чтобы ты понял, что нужно относиться к своей жизни внимательнее. Что скажешь, ты это осознал?

Алеша тут же расцветает.

— Угу. — Кивает он с готовностью.

— Вот и хорошо. А цветок можешь использовать, как тебе вздумается. Есть только одно условие: ни за что не говори о нем старику. Договорились?

Мальчик задумывается ненадолго, но быстро соглашается и еще раз кивает.

— И доброту мою не забывай. — Говорит Айва с серьезным лицом. — Я тебе не только жизнь спасла и не только отпускаю, но еще и такой ценный подарок отдаю, а взамен не прошу ничего.

Алеша тоже изменяется в лице, сразу глядит серьезно, чуть нахмурившись, понимая, какой широкий жест делает Айва, а, впрочем, не подозревая ее в каком-нибудь умысле, который легко может обесценить все ее дары.

— А, кстати, — мягче, нежнее заговаривает колдунья, — чего это тебя полдня дома не было? Чем это вы... ты занимался? Небось, старик что-нибудь заставил делать?

— Ага. — Без задней мысли отвечает Алеша. — Мы с ним травы всякие искали. Он чего-то там делать хочет, да только не говорит. Вот, сказал, чтобы я домой пошел, толочь чтобы, а он там еще, ищет чего-то.

— О, вот как? Очень интересно. — Ласково улыбается колдунья.

И мальчик загорается желанием поделиться.

— Ага! Он такие всякие находит травы! В жизни я таких не видывал!

— Правда?

— Ага!

— И зачем же?

Алеша резко меняется, опускает глаза и дальше рассказывает с прежним, слегка хмурым видом.

— Не знаю я. — Жмет мальчик плечами. — Мне не говорит. Сказал, будем чего-то готовить, а вот чего — не ответил.

— О, вот как? — Хитро щурится колдунья. — Так вот, что он задумал? Ясно. Так и думала. Ну, не зря я тебе такой полезный сделала подарок. Как раз может пригодиться. Главное, не уппусти шанс.

Заинтриговать мальчика у нее выходит даже проще, чем можно было рассчитывать.

— А чего это? Чего задумал? Ну скажи! — Тут же начинает приставать Алеша, оживившись.

— Даже не знаю. — Отворачивается Айва. — Еще старику все расскажешь, а мне потом выслушивать....

— Не расскажу я! Чего я скажу-то?!

Айва на миг не сдерживает улыбку, потом все же пересиливает себя и поворачивается к Алеше.

— Ладно! Скажу. — Заговаривает колдунья. — Старик явно что-то задумал! Наверняка, он тебя заставит что-то готовить, а потом тебе же это и отдаст! Скажет, гляди, мол, какой молодец, какое зелье хорошее сделал.

— Ага.

— Чего «ага», болван?

Мальчик теряется, но уже привыкает к тому, что колдунья легко иногда выходит из себя, а ее слова не всегда бывают искренни, и обижаться на них нет никакого смысла. Так что он начинает мяться, но злобы уже не испытывает.

— Ну, так... это.

— Эх, ты. — Вздыхает колдунья. — Ладно, слушай. Цветок, который я тебе дала, может сделать твоё зелье ещё лучше. Понимаешь?

Глаза Алеши широко раскрываются, на лице появляется улыбка и он пододвигается к колдунье.

— Ага!

— Чего «ага»?

— Ну, так, — заминается мальчик, хотя знает ответ, — значит, можно сделать зелье ещё лучше?

— Ты спрашиваешь или отвечаешь?

— Да! Можно сделать зелье лучше!

— Ага. — Улыбается колдунья.

И Алеша тоже решается пошутить.

— Чего «ага»? — Спрашивает он, но сразу же и робеет, едва заставляя себя договорить последний слог.

Айва нахмуривается.

— Как дам по носу. Уж по твоему не промахнусь.

Алеша опускает голову, а колдунья действительно щелкает его по носу кончиком пальца.

— Ха-ха! — Рассмеивается она, глядя, как мальчик трет нос. — Ладно, хватит шуток, но запомни: старику ни слова. Понял?

— Да понял я, понял. — Отворачивается Алеша, стерпев обиду.

А колдунья провожает его взглядом, но только мальчик берет ступку с пестиком и начинает монотонно перетирать травы, как она тут же заваливается на печи спать.

День продолжает истекать, сваливая огненный шар на море горизонта. Старик с мальчиком продолжают заниматься своими делами, но Айва за ними уже не следит. Лучи осеннего солнца все чаще прячут за собой тучки, медленно затягивая небо, но еще не спеша укрыть его целиком за серым одеянием. И так же неторопливо в повседневных заботах укрываются недавние тяготы, и сердечные раны, подобно осенним дням, постепенно остывают в холодном дыхании наступившего месяца.

Айва не торопится сразу же открывать глаза. Она продолжает лежать на постели из листьев, медленно и глубоко вздыхает, и лишь когда сон бесследно тает, а удержать его не получается никаким способом, Айва поднимает к голове руки, потягивается и неохотно распахивает глаза.

Поглядев на косою потолок, колдунья замечает старика и мальчика, сознает, что проснулась раньше них и без удовольствия вздыхает, принимая необходимость искать себе занятие, но так и не успевает этого сделать до пробуждения мальчика. А только Алеша начинает шевелиться, как Айва тут же закрывает глаза, притворяясь спящей.

Незаметно взмахнув ладонью, колдунья отправляет ветер гулять по маленькому дому и докладывает ей обо всем, что происходит. Мальчик роется под кроватью, достает овощей и, вымыв в бочке с водой, стоящей на улице, начинает грызть. Затем просыпается старик, но Айва все еще не желает себя раскрывать и лежит неподвижно, отвернувшись лицом к стене.

— Хорошие плоды. — Хвалит старик, разжевывая огурец. — Сам растил?

— Сестры. — Отвечает мальчик.

Нечаянно беседа обрывается тишиной, но ненадолго.

— А знаешь, я ведь тоже кое-что в травах понимаю. — Тихо, с улыбкой говорит старик, прогоняя молчание. — И я все думал вчера, когда тебе со сборами помогал, а не захочешь ли и ты мне помочь кое-что приготовить?

— Я? Да запросто! — Заявляет Алеша. — Уж в травах-то я умею!

Хотя, на его лице и так все достаточно красноречиво проявляется, и старик понимает реакцию мальчика даже раньше, чем тот заговаривает.

— Только не кричи. — Улыбается старик. — Ни к чему будить нашу ветреную королеву. Айва, подслушивая, даже начинает улыбаться, но сдерживается и себя не выдает.

— А мы уже и нашли почти все, что надо. — Отыскивает старик взглядом корзинку с травами, собранными вчера. — Если, конечно, не жалко тебе травами поделиться, то мы могли бы из них и готовить отвар, из отвара бы взяли гуцу, из гуци сделали бы форму, а в ней бы приготовили... вижу, как смотришь. Уже интересно?

Алеша даже не пытается юлить.

— Ага.

— Ладно, скажу. — Добродушно улыбается старик, наклоняется и говорит тише. — Хотел тебе подарок сделать перед тем, как мы твой дом покинем, да только для него надо бы нам еще один цветок отыскать, а он редкий, искать трудно, да и сейчас он уже отцветает.

— Ну и чего? Чего отцветает? Да мы найдем. — Загорается мальчик.

И старик даже слегка нахмуривается, не понимая Алешин радости. Хотя, волшебнику это лишь на руку, так что отговаривать мальчика он не собирается.

— Ну, ладно, хватит, не кричи, разбудишь ведь.

Алеша замолкает и виновато опускает глаза, а старик наклоняется, берет мальчика за плечо, уже собирается заговорить, но вдруг останавливается.

— Идем, — подталкивает волшебник, говоря шепотом, — я тебе на улице объясню.

Старик ведет мальчика к выходу, и Алеша не сопротивляется, хотя и недоумекает. Колдунья уже взмахивает, посылая ветер следом, но волшебник, проходя дверь, бормочет под нос, делает странный жест и закрывает дверь.

Колдунья даже не сразу понимает, что ее ветер остается заперт в доме, и не может пробиться следом за волшебником на улицу. А старик не ждет и сразу же заговаривает с мальчиком.

— Запоминай, — говорит он неторопливо, — не меньше чем в двух сотнях шагов от реки, от любой воды, даже от болота или колодцев, на сухой почве, в старых кустах, рядом с увядающими деревьями, растут иногда такие синеватые лопухи. На вид самые обычные, но с большими, темными прожилками, иногда почти фиолетовыми. Под ними, в тени, иногда бывает цветок, больше похожий на гриб. Бутон у него плотный, широкий, стебель короткий, а цвета он темного, красного, как небо на закате перед самой ночью. Запомнил? Вот этот цветок нам и нужен. Только оставим все это в секрете, во всяком случае пока.

Старик подмигивает, дружелюбно улыбается, и Алеша с сомнением во вздохе соглашается, дает знать кивком, а следом тут же с хлопком распахивается дверь, и опоздавшая к разговору Айва, оглядевшись, пытается изображать незаинтересованность.

— Как солнце уже высоко. — Позевывает колдунья.

И по взгляду старика легко догадаться, что он хитрость Айвы раскрыл, но сама она, тем не менее, продолжает играть.

— А вы чем заняты? — Говорит она, оглядывая старика с мальчиком. — О! Лукошко? Травы идете собирать?

Старик выпрямляет спину, продолжая держать руку на плече Алеши, колдунье не отвечает и взглядывает на мальчика, который как раз ждет его реакции.

— Ну, иди. Только далеко не заходи. — Подталкивает он Алешу, вынуждая идти.

Мальчик поддается, делает несколько шагов, а затем начинает идти быстрее, повторяя в уме слова волшебника: вдали от реки, от любой воды, под лопухами в сухих кустах....

Айва различает его задумчивость. Склонив голову, мальчик сильно горбится, идет медленно и разок чуть не спотыкается.

Теперь, когда Алеша уходит, лицо колдуньи сразу теряет дружелюбную улыбку, сменяя ее хитрым, недовольным прищуром. Айва поворачивается к старику, глядит на его довольную ухмылку и мгновенно не сдерживается.

— Что ты задумал? Я знаю, ты его за травой послал. — Говорит она прямо. — Что, будешь зелье варить? Признавайся, я же все равно узнаю.

— Но зато хоть немного поработаешь. — Улыбается старик, оборачиваясь к порогу.

— Да ладно, старый. — Упрашивает Айва, следуя за волшебником в дом. — Ну скажи. Ты же послал его траву искать? Дай угадаю, сварить зелье, а потом скажешь ему, мол, смотри, как потрудились, ай да носатый! Так ведь?

Старик едва заметно улыбается, но не отвечает. Он достает из-под соломенной кровати небольшой котелок с дырявой крышкой, выкладывает из него в ступку кашу из раздавленных трав и начинает толочь. Глядя на волшебника, колдунья скрещивает на груди руки, встает перед стариком и прищуривается, вдруг начиная хитро и довольно ухмыляться.

— А знаешь что? — Не торопится колдунья. — Я даже мешать не стану. Делайте, что хотите, а я как раз отдохну, выплюсь.

Непринужденно она заваливается на печь, а старик теперь начинает сам преследовать Айву взглядом.

— Значит, идти за ним ты не собираешься? — Спрашивает он.

— А зачем? Какое мне до него дело? Мальчишка же в руках настоящего волшебника. Хи. Не пропадет.

Старик хмурится.

— Значит, ты что-то уже задумала. — Бубнит он, опустив голову, и снова поворачивается. — Ладно, ты права, не буду скрывать. Я не хотел тебе говорить потому, что ты бы попыталась отыскать растение и подарить мальчику, так что не жди, что я отвечу, что он ищет.

Колдунья только ухмыляется.

— Да какая мне разница? Делай, что хочешь.

— Ты не пойдешь за ним? — Говорит волшебник еще спокойно, но с толикой волнения в голосе. — Не боишься, что с мальчиком что-нибудь произойдет?

Айва лишь загадочно улыбается, на мгновение повернувшись.

— Вот и узнаем. — Говорит она тихо. — В любом случае, нам это ничего не будет стоить.

Старик задумчиво хмурится, но ничего не отвечает. Отставив ступку, волшебник идет на порог, но мальчика уже не достает взглядом, и тот успевает скрыться за островками деревьев.

— Айва, — возвращается старик, — если с ним....

— Даже не думай. — Перебивает колдунья.

Она поворачивается на другой бок, ложится к волшебнику лицом, довольно ухмыляется и разговаривает спокойным, тихим и довольным голосом, не прогоняя с лица ухмылку.

— Ты вообще помнишь, какой был уговор? — Спрашивает Айва, заставляя старика хмуриться еще сильнее. — Вот и славно. А теперь не мешай, я хочу от тебя отдохнуть, как давно у меня уже не было такой возможности.

Волшебник продолжает стоять и глядеть на Айву, а она сразу же разворачивается к нему спиной. Впрочем, говорить что-нибудь бесполезно, и старик потому и хмурится сильнее, что хорошо это понимает. Не остается ничего другого, как отпустить мальчика и надеяться, что тот не станет забредать далеко, так что старик, вздохнув, садится обратно за стол и продолжает разминать в ступке травы, превращая их в густую кашу.

До самого вечера мальчик рыскает всюду в поисках загадочного цветка, лазает в кустах под сухими деревьями, чуть не увязает в болоте, отыскав топь в том месте, где прежде ее точно не было, но Алеша старается не отвлекаться и даже отыскав целое болото просто уходит в сторону, вспоминая наставления старика.

Только к вечеру мальчик догадывается залезть на высокое дерево, когда замечает в стороне высокий тополь. Приходится идти с палкой, опасаясь завязнуть в болоте, но зато, когда удастся забраться на дерево, Алеше открывается чудесный вид, окрашенный багряными лучами заходящего солнца.

С тополя, куда забраться удастся только чудом, растратив чуть ли не все силы, мальчик глядит на родной край, каким никогда его еще не видел. Алеша забирается выше, чем когда-либо. Да и не было раньше времени лазать по деревьям. С утра и до самой ночи всегда в доме была работа. С весны и до осени мальчишка был занят трудом с малых лет и впервые оказался свободен теперь, когда время работ закончено, а зима еще не наступила.

С высоты мальчику открывается новая сторона его родного края. Видно лес, уходящий вдаль плотным ковром зеленых верхушек, украшенный темными, благородными тонами. Отсюда он спокойный и тихий, мрачный, но полный холодной красоты, влекущей загадочностью морских глубин.

В той же стороне виднеется небольшой домик, стоящий прямо на окраине леса. За ним

высытятся деревья, но отсюда, сбоку, почти ничего не разглядеть, и если бы Алеша не знал так хорошо каждый куст в округе, то легко мог бы даже не понять, где стоит его полуразваленный домик, настолько

Дальше течет река. Она широкой лентой пролегает от самого леса и почти до деревни, отнимая себе большую часть места. Деревня стоит дальше, прямо у реки, а сама река, изгибаясь, змеей уползает в лес, оставаясь стеной воды сторожить от мальчишки целую половину известного ему мира. И выходит, что с одной стороны лес, с другой река, а с третьей — деревня, преграждающая путь в мир людей, знакомый Алеше лишь по рассказам матери.

Лишь сейчас все это складывается у мальчика в целую картину. Багряные цвета заката освещают маленький мир, но, что важнее, дают сейчас увидеть то, чего мальчик так желанно искал, забираясь на отвесный ствол одинокого тополя. Увидев старое, иссохшее, сухое дерево, Алеша замирает, но тут же вздыхает и с решимостью хмурится, зная, где нужно искать цветок.

Мальчик сам себе удивляется, спускаясь вниз по тополю, что не вспомнил про ведьмино дерево. Все его обходят стороной, но каждый про это дерево знает. В деревне, сколько Алеша себя помнит, всегда считалось, будто бы к этому дереву приходят ночами ведьмы, чтобы творить свои колдовские обряды, или приносить жертвы, или еще что — застать их в процессе еще никому не удавалось, так что наверняка сказать тяжело, но и сомневаться в том, что древо как-то связано с ведьмами, никому не приходилось.

Впечатление дерево производит действительно сильное. Даже лишь вспоминая о том, куда сейчас придется идти, Алеша утыкается взглядом в ноги и теряет спокойствие. Старый, высокий, раскидистый дуб, не похожий ни на одно дерево в округе, давно уже не покрывает ветвей листьями. Крона его даже в цветении весны остается голой, истощавшей, худой. Одни только веточки костлявыми отростками тянутся в разные стороны, а кругом — сухой пустырь, завядшая трава и редкие, жиденькие ростки свежих трав, которые лишь чудом можно отыскать в этом странном, проклятом месте.

Дерево прозвали ведьминым, и считается, будто бы именно из-за колдовства вокруг него вся земля пропиталась смертью. А за ведьму давно уже деревенские принимали лишь травницу, мать Алешы, которой уже и в живых не осталось, но ни за кем другим подозрения так и не закрепились, хоть старая травница умерла, а дерево так и осталось сухим ждаться на бесплодной земле своего обращения в прах.

Об этом месте всегда почти ходят какие-то слухи. Например, старухи рассказывают друг другу, будто к дереву каждую ночь приходила ведьма. Что она там делала, никто не знает, но сомнений нет, что-то недоброе. Еще говорят, словно повадились туда лазить вурдалаки какие-то, и то и дело рассказывал кто-нибудь в деревне, что своими глазами видел, как мертвецы на кладбище поднимаются и тут же к дереву идут, как на приманку.

До недавнего времени такое часто рассказывали, особенно старухи любили поохать, а старики, хоть и ворчали, но кто еще жив, все почти стали держать в доме осиновый кол.

Потом в ход пошла байка, что, якобы, у ведьминого дерева нечисть сама с собой передралась. Рассказывали, что вурдалаки напали на ведьму, и то ли они ее растерзали, а то ли она их в бездну изгнала, но живых будто не осталось. Одни говорили, что своими глазами видели, как мертвецы тащили ведьму на кладбище, разодрав на части, а другие с тем же усердием доказывали, будто ведьма самолично пожрала каждого мертвеца, что на нее напал.

Старую травницу давно уже никто не видел и тогда о ней сразу же вспомнили. Лишь

тогда в деревне узнали, что старушка мертва уже не первый год, отчего все сильно удивились, но хоть история поутихла, да и мертвецов замечать стали реже, судачить о них тоже, а чем меньше становилось болтовни, тем меньше, казалось, становится и поселившейся у ведьминога древа нечисти.

Алеша этих историй никогда не слышал, но у дерева однажды бывал, еще до того, как его мать скончалась. И тот случай крепко ему запомнился. Был он тогда еще совсем мал. Всего-то гулял, игрался в редкий миг свободы от домашних дел, забрел чуть дальше обычного, а старое, раскидистое, могучее и ужасающее дерево быстро пленило его мальчишеский взгляд.

Он тогда попался деревенской ребятне, часто крутившейся у дерева. И возиться с ним не стали, забросали камнями, наставили синяков, да еще дворняг натравили, и смелые шавки, бросившиеся вдогонку, больно разодрали ногу и оставили шрам.

С тех пор Алеша обходил людей стороной. К дереву он не лез, в деревню — тем более, и, пусть с трудом, но уживаться как-то выходило. Даже после гибели матери, Алеша вместе с сестрами умудрялись выращивать пропитание, охотиться и пережить зиму. Теперь же, когда и сестры оставили мальчика, он вдруг осознал, в каком мире находится, будто впервые оглянулся. Холодно, голодно и безнадежно. Потому Алеша так отчаянно загорелся желанием отыскать цветок, ведь лишь эти случайные гости, уже спасшие его несколько раз, могут теперь помочь ему остаться в живых. И мальчику не нужно было знать о проклятии, чтобы и так понимать, что эту зиму он в одиночку скорее всего не переживет.

Хотя, вечер еще только наступает, а тьма опускается первыми сумерками, но кажется, будто уже совсем темно. Лишь небо еще немного светится мрачной синевой рядом с черным полотном земного горизонта. В темноте уже не так легко будет отыскать маленький, незаметный цветок, спрятавшийся в колючих, тонких веточках сухих кустов, под широкой листвой лопуха, и все равно мальчик не желает сдаваться.

Впрочем, его упорство вознаграждается скоро, и Алеша находит в сухих кустах маленький цветочек на коротком стебельке как раз тогда, когда окончательно темнеет. Страх начинает постепенно остывать, но мертвая, сухая земля даже и сейчас, на границе ночи, не смешивается с осенним пейзажем окружающей природы.

Алеша сознает, что должен скорее выбираться, прячет цветок в складке одежды за пазухой, но вдруг, стоит ему сделать всего пару шагов, как где-то впереди неожиданно раздается голос.

— Видали?! Мертвяк! Говорил же! Говорил!

Алеша тут же застывает.

— Да тише. — Шипит кто-то еще, и Алеша начинает различать в голосе детские черты. — А ежели заметит? Бежим, расскажем....

— Да я ему рога-то пообломаю! — Заговаривает первый громче и увереннее. — А ну, айда, у меня и кол есть! Или струсил?!

— Ничего я не струсил! — Храбрится второй.

Появляется еще один голос, и Алеша резко дергает на звук головой, стараясь разглядеть в темноте хотя бы силуэты, но ничего не различая.

— Не надо. Вы чего удумали? — Боязливо и тихо говорит звонкий, девичий голос.

— Идем, лучше позвать кого.

— Да сами управимся. Еще, глядишь, сбежит, чего доброго! — Отвечает первый, самый уверенный, громкий и самый тяжелый из голосов, в котором все равно улавливаются нотки

детского звона.

А все равно, даже если и нетрудно угадать, что это такие же дети, как и сам Алеша, легче не становится. Мальчик быстро поводит взглядом, осматриваясь и раздумывая, стоит ли пытаться оббежать, но понимает, что назад бежать смысла нет, за деревом через пару десятков шагов уже густые заросли, справа тоже, а слева деревня. Если только рвануть вперед и обогнуть.... Как вдруг раздается лай, и Алеша остается на месте.

— О! Видал?! — Говорит первый, видимо, самый старший. — Даже Жучка не трусит, а ты трусишь.

— Да не трушу я! — Отвечает второй увереннее и громче.

— Тогда идем! — спрашивает первый.

Виснет небольшая пауза, но Алеша ждет, не торопится что-нибудь сделать, и даже ни о чем уже не думает, сосредотачивая все силы, чтобы распознать каждый звук и успеть в нужный момент принять верное решение.

— Ой! — Вздыхает девичий голос. — Не надо. Ну чего вы делаете-то?

— Да пусти ты. — Отвечает первый. — Не бойсь, чего нам будет-то? Да со мной даже мельнику не тягаться! А ну, пусти, кому говорю!

Причитания тут же заканчиваются, хрустит сухая ветка, а впереди появляются две тени, и Алеша начинает щуриться, чтобы хоть что-то разглядеть. Шагов за десять становится можно что-то рассмотреть, но мальчик только старательнее вглядывается в черное покрывало ночи. Алеша видит, как к нему все ближе, осторожно, держа наготове какие-то палки, идут двое. Один здоровый, выше него головы на две, а второй мельче, но тоже крупнее Алеши.

Он стоит, не зная, что делать. В голове носятся мысли, как бешеный ветер, и не успеваешь понять до конца одну, как мелькает другая. Бежать или нет, в какую сторону, или лучше ничего не делать, — что ни приходит на ум, решить все равно не получается.

Вдруг, снова раздается шум, и к Алеше бросается маленькая, звонкая собачка.

— Кш! — Шипит он резко, даже не обдумав, чувствуя, как все тело начинает покалывать.

Двое впереди встают, а небольшая собачка, испугавшись, бросается обратно, заскулив, и лает уже издали, спрятавшись за спины хозяев.

На миг становится тихо. Те двое впереди перестают двигаться, но скоро тот, что крупнее, заговаривает.

— Ты, что, не мертвяк что ли?

Алеша шевелит губами, но беззвучно, не находя, что ответить.

— А ну говори, кому говорю! — Повторяет голос.

— Ничего я не мертвяк. — Отвечает мальчик.

Его голос вздрагивает, но ответив, Алеша начинает чувствовать себя увереннее и легче. Глядишь, думается ему, все само обойдется.

— Ты где вообще видел, — говорит мальчик тише, видя, что двое впереди не спешат нападать, — чтобы мертвяки ходили?

Снова повисает молчание. Те двое, кажется, и сами теряются, так что им приходится собраться с мыслями, чтобы родить что-то внятное. Но вскоре первый, тот, что крупнее, опять заговаривает.

— А кто тебя знает? — Говорит он. — Ты, вообще, кто такой-то, а?

Алеша молчит, догадывается, что от деревенских не стоит ждать добра. Но что-нибудь

ответить нужно, а иначе даже представить трудно, что придет на ум этим двоим, собравшимся с палками нападать на мертвеца, за которого они приняли Алешу.

— Кто-кто, — медлит Алеша, — человек я, кто же еще?

Двое опять молчат, ждут, ничего не отвечают.

— В общем, поздно уже, — снова заговаривает мальчик, — пойду я уже, ночь....

— А ну стоять! — Тут же обрывает тот, что крупнее, поудобнее схватив палку. — Ну-ка подойди ближе, дай на тебя поглядеть.

Мальчик не успевает сделать шаг, да и не торопится, пытаюсь что-нибудь выдумать, но на ум, как назло, ничего не идет. Да и тот, что впереди, сразу же продолжает.

— Только медленно, — говорит он, — ежели ты нечисть какая, то я тебе сразу башку снесу, так и знай. Понял меня?

Алеша, медлит, раздумывает, но потом все же подчиняется требованию и делает шаг вперед.

— Еще. — Велит голос.

Мальчик шагает еще раз.

— Да подойди ты уже! — Теряет голос терпение.

Становится заметно, что эти двое впереди тоже напуганы, а позади них стоят еще двое, очень близко, прижимаются друг к другу, и Алеша догадывается, что девичий голос принадлежит одной из них. Наверняка, думается ему, вторая тоже девушка, а эти двое просто не хотят выглядеть перед ними испуганными.

Беспокойство начинает отступать. Вспомнив зачем-то колдунью и встречу с ней, мальчик начинает чувствовать себя легче. Ведь и с медведем он уже повстречался, и с каким-то лесным чудищем, какого в жизни не мог и выдумать, да и волшебство уже повидал, а тут всего двое испуганных мальчишек, пусть и крупнее его самого, пусть с кольями, но такие же дети, как и сам Алеша.

— Ну! — Подгоняет голос. — Сюда иди, кому говорю.

Страх продолжает отступать, а мысли проясняются.

— Да ты палку-то убери, я и подойду. — Отвечает Алеша. — А то, кто ж тебя знает. Глядишь, ввалишь с перепугу.

— Че-го? — Протягивает голос. — Это я-то?! С перепугу?! Да ты, небось, сам уже и штаны навалил! А ну, поди сюда, кому сказал!

Но Алеша уже не робеет и отчего-то даже начинает злиться. Некому разглядеть, как тихо начинают дрожать на его спине черные отростки, да и в ночи даже колдунья с волшебником не сумели бы что-то различить, но чувства дают мальчику понять, что в нем что-то изменяется, хотя сам Алеша, впервые так выражено чувствуя гнев, ободряющий ум, легко готов поддаться его влиянию.

— Это я наложил? — Отвечает мальчик, еще пока сдерживая порывы. — А ты не наложил? Ну, вот, сам тогда и подойди.

И вдруг, Алеше ничего не отвечают, но снова появляется звонкий, встревоженный и напуганный девичий голос.

— Ну хватит вам! — Подходит к двоим одна из девушек, стоявших за их спинами, та же, что пыталась успокоить их раньше. — Да живой он, не видно что ли? Пойдемте назад, еще дома отругают, что так поздно....

— Да погоди ты. — Снова перебивает тот, что здоровей, перехватив кол. — Пусть сюда идет. А вдруг, нечисть какая? Ух, я ему тогда.... Слышь?! Иди, говорю, сюда! Кто тебя знает,

может, и впрямь, мертвяк! Говорящий еще! Иди сюда, и давай, это, медленно, понял?!

Алеша сердито фыркает, крепче сжимает левую руку, за пазухой которой держит цветок, а сам делает шаг, ждет, делает еще один, и, наконец, останавливается.

Отсюда уже даже в ночи можно рассмотреть, что перед ним всего лишь деревенские мальчишки, о чем, впрочем, Алеша и так уже успевает догадаться. Хотя выглядят они все равно грозно, особенно с палками в руках. Да и тот, который выше, действительно здоровый. Мальчик понимает, что лучше бы успокоиться и как-нибудь пройти мимо, чтобы с ними не ссориться, так что даже на дворнягу, продолжающую лаять, он старается не обращать внимания.

— Не мертвяк я, видишь? — Говорит Алеша. — Ну, я пойду, а то поздно....

— Да это ж ведьмин выродок! — Заговаривает второй лишь теперь, вытянувшись. — Ты чего тут забыл, а? Ух, как дам сейчас!

— Слышь? — Зовет тот же, второй, чуть помедлив. — А правду говорят, что ведьму ежели убить, то ее сила к тебе перейдет?

— Дурак! Он же не ведьма! — Отвечает первый.

— Ну так ведьмы же выродок, а? — Добавляет второй, и оба вдруг задумываются.

Алеша сразу отшатывается назад, но к мальчишкам снова начинает цепляться одна из девушек, та же самая, со звонким, но приятным голосом, пока вторая только стоит позади и не двигается.

— Ну пустите вы его. — Чуть ли не взмаливается девушка. — Самих еще отругают. Времени-то уже....

На этот раз, устав от приставаний девушки, тот, который здоровее, отталкивает ее локтем. Девушка отшатывается, застывает на месте и сразу притихает.

— Хочешь, — кивает ей рослый юноша, — иди. Чего пристала-то? Да только мы его просто так все равно не отпустим. А вдруг, какую заразу на деревню найдет, а? Чего тогда?

Алеша с трудом сдерживается. Гнев начинает прорываться откуда-то из глубины души, будто до сих пор был заперт или таился, ожидая своего часа. И все же пока его удается сдерживать, хотя все больше хочется поддаться.

Только Алешино молчание никак не помогает.

— Что? Небось, выродки, колдуете там у себя? Что ты, что девки эти, ведьмины дочки. Тфу!

И мальчик вскипает мгновенно.

— Заразу, говоришь, нашла? — Вдруг спрашивает Алеша не своим голосом. — Так ведь самая страшная из всех зараз к деревне уже все равно прицепилась.

Сразу же удается расслышать голос и второй девушки, обе они взволнованно ахают.

— А ну... ух! Чего городишь?! — Сердится здоровяк.

И Алеша даже наклоняется, желая выплюнуть ответ ему прямо в лицо.

— Дурачье! Вот она, зараза ваша, голова твоя дубовая!

Миг удовольствия, тишины и незнакомого, но приятного удовлетворения, но после мальчик резко напрягается. Здоровяк не торопится сразу же броситься, но явно не собирается удерживаться.

— Что, не понял? — Вырывается у Алеши, хотя он и сам начинает пугаться своей наглости. — А знаешь, почему? А я знаю. Потому что дурак — он и есть дурак, даже если с палкой.

Здоровяк начинает краснеть и дрожать от злобы, но в ночи даже его товарищу этого не

заметить.

— Ах ты... — Делает он шаг и уже поднимает над головой палку, начав замахиваться.

— Нет! Хватит! — Раздается звонкий голос, и девушка снова пытается остановить здоровяка.

А он толкает ее сильнее, чем в прошлый раз, не удерживаясь от злости, и девушка падает на землю.

— А ну... кому говорю.... — Сердится здоровяк.

И вдруг его перебивает Алеша.

— Давай, стукни ей посильнее. — Говорит мальчик спокойно.

И даже в темноте, если присмотреться, можно заметить, как девушка, сидя на земле, аж застыла, с удивлением таращась на Алешу. Здоровяк тоже удивляется сильнее прежнего и поворачивает голову, но сказать ничего не успевает, а Алеша продолжает мысль.

— На такое, небось, даже у мельника духу не хватило б?

Деревенский мальчик окончательно теряет сдержанность. На девушку он больше не обращает внимания, палку бросает на землю и медленно засучивает рукава.

— Ну все, ты доплясался. — Бормочет он негромко. — Ну я тебе сейчас....

А пока он собирается, со стороны деревни начинается шум, и быстро становится ясно, что сюда направляются и другие, с факелами, видно, привлеченные испуганным криком девушки.

— Аа, тьфу! — Сердится здоровяк. — Погляди, чего сделала!

Алеша больше не мешкает и начинает обходить деревенских стороной, желая пройти мимо и скорее убежать к дому, но второй, тот, что меньше, делает шаг и выставляет палку.

— Э-э! А ну, стоять! Куда собрался?

— О, так вы оба бестолочи? — Спокойно отвечает Алеша.

Он даже сам удивляется своей грубости и тому, как запросто отыскиваются слова, могущие обидеть, но сейчас даже рад, что у него это так просто выходит и с удовольствием готов еще и добавить что-нибудь, чтобы эти двое непременно запомнили.

Только время уходит, а если они задержат еще, деревенские, из старших, кто уже торопится на шум, наверняка и сами не дадут просто так уйти, и Алеша пытается успокоиться.

— Ну, ладно, я пойду. — Говорит он. — Скажите, что мертвяка погнали, вас, небось, еще и похвалят, а так....

Он не договаривает, пытается обойти со стороны, но здоровяк перегораживает путь.

— Ну все, достал ты меня! — Грозит он кулаком, хотя ближе не подходит и лишь не дает пройти. — А ну стой на месте, ежели не хочешь, чтобы все зубы тебе выбил! Сейчас, придут мужики, вот им и рассказывай, чего ты воротил у ведьминского дерева, понял? Все вы, отродье ведьмовское, что крысы, лучше бы вас вообще не было, ни тебя, ни сестер твоих, змей подкожных! Чтоб вы все вслед за своей проклятой мамкой издохли!

Алеша даже не задумывается. Ярость разжигает в груди пламя, мысли исчезают, а тело вдруг становится легче и кулак сам сжимается, просясь на лицо деревенского выскочки.

Алеша напрягается, выпячивает грудь и рывком бросается вперед, не раздумывая, можно ли надеяться на победу, а лишь подчиняясь внезапно охватившему порыву. А здоровяк оказывается проворным, ныряет вперед, успевает схватить Алешу и тут же повалить на землю, накрыв собой.

Мальчик даже не сразу понимает, что произошло. Упав на спину, он чувствует тяжелый

вес чужого тела. А звуки шума и свет факелов все ближе, и Алеша окончательно поддается гневу, корчит яростную гримасу и готовится бить.

Алеша начинает кричать и рычать, пытаясь как-нибудь вырваться. И все меньше он задумывается над тем, что делать и как двигаться, все больше отдается рожденным в мгновении импульсам, пока не начинает корчить лицо так сильно, что из-за темноты в нем становится не различить человека.

Даже здоровяк пугается, хотя, отодвинуться не успевает, а вскоре уже чувствует, как мальчик вцепился зубами в плечо и не отпускает, будто хочет разорвать мясо до самых костей.

— Ай! Да ты чего, больно же... Ай! — Вскрикивает здоровяк, но начинает чувствовать боль, с которой еще не знаком, сильную, пронзительную, и потому не сдерживает криков.

Остальные замирают, когда здоровяк начинает орать. Со стороны деревни, откуда торопливо движется несколько человек с факелами, начинают доноситься крики. Лает трусливая дворняжка, прячась за спинами девушек. А рослый юноша и сам уже начинает боязливо пятиться, желая только, чтобы вцепившийся в него зубами Алеша, наконец, отстал. Но тот не отпускает, вгрызаясь сильнее, хрипя и глядя так яростно, что от взгляда на него становится жутко, пусть даже лицо в темноте почти не видно.

Палка так и остается валяться на земле. Здоровяк брыкается неуклюже, все больше выглядит испуганным, все громче кричит, да и пугается все сильнее, глядя, как покорежив свое лицо, мальчик все глубже прогрызает рану в его плече и яростно хрипит.

Деревенский мальчик начинает колотить Алешу свободной рукой, старается бить в голову, но Алеша словно ничего не чувствует, даже не закрывается от ударов и продолжает вгрызаться. Впрочем, удачный момент для побега он не упускает. Здоровяк как раз пытается уже вырваться сам и теперь, стоит надеяться, уже не будет останавливать, так что Алеша разжимает челюсть, вскакивает и бросается удирать.

Остановить его никто не только не успевает, но даже и не пытается. Второй, который с палкой, бросается к здоровяку, лишь проводив взглядом, а девушки, стоявшие позади, испуганно жмутся друг к другу и только смотрят на проскользнувшего мимо Алешу. Только после, когда уже мальчик отбегает шагов на пять, за ним следом бросается маленькая, визгливая собачка.

— Жучка! — Кричит девушка со звонким голосом, который Алеша уже успевает запомнить. — Жучка, а ну стой! Назад!

Собака яростно тявкает, неудержимо рвется вперед, разбрызгивая слюни, а впрочем, когда почти догоняет Алешу, то останавливается, опасно дернувшись у пятки, лает еще немного, а после с гордым видом бежит к хозяйке, которую уже обступили деревенские.

Алеша за происходящим не следит. Не успевает он добежать до деревьев, среди которых к реке плетется узкая тропа, как начинает чувствовать жуткую боль. Правда, раны ноют не так сильно, как тогда, в лесу, так что терпеть легко, но все равно неприятно.

Все могло бы быть гораздо хуже, думается Алеше, так что он вздыхает спокойнее, давая сердцу немного утихнуть, осторожно щупает цветок за пазухой, и снова вздыхает, но уже с облегчением. После чего, мальчик немедленно отправляется к дому.

Больше на пути ему не попадается никаких трудностей. Да и мальчик все больше радуется тому, что сумел выполнить поручение старика, он предвкушает похвалу или награду, и даже особенно не задумывается над этим, но чувствует хоть немного радости, в последнее время так редко щекотавшей ласковым чувством его сердце.

Так что в дом Алеша влетает с улыбкой, тут же взглядом отыскивает старика и готовится вытащить из-за пазухи найденный цветок. Но заметив волшебника, склонившегося над колдуньей у печи, мальчик застывает, не спеша ничего предпринять.

Старик аккуратно, не торопясь, не поворачиваясь к Алеше, укрывает женщину покрывалом, разворачивается, идет к соломенной кровати, садится на угол, и только тогда взглядывает на мальчика, хотя не мог не слышать хриплый скрип двери.

— Только не шуми. — Заговаривает старик.

Жестом он подзывает Алешу, а сам достает из-за спины тарелку с парой жареных кроликов, стоящую прямо на кровати. Тарелку он протягивает мальчику, хлопает ладонью по кровати, и мальчик садится рядом.

Алеша первым делом протягивает старику цветок, а уже потом берет в руки тарелку с кроличьим мясом. Он тоже молчит, ничего не говорит, отдает растение, а сам принимается есть, не пытаясь скрывать удовольствие. Даже раны ненадолго перестают ныть, боль отступает, а голод просыпается от запаха и вида жареного мяса, успевшего остыть, но не стать холодным.

— Значит, ты все же его нашел. — Рассматривает волшебник цветок.

Что мальчика только удивляет.

— А ты разве не за этим посылал? — Изумляется Алеша, хотя выглядит слегка сердито, будто уже что-то подозревает.

Старик усмехается.

— Я и не думал, что ты так просто его отыщешь. — Говорит он. — Всего за день.

Алеша сразу начинает выглядеть спокойней.

— Видать, — шмыгает он, — свезло.

Мальчик начинает улыбаться, оттирает нос рукавом и сразу возвращается к трапезе, сильно проголодавшись за день. А старик, просидев еще немного рядом с задумчивым видом, хлопает Алешу ладонью по плечу и встает.

— Как знать. — Говорит волшебник серьезным тоном, когда Алеша уже и забывает, о чем был разговор. — Ты ложись, как доешь, отдыхай. Вид у тебя уставший.

Мальчик тут же опускает глаза, но старик не приглядывается, а его хмурый вид тут же бросается в глаза.

— Тебе главное сейчас силы восстановить. — Говорит старик, оборачивается и вдруг начинает улыбаться. — А я научу кое-чему, как только раны твои затянутся.

Мальчик сразу же оживляется, наскоро проглатывая не разжеванный кусок мяса.

— Да я уж....

— Но только учти, — сразу перебивает волшебник, — я лжецов на дух не переношу.

Он поворачивает голову и смотрит таким холодным и серьезным взглядом, что Алеша не решается спорить, только хмурится слегка и опускает взгляд. А старик продолжает.

— Да и не я один. — Говорит он, взглянув на спящую колдунью и снова обернувшись. — Так что прежде чем врать, подумай хорошо. Даже если твоя ложь безобидна, никто из нас все равно ее не потерпит.

Алеша тоже начинает хмуриться, глядя, как старик неторопливо усаживается рядом на кровать.

— А ты не очень терпеливый, я гляжу? — Улыбается волшебник, хотя на его лице остается тень неприятного чувства, какое-то недовольство, которое начинает разъедать мысли Алеши.

Мальчик ничего не отвечает, не знает, как расценить услышанное, отводит глаза и продолжает есть.

— Но я понимаю. — Оборачивается волшебник к колдунье, застыв на ней ненадолго взглядом. — Я уже привык к такой нетерпеливости.

Пауза виснет совсем ненадолго, лишь на несколько мгновений, нужных мальчику, чтобы понять сказанное. Затем Алеша сразу поднимает голову и смотреть начинает уже с обидой.

— Только вот этого вот не надо. — Говорит мальчик громче.

Старик поворачивает голову, как только замечает, что веки колдуньи вздрогнули, и больше он к женщине не оборачивается.

— Чего не надо?

Алеша хмурится.

— Не такие уж мы с ней похожие.

Кажется, со стороны печи доносится какой-то хрип, но старик даже не оборачивается и продолжает смотреть на мальчика с прежней, спокойной улыбкой и добродушным выражением, а сам Алеша ничего не замечает.

— Неужели? — Говорит волшебник. — Ну, тогда даже лучше. Она бы на твоём месте точно не смогла бы дотерпеть. А ты, значит, сможешь?

— А чего? Если надо, то я умею.

Старик усмехается.

— Дстойная награда любит терпеливого. — Улыбается старик. — Травы все готовы, но больше всего работы должно исполнить время, так что нам лишь ждать и остается.

Мальчик не бросается скакать от радости, но становится заметно спокойнее. Он задумывается о чём-то, медленно доедает ужин, и старик, посидев рядом ещё немного, убирает цветок в рукав, а сам встает, осторожно хлопнув мальчика по плечу.

Алеша корчится.

— Что, болит? — Хмурится старик. — Ладно, отдохни. Завтра снова мазь приготовлю но пару дней нужно будет потерпеть. Ты ведь умеешь, если надо?

Старик начинает ухмыляться, но мальчика это не особенно радует, и волшебник тут же заканчивает разговор.

— Ложись. — Говорит он, идя к печи. — Торопиться нам все равно некуда.

И мальчик, вздохнув, идет ставить тарелку на стол, а затем возвращается на кровать, укладывается и долго ещё лежит, успокаивая встревоженный ум.

Уже скоро он засыпает. А вот старик ложиться обратно уже не собирается. Проспав весь день, теперь, ночью, он принимается за работу.

Стараясь шуметь по возможности меньше, волшебник разжигает в печи костер, оставив ее открытой, а сам садится рядом на табурет, предварительно расставив вокруг стопку с пестиком, пару кувшинов с водой, корзинку с травами и несколько кастрюль, на которых не нашлось дыр и щелей.

С треском в печи разгораются сухие бревна, на стенах пляшут задорные тени, а со стороны двери и одной из стен пробивается холодный сквозняк, который скользит по коже, но разбудить Алешу не может. Мальчик, укутавшись в дырявое, старое и пыльное, но теплое покрывало, сладко спит, наконец, оставив дневные заботы.

Всю ночь до утра на стенах пляшут тени от костра из открытой печи, потрескивают бревна, и пестик со скрежетом трется о ступку, растирая в кашу и смешивая разнообразные

травы и цветы. Когда Алеша просыпается, старик все еще сидит у печи и как раз забрасывает в ослабевшее пламя несколько свежих бревен, после чего садится дальше растирать в ступке кашу из трав.

Сквозь щели в двери уже начинает просачиваться бодрый, утренний свет, хотя в доме еще остается темно. Застоявшийся ночной запах не тревожит нос, но свежесть, проскальзывающая мимо со сквозняком, манит подняться и впустить в дом холодный, бодрящий аромат наступившего утра.

Открыв глаза, Алеша быстро теряет сон. Свежее дыхание утра, просочившееся в дом, отбивает желание валяться на жесткой кровати, и мальчик, предвкушая узнать, какая отплата ждет его за вчерашние труды, идет к старику искать ответы.

— Может... это, может, надо чего? — Говорит он слегка неуверенно. — Так я помогу, ежели нужно что.

Старик даже не поворачивает голову.

— Лучше проследи за тем, чтобы раны затянулись.

Алеша недовольно хмурится. Вчерашняя злоба, кипевшая в сердце, за ночь не успевает рассеяться и оставляет в уме благодатную почву для недовольства.

— Да уже здоров я. Вон, — отвечает мальчик, — все почти уже зажило. Может, я пока какие-нибудь травы бы собрал? Или зелье какое-то сделал? Я умею.

Волшебник остается непреклонен, оборачивается и глядит серьезно, одним взглядом заставляя мальчика чувствовать себя неудобно.

— Неужели твое терпение, мальчик, закончилось так скоро? — Спрашивает волшебник. — А ты говоришь, вы с ней не похожи.

И Алеша тут же вскипает, краснеет, но сдерживается и только сердито фыркает.

— И ничего у меня не кончилось. — Говорит он, немного успокоив мысли. — Помочь я хотел.

Старик коротко усмехается.

— Сейчас тебе нужно позаботиться о себе, — отвечает волшебник спокойно, — этим ты уже поможешь, а когда я закончу, тебе все равно еще нужно будет потрудиться, чтобы получить награду.

Алеша ничего не говорит, стоит на месте и ждет. И так бы он мог простоять еще долго, пытаясь выдумать, как бы все же подступиться к старику и расспросить его обо всем подробнее, если бы не тихое рычание опустевшего желудка.

Голод в последнее время приходит всегда неожиданно и внезапно. Прежде мальчику не приходилось готовить, только помогать сестрам с едой, выполнять мелкие поручения, таскать воду или чистить, на худой конец, картошку. А теперь как-то все сразу навалилось, и дел много, и что делать понять не так просто.

— Я, тогда, это, поищу, чего поесть и....

— Лучше отдохни. — Останавливает волшебник. — Выйди на улицу, разомни немного тело, походи вокруг дома, к реке сходи, умойся, а потом назад, в кровать.

Алеша тут же вскипает.

— Да чего мне, до конца дней теперь лежать? — Начинает мальчик распаляться, но в быстро заглушает чувства. — Да и зажило все почти. Вон, сам погляди.

Он оттягивает воротник, но старик даже не поворачивается.

— Ну, как хочешь. — Пожимает волшебник плечами.

Старик продолжает толочь что-то в ступке, и кажется, что даже улыбается. Так что

Алеша фыркает от бессилия, одергивает воротник и надувает щеки, готовясь выйти на улицу, но тут же оборачивается к волшебнику.

— А чего с завтраком делать? — Говорит он. — Надо же чего-нибудь есть?

Старик в ответ довольно ухмыляется.

— Об этом не беспокойся. — Говорит он, но ничего не объясняет.

Из-за этого Алеша уже начинает думать, что старик намеренно его дразнит. Недовольный и сердитый, мальчик выбирается на улицу, проходится вокруг дома, успокаивается, вздыхает и решает отправиться к реке, так, как велел старик. В это же время колдунья поднимается на печи и уставляется на волшебника. Она молчит, хитро и сердито щурясь, но быстро устает ждать, когда старик ее заметит и заговаривает сама.

— Ну и? — Спрашивает она, удерживая недовольство.

Старик лишь переспрашивает то же самое.

— Не беспокоиться? — Поясняет Айва. — И почему это ему не нужно беспокоиться? Только не говори, что задумал меня отправить.

Старик ухмыляется.

— Не отправить, — говорит он, — а попросить.

— Превосходно. — Бурчит колдунья. — Но, раз уж ты просишь, то я отказываюсь.

И тут же она уваливается обратно на печь. А волшебник спокойно вздыхает и начинает уговоры.

— Алеше сейчас лучше не тревожить раны. — Говорит он.

Колдунью такой ответ не устраивает, и даже, кажется, наоборот, эти слова лишь больше заставляют ее рассердиться.

— Да и плевать.

— Я тоже без печатей ничего почти не могу.

На что в ответ колдунья усмехается, поднимает голову и взглядывает на старика, хотя и ничего не говорит, но стоит волшебнику помолчать всего несколько мгновений, как Айва сама уже начинает ворочаться на печи от нетерпения.

— Айва. — Зовет старик, и колдунья тут же снова поднимает голову.

— Я же говорила... — Начинает она, но волшебник тут же перебивает.

— Ты ведь знаешь, я не стал бы просто так тебя беспокоить. — Говорит он с мягким, но серьезным выражением, и колдунья не может заставить себя разозлиться, отводит глаза, вздыхает, но уже не собирается ругаться. — Помоги, только на тебя я и могу положиться.

Айва не отвечает. Опрокинувшись на печь, она лежит несколько мгновений, ворочаясь все сильнее. А потом сбрасывает покрывало так, что рассеивает по полу уже высохшие листья, а затем, встав с печи, ничего не говоря и только недовольно хмыкая, выходит на улицу, и старик, едва заметно улыбнувшись, продолжает толочь в ступке травы.

Алеша, задумавшись о чем-то, уже бредет от реки к дому, когда вдруг чуть не сталкивается с колдуньей. Лишь в последний миг он успевает остановиться, неуклюже отшатывается назад и сваливается на землю.

— Ха-ха! — Ухмыляется Айва, встав у мальчика на пути. — Не пугайся, я тебя не съем.

— Ничего я не испугался! — Огрызается мальчик, глядит сердито, но отводит глаза, успокаиваясь и встает.

Колдунья сразу теряет настроение. Поднимаясь, Алеша поворачивается к ней боком, и Айва замечает, как дрожат у него на спине вновь подросшие черные отростки, начинающие теперь походить на остроконечные хвосты.

— Ты разве не рад? — спрашивает она.

Колдунья глядит серьезно, изменяя своей привычке хитро ухмыляться, и Алеша ее взгляд замечает, недовольно фыркает, но теперь отвечает спокойней.

— А чего это?

— Чего? — Удивляется Айва. — Того, что жив остался, что свободен, что делать можешь, что хочешь. Ты, разве, не этого хотел?

Мальчик все еще сердится, прячет глаза, хмурится, но успокаивается, мысленно соглашаясь с колдуньей.

— А я, может, радуюсь. Просто в сердце.

Айва глядит серьезно, даже не улыбается. Алеша это замечает и даже замирает на миг, привыкнув к колдунье и ожидая от нее другой реакции. А она вдруг заговаривает серьезным тоном, сохраняя это выражение:

— Или ты уже передумал разбогатеть и хоромы себе отстроить?

Мальчик сразу выпучивает глаза, будто ему отдавили мозоль.

— А вот и нет! — Распаляется он. — Вот наварю зелий, вот тогда и увидишь!

— Тогда не вешай нос. — С тем же серьезным выражением отвечает колдунья, обходя мальчика стороной, но вдруг посмеивается. — Хотя с твоим-то носом, тебе это не грозит! Ха-ха!

И, как ни странно, Айве удается поднять Алеше настроение. Он быстро оттаивает, забывает сердиться и как раз вспоминает, зачем столько всего перетерпел. Теперь все совсем не так, совсем не как раньше, и мальчик едва может успокоить мысли, но призрачное желание добиться своего в его душе не растворяется и продолжает согреть грудь. И Алеша, вздохнув, забывает раздумья и отправляется к дому, чтобы опять помогать старику и узнать, что готовит мальчику новый день.

Глава 9 — Беспощадный ветер

Просыпается Айва как всегда медленно. Не открывая глаза, она сладко потягивается, упирается в стену, руками утыкается в печь, но все равно находит способ вытянуть спину. Глаза она тоже открывать не торопится. Выглядывает из сна через сплюснутые веки и замирает, вдруг замечая Алешу.

Мальчик еще не замечает, что Айва проснулась, стыдливо поглядывает в ее сторону, но не может понять, что колдунья уже не спит, а та, заметив его взгляд, укладывается на бок, выставляет бедро и ворочает ногами, так что подол начинает подниматься выше.

Алеша не может отвести глаз. Колдунья, лежа на боку, спящая, с безмятежным от сна лицом, выглядит так соблазнительно, что в мальчике впервые пробуждается странное, незнакомое ему влечение. Сердце колотится все быстрее, во рту пересыхает, а колдунья ворочает ногами, задирая подол все выше, и, наконец, из-под черной ткани платья показываются красивые, белые коленки, от вида которых Алеша почему-то замирает, сам этого почти не сознавая.

Время застывает вместе с мальчиком. Даже сердце, кажется, перестает биться, но взгляд оживает и ползет вверх. Изгиб бедра впервые кажется таким плавным, большим и таким соблазнительным, но линии ведут все дальше, утягивая взгляд мальчика вверх, к пышной, выпирающей груди.

Алеша выпучивает глаза, а на его лице вдруг появляется странное выражение. Нахальное, подлое, какая-то отвратительная, жадная ухмылка, заметив которую, Айва тут же нахмурирует брови.

Взгляд мальчика замечает это почти неуловимое движение. Алеша тут же проводит взглядом дальше и вдруг сталкивается с взглядом колдуньи. Айва лежит, открыв глаза, глядя на мальчишку с легким, недовольным прищуром.

— А... э... — Только и находится мальчишка.

Он тут же пытается отвернуться, но делает это так поспешно и неуклюже, что чуть не падает. Колдунья, глядя на его нелепые попытки выпутаться из неловкой ситуации, рассмеивается все громче, заставляя мальчика краснеть и становиться лишь еще более неуклюжим, пока, наконец, Алеша, раскрасневшись окончательно, не оборачивается с видом обиженного ребенка.

— А где старик? — Вдруг спрашивает колдунья.

И беседа так стремительно изменяет направление, что Алеша тут же теряется и уже забывает, на что он вообще обиделся.

— Э...я...э... —

— Так он тебе ничего не сказал? — Перебивает колдунья, поднимаясь с печи.

— Чего это сразу не сказал? — Оживает мальчик. — Вперед он пошел. Трав надобно еще собрать. А я помогать буду.

— Ну так иди, помогай. — Ухмыляется Айва. — Или ты себе занятие поинтереснее нашел?

Алеша снова начинает краснеть, но теперь уже кажется, что не от злости, а больше от стыда. А впрочем, он тут же выходит на улицу, а колдунья заваливается обратно на печь и тихо посмеивается, вспоминая удивленное лицо мальчишки. Однако тут же Айва нахмурируется, вспомнив и странное, неприятное выражение на лице Алеши за миг до того,

как колдунья открыла глаза.

Проснувшись, Айва отправляется следить за мальчишкой и стариком, но быстро устает наблюдать с ветвей за скучным копошением этих двоих в траве и кустарниках, и стоит недалеко от колдуньи прошмыгнуть маленькому, резвому зайчику, как она тут же его замечает и отправляется следом.

В погоне за зайчиком, Айва забирается глубоко в лес и на миг даже теряется в гуще, увлекшись погоней. Оглядываясь, она упускает зайца из виду, пока старается понять, как далеко ушла, как вдруг заяц, чего-то испугавшись, сам выскакивает из кустов прямо к колдунье.

— Попался! — Улыбается Айва.

Заяц тут же пытается скакнуть в ближайший куст, но ветер его подхватывает по взмаху колдуньи, поднимает в воздух и резко бросает в сторону, а ударившись об дерево, перестает дергаться, и на ветру медленно подлетает к Айве.

— Неужели думал от меня сбежать? — Говорит колдунья, подняв зайца за уши.

И тут же застывает, слыша голос.

— Ау. Кто здесь?

Айва замирает и присматривается. Вмиг она становится хмура и серьезна. Впереди трудно разглядеть что-нибудь через густые заросли осеннего леса, сухие кустарники и кучи сухостоя, но колдунья не призывает ветер и пока только ждет.

— Я слышала, что ты здесь! — Повторяет неуверенный, робкий девичий голос. — Выходи.

Еще миг Айва стоит, не двигаясь, но потом вздыхает, обретает свое привычное, беспечное выражение, устало вздыхает и спокойно выбирается из леса на звук голоса.

На тропе, идущей из деревни как раз рядом с полоской леса, куда забрела колдунья, стоит испуганная сельская девушка в сарафане и душегрейке, с платком на голове и торчащей из-под него тугой, длинной косой. В руках у девушки небольшая корзинка, накрытая платком, а на лице беспокойство, которое становится еще заметнее, когда девушка взглядывает на выбравшуюся из леса колдунью в черном платье с вырезом на груди.

— Ой! — Заслоняет девушка глаза ладонью, вмиг краснея и отворачиваясь.

Айва замечает, куда смотрит девушка, оглядывает собственную грудь и довольно ухмыляется, но сказать ничего не успевает. Уже в следующий миг девушка забывает о смущении, впустив в мысли страх.

— Ой! — Вздыхает она уже по-другому, с испугом. — Ведьма! Не трогай, не зло тебе чинить я пришла!

Айва недовольно вздыхает и качает головой.

— И с чего это ты взяла, что я ведьма? — Щурится она сердито. — Я что, по-твоему, похожа на уродливую старуху?

Девушка теряется.

— А... а вы, разве, не ведьма? — Спрашивает она, робея.

— Нет. Не ведьма.

Миг девушка просто таращится, медленно справляясь с испугом.

— Ох! Перепугалась я! Откуда ж мне знать-то? — Начинает она объясняться с улыбкой, постепенно избавляясь от страха. — Да и наряд, вон, до чего странный-то! Ох, не сердитесь, барыня, не видала я прежде таких одежд вот и... вот и спутала с перепугу.

Айва отмахивается и лишь теперь задумывается о том, что вообще могла забыть

деревенская девушка здесь, между самой деревней и Алешиним домиком.

— А ты что здесь делаешь? — Прищуривается она и даже не пытается скрывать подозрительность.

— Я? — Теряется девушка, начиная бегать по сторонам глазами.

У Айвы как раз находится время осмотреть незнакомку внимательней. На сарафане Айва тут же отыскивает взглядом пару заплаток, на платке торчит нитка, в душегрейке отыскивается дырка, и даже корзинка оказывается продырявлена.

— Да ничего особенного. — Пытается оправдаться девушка.

И хотя Айва сразу разгадывает эту попытку что-то скрыть, она решает ее проигнорировать.

— Ну идем, раз так. — Спокойно говорит Айва. — Я провожу.

— Ох, ну что вы, барыня! Я не....

— Никакая я не барыня. Зови меня... а тебя как, говоришь, саму-то зовут?

Девушка мнется, не спешит отвечать, но затем поддается, не видя иной возможности.

— Я? Меня... Аленушкой меня звать.

— Чего краснеешь-то? — Улыбается Айва. — О! А меня тоже Алена зовут!

— Неужто?

— Что, не веришь?

— Ну что вы, барыня! — Пугливо отговаривается девушка. — Верю! Верю!

Колдунья идет вперед, повернувшись в сторону Алешиного дома. Замявшись, за ней идет и Аленушка. Айва поначалу ничего не говорит, но затем останавливается, уже собирается раскрыть планы девушки, но вдруг замечает, как та печально смотрит на убитого зайца.

— Что? — Ухмыляется колдунья. — Только не говори, что жалко.

Аленушка поднимает глаза, замечает взгляд Айвы и сразу угадывает, о чем речь.

— Ох, ну... жалко, конечно. — Вздыхает она чувственно, без притворства. — Живой же, как не жалеть-то?

Айва покачивает головой, а затем разводит руками.

— Или он, или ты. Так уж мир устроен. Так чего жалеть?

Аленушка нахмуривается и подступает, сжимая на груди свободную руку.

— Знаю я, уж не маленькая. Да только все равно ведь жалко! — Говорит она пылко, что даже брови у переносицы изгибаются кверху. — Уж бабушка моя ослабела совсем, так мне приходится самой курочек забивать, чтобы прокормиться, супу приготовить... да я каждый раз чуть не плачу. Знаю, что надобно, но ведь жалко же все равно! Живые же!

Айва ненадолго даже замирает от удивления, но потом возвращает себе безразличное спокойствие, отмахивается и даже забывает, о чем сначала хотела сказать, вернее, отказывается от своей мысли и решает просто отвести девчонку к дому.

— Как знаешь. — Отвечает колдунья негромко. — На всех тварей все равно слез не хватит, но дело твое.

На миг застыв, девушка отправляется следом и дальше идет молча, ничего не говорит, только раздумывает о чем-то, идет позади, не торопясь поравняться. Так Аленушка следует за колдуньей до маленького, разваленного домика, лишь там понимая, что Айва привела девушку ровно туда, куда она и направлялась.

— А вы, разве тоже... здесь живете?

— Что значит «тоже»? — Оборачивается Айва, открывая дверь.

Аленушка теряется, но старается держать себя в руках.

— Это ведь здесь мальчик живет, сын травницы? Я думала.... — Вдруг, Аленушка изменяется в лице. — Так вы одна из его сестер? Ох, а я уж испугалась!

Айва не отвечает.

— Заходи. — Говорит она коротко. — Будь как дома.

Аленушка проходит внутрь, оглядывается и начинает вести себя немного смелее. Она усаживается на табурет рядом с входом, а корзинку отставляет на стол.

— А я братцу вашему как раз угощение принесла. — Сообщает Аленушка, поглядывая на корзинку.

— Угощение? — Оборачивается колдунья.

— Вы уж не сердчайте, — с жалостливым видом объясняет Аленушка, — не со зла они, просто думали, что мертвеца увидели. Как никак, дерево-то ведьмино. Перепугались, ну и.... А братец-то ваш как? Все с ним хорошо? Не сердится? Ох, так нехорошо получилось. Вот я и подумала, что... хоть так извиниться.

Айва кладет зайца к печи, решив освежевать позже, а сама подсаживается к гостю.

— Ну теперь рассказывай, что произошло. — Говорит она.

И Аленушка тут же меняется в лице.

— А братец, разве, вам ничего не сказал? Ох, нехорошо-то как вышло.

Она тут же вскакивает и глядит жалобно, обе руки сложив на груди.

— Они его бить не хотели! Напугали только, да и то, не со зла! Сами, небось, перепугались.

Айва щурится, скрещивает руки на груди и только вздыхает.

— Да вы не сердчайте на нас! — Подступает Аленушка ближе. — Мальчишки же, чего им? Сегодня подрались, а завтра уж побратались! Они ж всегда такие у нас.

Айва не отвечает, медлит, вздыхает, ждет чего-то, а затем жестом велит Аленушке сесть, и та сразу повинуется, беспokoйно вглядываясь в лицо колдуньи.

— Мне дела до ваших разборок никакого нет. — Заговаривает Айва. — Если хочешь, можешь дождаться мальчишку, только я сама не знаю, когда он вернется, может, и после темна уже придет.

— Вот как?

— Только нет у Алешки никаких сестер.

Девушка замирает, еще ничего не узнав, а уже чувствуя жалость.

— Похоронил он их недавно. — Продолжает колдунья. — А я... я тут у него в гостях со своим... с дедом своим. Так что можешь оставить свое угощение, я Алеше передам. Не съем, не бойся.

— Ох, да как же это так-то?! — Вскрикивает Аленушка, тут же снова подступая к колдунье. — Как же это... ох! А они ж про сестер... а Алеша... ой! Нехорошо-то как!

— Ну все, хватит. — Останавливает колдунья, явно без удовольствия выслушивая причитания девушки. — Домой сама доберешься? Вот и хорошо. А я спать. Угощения твои я мальчишке передам. Извинения тоже. Вот только при мне тут не надо причитать.

Аленушка молчит, хмурится и глаз не отводит, а колдунья спокойно отправляется на печь, укладываясь и отворачивается лицом к стене.

— Да, — поворачивает Айва голову, — и в деревне про меня ничего не говори. Если ты меня за ведьму приняла, то и остальные так же решат. А как поступают с ведьмами, знаешь?

Девушка не отвечает, только хмурится.

— Вот именно. — Продолжает колдунья и вдруг делает жалобный вид. — А я же обычная, слабая женщина. Как мне защититься? И у Алеши тогда никого не останется. Как же тогда быть?

Девушка оглядывает странные одеяния колдуньи, и Айва снова резко меняется в лице.

— Что, не веришь? Неужели и правда думаешь, что я ведьма?

— Что вы! — Оживляется Аленушка. — Да сказки все это! Кто ж в такое-то поверит?!

— Ну так ты сама при встрече....

— Да то от испуга — и только! — Сразу же оправдывается Аленушка. — Да будь вы ведьмой, разве же ушла бы я живой? Да разве Алешка жив бы остался?

— Вот именно. — Одобрительно кивает Айва и снова отворачивается к стене. — Так что не болтай лишнего.

Аленушка замирает, но потом с готовностью подступает и отвечает еще более чувственным, проникновенным голосом.

— Понимаю! Я не скажу! Только передайте Алеше, чтобы зла не держал!

— Ладно. — Отмахивается Айва. — Иди уже.

И Аленушка, едва сдерживая порывы, медлит, но потом выкладывает все из корзинки на стол, а сама уходит, коротко простившись.

Дом пустует до самой темноты, и только Айва здесь всю оставшуюся часть дня ворочается на печи от скуки. Когда возвращается старик, колдунья тут же на него оглядывается и замечает в руках волшебника небольшую глиняную фигурку, после чего тут же изменяется в лице и становится хмурой и серьезной.

— Где мальчишка? — Тут же спрашивает она.

Старик поворачивается, задерживает на колдунье взгляд, пододвигает к столу табурет, садится и, достав из рукава небольшую, ровную палочку, начинает ковыряться в глиняной фигурке.

— Собирает за домом травы. — Тихим голосом отвечает старик. — Ему полезно немного побыть одному, ведь он только что узнал о своем проклятии и....

Айва тут же вскакивает с печи.

— Ты ему рассказал?! — спрашивает колдунья сердитым тоном.

Не удерживаясь, она сжимает кулак, выставляет перед собой, не сводя глаз с волшебника, а следом, рядом с ее кулаком вдруг появляется заметное облачко белого пара, тут же рассеивается волной, а кулак ударяет в печную трубу с такой силой, что Айва от боли зажмуривается на миг.

Тут же колдунья подходит к старику, вернув сердитое выражение.

— Ты что делаешь, старый дурак?! — Злится Айва.

Она замолкает, вспомнив про мальчика, и оборачивается к двери, а старик, коротко взглянув в сторону Айвы, спокойно продолжает говорить, собираясь закончить мысль, которую перебила колдунья.

— ...и сейчас, — продолжает волшебник тихим голосом, — ему нужно как следует подумать над тем, согласен ли он попытаться стать мастером проклятий.

Айва замирает и медленно изменяется в лице, поднимает кулак, зажмуривается на миг и уже собирается заговорить, как старик ее перебивает.

— Только помни, что мальчик легко нас услышит, если ты будешь так кричать.

Айва через силу удерживается от гнева и склоняется над волшебником, но сказать опять ничего не успевает.

— Так значит, он тебе все же не безразличен. — Тихо говорит старик, продолжая ковыряться палочкой в глиняном слепке. — Ты все еще недостаточно хорошо скрываешь эмоции.

— Как будто я пытаюсь! — Отвечает колдунья резким тоном. — Он не сможет подчинить свое проклятие, и ты сам это знаешь!

— Верно. — Хмурится старик, продолжая говорить тихим, размеренным голосом. — Только иного способа ему помочь у нас не осталось.

Только эти слова заставляют Айву успокоиться и перевести дыхание.

— Это еще почему? — Спрашивает она с недовольством, но уже тише.

— Мальчишка..., - начинает старик и вдруг тяжело вздыхает, — ты же заметила, что он стал меняться, верно?

Айва не отвечает, но старик знает, что угадал мысли колдуньи.

— Проклятие все больше проявляется в мальчике. — Продолжает он говорить. — Оно не только растет на его спине, пуская в мир свои черные корни, но и укрепляется в душе мальчишки, заставляя его изменяться, становиться злее.

— Это еще не....

— И сегодня, — сразу перебивает старик, — оно на миг овладело его умом. Мальчишка желал знать, для чего мы собираем травы, а я не говорил, и тогда он поднял с земли камень, замахнулся и стал кричать, требуя, чтобы я все рассказал.

Внезапно в лице Айвы проявляется удивление и одновременно с тем беспокойство, она перестает сердиться, подставляет к старику табурет и садится рядом, заглядывая в его глаза. Миг она смотрит чувственно и мягко, но затем отводит взгляд и пытается изобразить ухмылку, которая сейчас выходит совершенно не такой, как обычно.

— Надеюсь, он попал тебе по голове. — Говорит она. — Тебе все равно не навредит, а твоему самолюбию это как раз бы пошло на пользу.

Старик вздыхает и отставляет поделку из глины на стол, а затем оборачивается на табурете к колдунье. С обычным, спокойным, ничего не выражающим лицом он берет Айву за кисть и подтягивает руку, которой она ударила по печи, чтобы осмотреть.

— Он не стал бросать камень. — Продолжает старик рассказывать, осторожно рассматривая ладонь колдуньи. — Миг покричал, а затем сам себя испугался, выронил камень и хотел убежать.

Старик замолкает, встает и отходит к соломенной кровати. Айва следит за ним, ни на миг не отвлекаясь, ждет услышать, что было дальше, но волшебник не торопится, достает из-за кровати спрятанный за блоком соломы дырявый котелок, выгребает остатки густой мази, возвращается назад и всю мазь осторожно растирает по ушибу на руке колдуньи.

У Айвы заканчивается терпение, и она приподнимается с табурета, хотя и не встает.

— И?!

— В какой-то миг он понял, что собою не управляет. Это было заметно во взгляде мальчика. Он растерялся, выронил камень и смотрел на меня с таким лицом, будто уже меня ударил и только потом это осознал. — Продолжает старик говорить спокойным, тихим голосом.

Он неторопливо втирает мазь в руку колдуньи и молчит до тех пор, пока не заканчивает. Лишь после волшебник отпускает ладонь Айвы, поднимает глаза и всматривается в ее беспокойное выражение.

— Ты ведь понимаешь, чего он испугался? Его напугал не поступок, а желания, которые

овладевают мальчиком против его воли.

Айва миг не двигается, затем медленно опускается на табурет, но сразу встает и скрещивает руки на груди.

— Он не справится. — Говорит колдунья уже спокойней.

— Давно ты не показывала своего беспокойства.

— Да плевала я на мальчишку! — Тут же склоняется Айва над волшебником. — Ты знаешь и сам, что его жизнь и гроша ломаного не стоит!

Она успокаивается, выпрямляется, но сохраняет на лице недовольство, хмурится и говорит все еще сердито.

— Мальчишка не выдержит. — Продолжает Айва. — И ты вот так запросто готов превратить его в чудовище? Он только зря будет мучиться, пока, наконец, проклятие его не поглотит окончательно, а тогда....

— А тогда мы просто сделаем нашу работу и отправимся дальше. — Перебивает старик.

Голос волшебника резко изменяется. Он говорит холодным, тихим, безразличным тоном, и Айва даже застывает на миг, вдруг растеряв весь пыл своего переменчивого нрава.

Старик поднимается с табурета, захватив поделку из глины, встает перед колдуньей и всматривается ей в глаза, но даже так Айва не находит, что сказать и только сжимает руку.

— Это решено, и ты знаешь, что иначе ничего не выйдет, проклятие уже слишком окрепло.

Вдруг, Айва, вспоминая последние дни, начинает водить глазами из стороны в сторону.

— Постой, травы, что ты заставил мальчишку собирать....

— Да, они нужны для амулета, чтобы запечатать в нем силу проклятия.

Колдунья широко открывает глаза и встает перед стариком, не давая ему пройти.

— И ты сразу это задумал? Еще когда послал его искать этот цветок, ты уже собирался отдать его проклятью?

Старик вздыхает, осторожно подвигает колдунью, едва коснувшись ее локтем, и проходит к кровати. Айва не отстает, следует за ним и ни на миг не отводит от старика глаза.

— Я не мог знать, что все будет именно так. — Вздыхает он, снова начав ковыряться в глиняном слепке. — Но отказаться от этой мысли мы смогли бы в любой миг, а вот на то, чтобы приготовить амулет нужно время. Так что хватит перечить, Айва, сейчас для этого не время.

Айва в ответ лишь корчится, но сказать ничего не может. Наконец, она отворачивается, но старик не дает разговору окончиться на этом.

— И, кстати, — продолжает волшебник, — где ты это взяла?

Айва оборачивается с легкой растерянностью на лице, замечает направление взгляда старика, поворачивает голову и видит сложенные на столе горкой пирожки.

— Неужели тебе нужно объяснять, — не дожидается он ответа, — почему нам не стоит привлекать внимание людей?

В лице Айвы немедленно проявляется недовольство. Прищурившись, она сверлит взглядом старика и из гордости не спешит оправдаться.

— Ты что себе навдумывал? — Говорит она сердито.

— Только не говори, что ты сама их приготовила. — Отзывается старик. — У тебя не хватает терпения даже на то, чтобы просто зажарить мясо на огне. Ты стащила из деревни еду и думаешь....

— Ах ты, старый невежда! — Яростно хрипит Айва.

Старик тут же замолкает. Он смотрит удивленно, вдруг осознав, что где-то просчитался, но еще не зная где, а теперь вынужденный принять все недовольство разъяренной колдуньи.

— Как ты смеешь равнять меня с какой-нибудь воровкой! — Распалается Айва все сильнее. — Даже не думай, что спустя все годы ты научился читать мои мысли, старый болван! Эту еду я не крада, чертов недоумок! Ее принесла девка из местных, чтобы вину за....

— Хватит! — Встает старик, оставив свою глиняную поделку.

— Не затыкай мне рот!

— Хватит, Айва! Оглянись!

Колдунья даже в пылу ссоры ни мгновения не задумывается о том, чтобы противиться и капризничать, и как только волшебник требует повернуться, она тут же оборачивает голову.

В проходе стоит Алеша. Выпучив глаза, он с недоумением следит за разгоревшейся ссорой, превращаясь в кусок льда, охлаждающий жар чувственного пламени.

Еще старик и колдунья не успевают ничего сказать, как мальчик с печалью опускает глаза.

— Это все... из-за меня?

Айва от недоумения даже застывает на несколько мгновений.

— Нет, Алеша. — Успевает сказать волшебник.

Мальчик поднимает глаза, но видит отвращение на лице колдуньи и сам замирает.

— Да как ты вообще до этого додумался, недоучка деревенская? — Бросает ему Айва, а сама размашистым шагом подходит к двери, оттолкнув мальчика в сторону, а сама на ходу заговаривает со стариком. — Сам ему объясняй, кто и зачем это принес!

Колдунья выходит, хлопнув дверью, а старик остается с Алешей наедине. Мальчик сразу обращается к волшебнику удивленным, ошарашенным взглядом, но ничего не спрашивает и только ждет, а старик, вздохнув, молча подзывает его жестом и ведет к столу.

Волшебник подвигает мальчику табурет, придерживая Алешу за плечо, едва заметно улыбается и двигается так медленно и спокойно, что даже черные отростки на спине мальчика вдруг начинают шевелиться меньше, будто подражают старику.

— Скажи, Алеша, — заговаривает волшебник, сев напротив мальчика за угол стола, — у тебя друзья-то есть?

Мальчик не отвечает, миг смотрит, а потом начинает опускать грустнеющий взгляд, и старик, посмеиваясь, тут же хлопает его по плечу.

— Ну! Нечего тут расстраиваться! — Впервые говорит старик таким веселым голосом. — Это даже облегчает мне задачу.

Алеша поднимает глаза и с легким недоумением глядит на старика.

— Как это оно облегчает?

Старик встает и отходит к кровати, но лишь затем, чтобы взять свою поделку. Затем он возвращается, а Алеша уже за этот короткий миг успевает переключить внимание.

— А это ты чего делаешь?

— Посмотришь, когда закончу. — Улыбается старик, говоря чуть тише, затем отклоняется и продолжает обычным голосом. — Скажи, Алеша, а много ты знаешь людей из деревни?

Мальчик опускает взгляд, но уже не кажется особенно печальным.

— Да я и не знаю никого. — Отвечает Алеша, глядя в пол. — Ну вот, видал пару.

Мельник как-то давно-о-о захаживал, ну и....

— Говори, не бойся. — Смотрит волшебник добродушно. — Ругать я тебя не стану, я же тебе не дед.

И Алеша вдруг ощущает прилив сил, которым в нем отражается малознакомое чувство самостоятельной гордости. Он даже выпрямляет спину, поднимает глаза и начинает говорить иначе, чуть громче и увереннее, как отец, рассказывавший ему когда-то истории, принесенные с охоты.

— Ну я, значит, цветок когда искал этот вот, что как гриб, — объясняет мальчик, — то пошел аж до деревни. Там есть рядом дерево одно, ста-а-арое, ведьмовское, говорят, а оно сухое, как надобно, а там еще кусты под ним и тоже сухие! Ну и я, значит, цветок нашел, а когда шел обратно, как вдруг на меня вышли эти, деревенские....

Алеша ударяет ладошкой по столу, пучит глаза, но вдруг понимает, что рассказывать у него выходит совсем не так интересно, как рассказывал его отец. Тут же мальчик начинает смущаться и продолжает уже скромным, тихим голосом, отводя глаза в сторону.

— Ну и там... девки две и... и два козла. — Заканчивает он мысль со злобой.

Старик даже рассмеивается, удивляя мальчика. Конечно, Алеша не думал, что волшебник совсем никогда не смеется, но все же до сих пор этого не видел, так что мальчик и сам начинает улыбаться, слушая хриплый смех волшебника.

— Значит, — успокаивается старик, — приставали они к тебе?

Алеша виновато опускает глаза, чувствуя, будто бы нечаянно оскорбил тех, кто этого не заслужил.

— Ну... не все. Даже..., - вспоминая, что произошло там, у ведьмовского дерева, Алеша даже сейчас проникается добротой одной из девиц, и его голос меняется, вновь становится громче и увереннее, — одна заступалась даже! Ух, я б тому гаду дал! Он ее возьми, да локтем!

— Заступалась, говоришь? — Обрывает старик, видя, что мальчик все больше распаляется. — погоди.... Скажи, Алеша, а ты кого из деревенских хоть раз видел, кроме мельника?

— Да никого. — Отвечает мальчик, на миг замявшись. — Вот только этих, да мельника. Да и то, этих, вон, ночью, видал, а все равно не видел.

— Тогда, надо думать, очень она добрая, эта девица, что за тебя вступалась.

— Отчего ты взял? — Удивляется мальчик.

— С чего. — Поправляет старик. — А вот, взгляни, пирожки тебе разве не она принесла?

Алеша даже застывает.

— Да зачем ей? — Удивляется он еще сильнее.

— Чтобы загладить вину. — Улыбается старик. — Говорю же, добрая. Не много таких людей бывает.

Алеша, не удерживая изумления, даже поднимается с табурета.

— Да чего? Она же не делала ничего? Чего бы ей....

— Ты мне лучше вот что скажи, Алеша, — перебивает старик, — я все не могу понять, отчего дом твой так далеко от деревни стоит?

Алеша сразу грустнеет и отмахивается, хотя обычно говорит проще и в лоб и такими жестами, больше подходящими людям взрослым, почти никогда не пользуется. Этим он объясняет волшебнику больше, чем мог бы подумать, и волшебник продолжает задавать

вопросы.

— Удобно ли так далеко к мельнику за мукой ходить? — Говорит старик. — А, кстати, и муки, гляжу, у тебя ни мешка. Не в погребке же ты их держишь? Может, с тобой пойти, чтоб не так тяжело мешки было тащить?

— Да не надо мне ничего помогать. — Хмурится Алеша. — И к мельнику не ходим мы... то есть, я. Мы и не ходили никогда.

Мальчик сразу грустнеет, но волшебник не дает этому настроению застаиваться.

— Я знаю. — Вдруг говорит старик печальным голосом. — Я сразу понял, когда еще твоих сестер увидел. Они ведь прежде такими злыми не были, верно? Ты и сам нам тогда говорил, что сестры твои грубят только от болезни. Я это и так знаю. Проклятие всегда изменяет людей, делает злобными. А знаешь, чего оно не меняет? Памяти.

Алеша немного отвлекается от грустных мыслей и поднимает глаза.

— Они же ведь не бросались на тебя, верно? Разве что немного ругали, но быстро успокаивались, так?

Мальчик широко открывает глаза.

— А ты как узнал?

— Хех. — Посмеивается старик. — Да я и не знал, догадался и только. Сестры ведь с тебе заботились, а значит, дорог ты им был. А раз так, то никакое проклятие бы их не заставило тебе навредить, потому что ум все равно помнит эти чувства. Это на незнакомцев они бы готовы были накинуться. Тогда, помнишь, только они нас увидели, как сразу одна из твоих сестер кричала, что даже убьет.

Мальчик виновато опускает глаза.

— Ага.

— Да я знаю, это все из-за проклятия.

Ненадолго повисает тишина, но потом мальчик сам заговаривает.

— А со мной теперь... так же будет?

— Врать я тебе не буду, Алеша. — Тяжело вздыхает старик. — С тобой будет все иначе, у тебя есть возможность спастись, но и вытерпеть тебе придется столько, что ты еще сестрам позавидуешь.

Мальчик хмурится и молчит.

— Послушай внимательно, — продолжает волшебник, — выбор у тебя небольшой, и судьбе твоей не позавидуешь. Ты либо сгибнешь, как и твои сестры, либо сумеешь овладеть силой проклятия и станешь мастером, но для этого придется вытерпеть такие муки, с какими и не каждый взрослый может совладать.

Алеша, выслушав, долго молчит, таращится на старика, а потом спрашивает:

— Мастером?

Старик вздыхает.

— Скажи, что ты знаешь о магии?

— О магии? — Задумывается Алеша. — Это про волшебников, да?

— Не только. — Отвечает старик. — Волшебники, колдуны, ведьмы — все это мастера разных магических искусств, и все они — маги. Теперь понимаешь?

— Наверное. — Хмурится мальчик.

— Маги, — поясняет тогда старик, наклонившись ближе, — это те, кто владеет магией. Хотя, магами нас зовут люди, а сами мы зовем друг друга мастерами.

— Нас? — Оживляется Алеша. — А у тебя тоже магия есть?

— Есть. — Посмеивается волшебник. — Но не проси ее показать, не всякую магию можно просто так использовать. Колдуны легче могут творить заклинания, а вот мне нужно подготовиться.

Мальчик хмурится, пытаюсь уложить все в голове, и старик легко разгадывает его мысли.

— Не пытайся все запоминать, тебе сейчас важно другое....

Волшебник делает паузу, кладет руку на плечо Алеши, всматривается хмурым взглядом в его лицо, и мальчик напрягается.

— Ты должен решить, — говорит старик после долгой паузы, — готов ли ты пройти через все муки, чтобы стать одним из сильнейших мастеров? Я спрашиваю, потому, что даже те, кто десятилетиями готовятся, чтобы стать мастером проклятий, чаще заканчивают жизнь со слезами, умоляя, чтобы их убили.

Алеша застывает и не может пошевелиться. Старик его не торопит, застыв с хмурым видом, продолжая смотреть в испуганное лицо мальчика и ждать.

— А.... — Протягивает мальчик, но тут же замолкает и опускает глаза.

— Говори, не бойся.

— А иначе никак не получится, да? — Спрашивает Алеша, не поднимая глаз.

Старик опять вздыхает, убирает с плеча мальчика руку, отклоняется, нахмуривается и глядит даже серьезнее, чем обычно.

— Нет, иначе ты просто умрешь. — Прямо отвечает волшебник. — Избавить от проклятия мог бы только мастер духа. Люди еще зовут их целителями и часто путают с монахами. Впрочем, сейчас важно то, что найти мастера духа нам не удастся прежде, чем тобой овладеет проклятие, а значит остается лишь один выход.

Мальчик поднимает глаза.

— Подумай. — Встает с табурета волшебник. — У тебя еще есть время, пока я готовлю камень средоточения.

Алеша оживает и встает следом.

— А чего это? — Спрашивает он торопливо. — А мне чего же делать?

Старик останавливается, медлит, оглядывается и замечает на столе пирожки.

— Угостись пока ими. — Жестом указывает старик. — Только о девице той забудь. Потом, если мы избавимся от твоего проклятия, ты еще сумеешь ее отблагодарить, а пока делай, что тебе скажут и... приготовься, мальчик, чтобы одолеть проклятие, тебе придется вынести больше мук, чем таят в себе дюжины тяжелых судеб.

Старик больше ничего не говорит. Он отправляется на улицу, чтобы продолжить мастерить глиняную заготовку, а Алеша остается и так крепко задумывается, что долго не сходит с места. Лишь позже, заметив на столе пирожки и выбравшись из омута мыслей, он выходит следом за волшебником на улицу.

А старик уже сидит за домом на большом камне. Выйдя из-за угла, Алеша замирает в недоумении. При всем старании он не может вспомнить, чтобы здесь хоть когда-нибудь был такой валун, да или хотя бы камень вдвое меньше, ведь здесь, за домом, всегда рос мох на ровной полянке, уходящей к стене высоких деревьев всего в нескольких шагах от домика.

На миг это сбивает мальчика с толку, но он быстро приходит в себя и, помня о магических силах, открывшихся его уму совсем недавно, решает не обращать на это внимания.

— Что случилось? — Спрашивает волшебник, не оборачиваясь.

Старик не двигается, сидит, расставив в стороны руки и держа их ладонями к земле. Перед ним камешками выложена небольшая ямка, и Алеша тут же в нее заглядывает, успев заметить, как та глиняная поделка, над которой трудился старик, исчезает в горе камней, проваливаясь через них легко, будто через водную гладь.

— Э, я..., - очухивается мальчик, — а откуда ты знаешь, что это та девица принесла?

— Ты про угощение? Честно сказать, я и не знаю. — Отвечает старик. — Да только я уже понял, что в деревне тебя не жалуют, ты ведь в проклятый лес пошел, вместо того, чтобы искать помощи в деревне. Это о многом говорит. А девица та, о которой ты рассказал, за тебя ведь даже вступилась, разве нет? Вот я и подумал....

Старик не заканчивает. Алеша молчит, не перебивает, а волшебник поворачивает голову, но и только, и даже плечами не шевелит.

— А впрочем, я же и ошибиться могу. — Говорит волшебник. — Да только сейчас, если я и ошибся, это все равно ничего не изменит. Да и тебя самого пусть не волнует, кто это угощение для тебя сготовил, главное — что кто-то это сделал, а кто именно, ты и потом сумеешь узнать.

Алеша опускает голову, хмурится, но слова волшебника его заметно ободряют.

— Тогда и думать нечего. — Вдруг поднимает мальчик решительный взгляд. — Ежели надо, то я и вообще все сумею потерпеть!

Старик в ответ хмурится и тяжело вздыхает.

— Подумай, мальчик. — Тихо говорит он. — Ты уверен, что хочешь этого? Будет тяжело, не думай, что само обойдется.

Алеша набирает воздуха и кивает.

— А чего же еще? Сдаваться? Да ни в жизнь!

Старик отворачивается, и мальчик теряет пыл, заметив на лице волшебника недовольство.

— Как знаешь, мальчик. — Говорит волшебник, отворачивая голову. — Тогда лучше смотри внимательнее, что говорят тебе чувства. Помнишь, как ты схватил камень, чтобы в меня бросить? Я знаю, что это проклятие, я могу его видеть, как и все мастера, все, кто владеет магией. А ты должен знать, что скоро эти желания будут крепчать в твоём уме, и тебе нельзя поддаваться. Ты понимаешь, мальчик?

Алеша медлит всего миг, а затем подступает и отвечает с прежней решимостью.

— Понимаю!

— Тогда иди. — Сразу отвечает старик. — Тебя еще ждет угощение. Подумай о том, что ты должен справиться, а иначе, ты уже никогда не сможешь поблагодарить ту девицу, что из всех одна решилась проявить к тебе заботу.

Волшебник с потрясающей точностью угадывает самые чуткие места Алешиней души. Уже вечерет, так что мальчик послушно отправляется в дом, не испытывая желания послушаться, и поедая угощение, приготовленное для него незнакомой девицей из деревенских, не может думать ни о чем другом, кроме своей благодарности. Будто бы весь мир рождается заново. Нужно не просто разбогатеть, чтобы отстроить хоромы, нужно обязательно побороть ненавистное проклятие, а затем вернуться и поблагодарить ту девицу, что старалась и готовила эти пирожки, самые вкусные во всей короткой и тяжелой Алешиней жизни.

Айва в это время, сдерживая гнев, добирается до того места, где стена леса уходит в сторону и пропадает у реки. Дальше, отсюда и до самой деревни, стоят только одинокие

деревья, кое-где сбиваясь в кучки по три-четыре дерева.

Здесь, в тиши медленно надвигающейся вечерней тьмы, колдунья уже собирается выпустить гнев, разметав на щепки попавшиеся под горячую руку дерева. Встав на месте, вспоминая разговор со стариком, она начинает закипать от злости и еще даже не шевелится, как ветер уже начинает подниматься, закручиваясь стремительным вихрем. Вокруг колдуньи начинает пригибаться к земле трава, все быстрее поднимается тихий, пока еще незаметный шум, подол колдовского платья начинает шуршать и подниматься от ветра, но внезапно все пропадает. Вдали Айва замечает плавающие в темноте близкой ночи огоньки факелов и хмурится, предвкушая очередные неприятности.

— Старик! — Вдруг слышит волшебник голос колдуньи.

Он даже не сразу отвечает, напрягает лицо и хмурится, не сумев разгадать, зачем Айва зовет его сейчас. Зная ее достаточно хорошо, старик быстро угадывает, что что-то случилось.

— Айва, я начал готовить амулет. — Сразу, почти без заминки отвечает волшебник. — Что бы у тебя ни произошло, ты должна сама....

— Да послушай ты... болван. — Не сдерживается Айва, но следом ее голос становится легче, тише и спокойней, словно колдунья с этим всплеском успеваеет растратить часть недовольства. — Похоже, деревенские идут сюда.

— Ты уверена?

Айва не отвечает. Она выдыхает, надувая от злости щеки, а сама посылает ветер на зов пламени, вперед, узнать, что происходит. Незаметно, покорный ветер слушает чужие разговоры и приносит их хозяйке, и она, утихомирив свой колдовской гнев, легко узнает намерения внезапных, ночных гостей, идущих меж редких деревьев к ней навстречу.

— Да ну куда же? Говорю ж вам! Чего удумали? — Узнает Айва голос Аленушки, еще недавно беседовавшей с ней в доме Алеси. — Ну откуда там ведьмы! Ну сами-то подумайте!

Даже Айва, подслушивая издали, понимает, что такими отчаянными попытками отговорить деревенских, Аленушка лишь подкрепляет их уверенность. И колдунья в этих догадках оказывается права.

— А ну ша! — Рывкает мужской, высоковатый и слегка хриплый голос. — Ишь, как заверещала. Ух, как дам!

— Тихо. Не смей. — Отвечает глубокий, уверенный, громовой бас. — А ты не мешайся под ногами, в последний раз предупреждаю.

Даже Айва нахмуривается и вглядывается в темноту, слыша этот уверенный бас. Девушка тут же замолкает, и никто из идущих долго не решается заговорить, хотя, слушать их бесед колдунье уже больше и не нужно, так что сосчитав гостей, ветер в последний раз скользит у них над головами и отправляется к хозяйке.

— Пятеро мужиков, два мальчишки и девка. — Слышит волшебник спокойный голос Айвы, отчего сразу напрягается. — Идут ведьму искать. Ну и что делать?

— Нельзя их к Алеше пускать.

— Но только делать это не тебе, конечно! — Снова дает Айва проявиться своему недовольству, хотя снова отпускает его с выдохом. — Ох, как же ты меня рассердил, старик.

— Айва, — говорит волшебник, пока колдунья не успела что-нибудь добавить, — разберемся позже с нашими ссорами. Ты должна что-нибудь сделать. Только деревенских трогать не вздумай, даже ночью они вряд ли смогут тебе что-нибудь сделать.

— Легко. Нужно всего-то поддаться, они меня быстренько сожгут и отправятся по домам.

— Айва.

— Да ну тебя к черту. — Ругается колдунья. — Оглянись вокруг, ночь уже наступила. И ты просишь их не трогать? Если мой ветер их будет чужим голосом пугать, то они лишь сильнее поверят, что здесь ведьма поселилась, а если выйду, еще набросятся. А ты мне говоришь их не трогать. Сам понимаешь....

— Ты справишься. — Перебивает старик. — Ты знаешь, мне нельзя испортить амулет, я уже открыл печать, чтобы помочь мальчику. Еще одна точно навлечет на нас пораженных. Только ты можешь использовать силу без печатей, ты должна все уладить, Айва, больше мне не на кого положиться, и мальчику тоже. Если ты этого не сделаешь, то....

— Хватит. — Перебивает уже колдунья. — Продолжишь болтать — только окончательно меня отговоришь.

Старик успокаивается.

— Я знаю, Айва, — отвечает он почти сразу, — что в трудный миг ты не оставишь.

— Замолчи. — Говорит колдунья, но уже спокойным голосом, без сердитого недовольства, обиды и злобы. — Все равно ничего другого не остается. Ты ведь помнишь еще о нашем уговоре? Я собираюсь помочь мальчишке, а потом вдоволь с тобой наиграться. Только я ничего тебе не обещаю, так и знай, и что бы ни случилось, все это будет на твоей совести. А теперь не мешай, тебе еще объясняться с этим недоумком, вот об этом и подумай.

— Объясняться? — Недоумевает старик, но тут же все понимает.

Замерев на мгновение, он поворачивает голову, не двигая больше ни единым мускулом, но все же заглядывает почти себе за спину и замечает на углу дома Алешу. И старик как всегда понимает все быстро, но даже ему требуется мгновение, чтобы подобрать нужные слова.

— Много ты услышал?

Алеша выходит из-за угла и становится рядом, а старик вновь поворачивает голову к яме из камней.

— А с кем ты говорил? — С интересом спрашивает мальчик.

Старик хмурится.

— С Айвой. — Отвечает он. — Ты ведь слышал, как я звал ее по имени, так почему спрашиваешь?

Алеша оглядывается, а затем поворачивается снова к волшебнику.

— Так ведь ее же тут нет? — спрашивает он и тут же наклоняется, шире открывая глаза. — А она тебя слышит, да?

— Да, она меня слышала, когда мы говорили.

На миг беседа останавливается, Алеша опускает глаза, но старик продолжает глядеть на него с хмурым видом.

— Я вижу, что тебя что-то беспокоит, мальчик.

На спине Алешы черные отростки вдруг застывают на миг, но почти сразу вновь начинают шевелиться и подрагивать чуть сильнее обычного, и старик это подмечает. А только мальчик заговаривает, как этот ковер из черных отростков, быстро растущих в последнее время, снова начинает дрожать, выдавая переживания мальчика.

— Ты говорил, что деревенских... нельзя сюда пускать. — Проговаривает Алеша медленно и неуверенно и тут же заговаривает живее. — А еще, чтобы она их не трогала, да? Ты же так говорил? Я слышал.

— Да, я это говорил. — Признается старик, не пытаясь юлить.

— А зачем? Чего им? И почему не трогать?

— Тише. — Успокаивает волшебник Алешу, напирającego с вопросами все смелее. — А сам ты не понимаешь?

Старик от хмурости кажется даже сердитым и мальчик опускает голову, а волшебник спокойно вздыхает, медлит и заговаривает снова.

— Хотя, ты ведь не знаешь....

— Чего? Чего не знаю-то?

— Иди в дом, Алеша. — Велит старик, уже не оборачиваясь. — Тебе же будет спокойнее, если забудешь, что слышал.

Мальчик, однако, избегает воспользоваться советом. Он продолжает стоять рядом, молчит, смотрит на волшебника и вдруг заговаривает изменившимся голосом.

— Я тебе, что, младенец?! — Вспыхивает мальчик неожиданно. — Да я... да я....

Сразу же Алеша успокаивается. Старик поворачивается к нему, и мальчик застывает, от чувства неловкости бегая по сторонам взглядом.

— Ой! Я не.... — Бросается он объяснять, но нужды в этом нет.

— Ничего. — Спокойно отвечает старик. — Я понимаю, это проклятие, я вижу.

Старик хмуро глядит на задрожавшие черные прутья на спине Алешы и снова отводит глаза.

— Оно пробуждается. — Снова заговаривает волшебник. — Ты должен бороться с этими чувствами, мальчик, а если не сможешь, то проклятие овладеет тобой мгновенно. Не будет возможности все исправить, помни это. А теперь иди, поверь старику, сейчас мы все трое боремся, чтобы тебя спасти, и ты должен приложить больше всего усилий, чтобы у нас получилось.

Алеша хмурится, виновато опускает глаза и не находит слов, чтобы ответить. Постояв еще немного, он отворачивается и возвращается в дом, оставляя старику его заботы.

Вдали от молчаливой и тягостной атмосферы, поселившейся в доме, пока мальчик ждет неведомых испытаний, а старик готовит свой амулет, Айва продолжает слушать голоса незнакомцев, которые ей приносит услужливый ветер.

— Ну, ежели навывдумывали.... — Заговаривает один из мужиков с хриловатым, высоким голосом.

И тут же с ним заговаривает кто-то мальчишеским голосом.

— Да чего наплели-то? Чего? — Отвечает юноша обиженно. — Ведьма тута, точно говорю! Аленка, дурында, сама к ней пошла, мы своими глазами видели. А та, говорю вам, с такую вот дыренью на рубахе, вот тута вот прямо!

— Тьфу. — Раздается голос другого мужика, чуть более грубый. — Ну, наплели же, видно! Ишь, как поет, соловей? Дырень у ней была.... В голове у тебя дырень.

— Тихо. — Раздается бас.

Споры немедленно утихают, а Айва продолжает слушать и дожидаться встречи, теперь, по крайней мере, зная, кто из мужиков главный.

— Ежели врут, — продолжает размеренно и спокойно говорить бас, — так все равно узнаем.

Повисает тишина, и ветер приносит колдунье лишь звуки ходьбы, но затем вдруг раздается снова голос Аленушки.

— Погодьте, ну чего вы?! — Звоном разливается чувственный и яркий, как и всегда, а сейчас еще и полный беспокойного волнения и придыханий голос девицы. — Нельзя же так!

Не ведьма она никакая, все это....

— Чего это?! — Перебивает возмущенный, низкий для мальчика голос. — Чего мы, врем, что ли?!

— Я кому сказал молчать? — Говорит бас.

И опять становится тихо. Чуть погода раздаются шорохи, но тут же снова начинает играть звонкая, беспокойная свирель девичьего голоса.

— Черт попутал, али вдали показалось! Да мало ли, чего бывает?! — Снова вступается Аленушка. — Сами же напридумали, что мертвяка будто видывали у дерева-то ведьминого. А то разве мертвяк был? Ну, чего молчите-то? Не мертвяк это был, а мальчишка тот, травницы сын!

— А ну молчи, дура! Много ты понимаешь! — Обижается юноша.

И колдунья, слушая, с неудовольствием качает головой, но продолжает слушать. Аленушка же на грубость ничего не отвечает. На миг виснет пауза, затем удаётся расслышать тяжёлый вздох, и беседа начинается снова.

— А ну говори, — велит кому-то бас, — так или нет?

Мгновение тишины, но потом все же раздаётся ответ.

— Угу. — Виновато нудит один из мальчишек, все тот же, что говорил раньше.

— Тьфу! — Сердито плюётся кто-то из мужиков.

— Так и чего?! — Заговаривает мальчик. — Чего уродец делал тогда у ведьминого дерева ночью-то, а? И на меня еще кинулся, как ошпаренный! Еще ведьма эта. Да вы ее увидите, сами все поймете!

— Хватит. Слышали уже. — Отвечает бас. — Да и все равно пришли уж, чего теперь?

Какой-то шорох, легкий звон, тут же рассеивающийся в воздухе, пара хлопков, и тишина, и Айва теряет ухмылку, готовясь к предстоящей встрече.

— Ну, что же вы, нельзя же.... — Еще пытается вяло отговаривать Аленушка, но теперь ей уже не дают слова.

— Тихо. — Спокойно перебивает бас. — Ежели она не ведьма, так и бояться ей нечего. Теперь идем.

Только замолкает бас, только его владелец оборачивается, поудобнее схватив вилы, как все тут же замирают.

— Ох! — Притворно вздыхает колдунья, выходя из-за дерева и тут же становясь перед мужиками. — Добрый путь, мужички. Ой, напугали меня. Ну, да ладно. А вы чего к нам пожаловали?

Мужички все разом замирают и отвечают не сразу. Даже самый здоровый, стоящий впереди остальных, и тот не сразу заговаривает, с подозрением осматривая необычное черное платье Айвы, ее странную, широкополую шляпу и вырез на груди, заметный даже сквозь черное покрывало опустившейся на землю ночи. Колдунья это замечает, но ничего не делает. Спокойно, с непринужденной улыбкой, она дожидается ответа, коротко взглянув на Аленушку, которая даже в ночи прячет от Айвы глаза.

— И тебе того же, хозяйка, — отвечает тяжелым басом здоровяк, стоящий впереди, после недолгой паузы, — коли слова твои от сердца.

— Ну а как же еще? — Отмахивается колдунья, смеясь, но тут же улыбка на ее лице растворяется. — Ну, так что же вас ко мне привело?

— А с чего ты решила, — прищуривается здоровяк, — что мы пришли к тебе?

Айва ухмыляется, вздыхает, подходит к дереву, скрещивает на груди руки и

расслабленно упирается в массивный ствол плечом.

— А куда же еще? — Щурится колдунья в ответ. — Не в темный же лес вы собрались с одними вилами, да еще и детишек прихватив. Не надо большого ума, чтобы догадаться.

Здоровяк оглядывается и больше не спорит, а Айва продолжает говорить.

— Хотя, зачем вам вилы? — Прикрыв веками глаза и слабо улыбаясь одним уголком губ, спрашивает колдунья. — Честное слово, ума не приложу.

Мужики заметно напрягаются и стоят, не двигаясь, оставляя разговоры владельцу баса, который стоит впереди остальных и выше их не меньше, чем на целую голову.

— Ответь, хозяйка, — заговаривает он, погода, — поговаривают, дух нечистый у нас тут завелся....

— Поговаривают, — тут же перебивает колдунья, — что вилы духам не страшны.

Здоровяк хмурится, но не теряет самообладания.

— Не видела ли ты здесь чего необычного?

— Нет. — Вздыхает Айва. — Все тут, как обычно. А говорят много всякого. Кто же всему станет верить?

Здоровяк кивает, а остальные продолжают следить и вмешаться в разговор никто себе не позволяет.

— Обычно, говоришь? — Отвечает мужик. — Что-то не похоже. Не видывали мы таких прежде. Одежка у тебя странная. И откуда ты здесь? Давно ли?

— А чего? — Оглядывает колдунья свое платье, корча глупое выражение. — У нас все так ходят. А вот вы одеты как-то странно. Не видывала таких никогда. Уж не духи ли вы нечистые, а?

— Да ты что такое.... — Не сдерживается один из мужичков, но здоровяк его тут же останавливает.

— Тихо. — Говорит он, не оборачиваясь.

И этого достаточно, чтобы мужичок тут же сделал шаг назад и мгновенно замолчал.

— И где же это — у вас? — Спокойно интересуется здоровяк. — Далеко ли?

— Далековато. — Ухмыляется колдунья, но ничего не добавляет.

— Не скажешь, где? Уж не боишься ли, что я узнаю, чего не положено?

Айва посмеивается. Хотя подходящий ответ у нее находится лишь сейчас.

— А с чего мне говорить? — Отвечает Айва серьезным тоном. — На мои вопросы ты не отвечаешь, так чего с меня ответа требуешь?

— Откуда же мне знать, что тебе верить можно?

— Могу спросить то же. — Мгновенно отвечает колдунья.

На миг становится тихо, а затем, скрипя басом, мужик задумчиво вздыхает.

— Хм. — Протягивает он. — Ну, будь по-твоему.

— Да как же.... — Снова выступает один из мужичков.

— Тихо. — Лишь немного повышает здоровяк голос, и мужичек окончательно замолкает, встав за спиной и ухватившись за топорик.

— Так и быть. — Сразу продолжает здоровяк, обернувшись к колдунье. — Мы здесь потому, что больно ты на ведьму похожа. Теперь же твоя очередь, говори, кто такая, или же несдобровать тебе, так и знай.

Айва молчит некоторое время, но потом вздыхает, распускает скрещенные руки, отступает от дерева и заговаривает.

— Ну ладно, расскажу. — Отвечает она спокойным, уверенным голосом, без тени

беспокойства. — Никакая я не ведьма. Хоть раз вы ведьму живую-то видели? Сказки это все. А я травница. Сестра я той, что прежде в этом доме жила. Алешке я, выходит, тетка.

Здоровяк, да и остальные, щурятся, выслушивая, и только Аленушка выглядит как-то странно, таращится, будто не может поверить.

— Да только вот, знаю я, — начинает Айва глядеть хмуро и сердито, — что сестру мою вы не жаловали, да и сына ее не пожалели. Так что и хлеба с солью от меня теперь не ждите.

Мужики хмурятся, молчат, ничего не отвечают.

— Что, сомневаетесь? — Заговаривает Айва. — Нечего тут думать. Никакая я не ведьма. А иначе, уже бы давно бы вас всех угробила каким-нибудь проклятьем.

И снова один из мужиков не сдерживается.

— Ах ты, баба бестолковая!

Айва только чуть сильнее нахмуривает брови, глядя, как в ее сторону с места срывается мужичок с вытянутым лицом и жидкой бородкой. Схватив вилы покрепче, он делает пару шагов вперед, но тут же здоровяк хватается мужичка за грудки и почти без усилий поднимает в воздух.

Он ничего не говорит, отпустив мужичка, бросает его на землю и тот, глядя обиженно и растерянно, отползает назад, а здоровяк поворачивается к колдунье.

— Коли уж вы на женщину руку поднимите, так за то вина вам на совесть. — Спокойно отвечает Айва. — Я же пред вами честна. Мальчишка, племянник мой, сиротой остался, а вы пришли у его дома ведьму искать? Да будь я ведьмой, не стояли бы вы тут, да не разговаривали, а уже бы в гробах лежали — вот вам мой ответ. А так, доколе сил хватит, я вас к дому не пущу.

Повисает тишина. Оттого, как колдунья со здоровяком глядят друг на друга, кажется, будто в ушах начинает звенеть от их напряженных взглядов, но первой не выдерживает Аленушка, отдаваясь порывам и желая скорее разрешить эту глупую вражду.

— Говорила же я вам, говорила... — Бросается девушка вперед.

Только встать перед здоровяком у нее не выходит. Остальные мужики не успевают схватить Аленушку, но деревенский богатырь выставляет перед ней широкую руку, мгновенно закрыв проход. А только он поворачивает голову и бросает на Аленушку строгий взгляд, как девушка тут же отступает на шаг назад, и остальные мужики сразу оттягивают ее за руки, ругая за торопливость.

— Говорят, будто бы кругом рядом с ведьмами нечисти водится разной много. — Заговаривает деревенский богатырь, подумав.

— Мало ли, чего люди выдумают? Да и мне откуда знать?

— Твоя правда. — Говорит здоровяк спокойно. — Всякого и у нас любят выдумать. Да только, кто его знает, а вдруг правда? Да чего тебе бояться? Ни тебя, ни мальчишку твоего мы не тронем, глянем только, не завелась ли там у вас какая нечисть, а на том и порешим. Все честно выходит. По правде.

Колдунья встает на пути, скрестив руки и расставив ноги.

— Не пущу. — Говорит она спокойно. — И пустила бы, да с чего мне вам верить? Уж один из твоих мужичков на меня чуть не бросился, мальчишку моего едва до смерти не довели, родню его извели, так с чего вам верить?

Мужики напрягаются, глядя сердито, но здоровяк остается непоколебим.

— А ты сама ответь, — говорит он, спустя несколько мгновений тишины, — чего мальчишка ночью к ведьминому дереву полез?

Колдунья жмет плечами, остается спокойна, но ответить ей нечего.

— Видишь? — Продолжает здоровяк. — Да только так и так нам надобно проверить, чтобы убедиться. Ежели нет у вас дома нечисти какой, так мы уйдем спокойно. А теперь уйди с дороги, хозяйка, не доводи до беды.

Колдунья не двигается. Богатырь делает шаг, второй, и за ним уже начинают двигаться остальные, как вдруг Айва звонко рассмеивается во весь голос, заставляя мужиков напрячься и замереть.

— Вот же, деревенщина! — Улыбается Айва. — Не мог ты по-хорошему уйти?

И прежде, чем кто-нибудь успевает среагировать, колдунья поднимает ладонь, а следом здоровяк неожиданно взлетает над землей, начиная болтаться, как беспомощный ребенок.

Трудно заметить, каких усилий стоит колдунье поднять его в воздух, не открывая печать, не рисуя магический символ, раскрывающий ее истинные силы. Она так напрягается, что все тело каменеет и только лицо, не спрятанное за черной тканью, остается прежним, на вид безмятежным, храня образ невозмутимого спокойствия.

Один из мужиков перехватывает вилы, замахивается и тут же бросает их в колдунью. Айва едва успевает среагировать. Она не сразу понимает, что сил, чтобы удержать здоровяка и одновременно поймать ветром летящие в нее вилы, не хватит, но вовремя бросает мужика на землю, роняя его вниз головой, а сама ловит в полете вилы, резко поднимая вторую руку.

Мужики замирают, а колдунья быстро находит выход из положения. Отшвырнув вилы в сторону, она не торопится, вздыхает и говорит спокойным, не тронутым усталостью голосом.

— Всякий раз, как кто-то дернется, буду его о землю бить. Так, глядишь, еще и шею сломает. — Говорит она, пока здоровяк поднимается с земли.

И тут же Айва заставляя его снова взлететь. Все остальные еще с первого раза не решаются шевелиться, но особенно изумленно таращится Аленушка, открыв рот и даже не вспомнив по привычке спрятать его за ладонью.

А колдунья так и стоит, едва удерживая здоровяка в воздухе, и оттого лишь больше сил растрчивая, чтобы сохранить непринужденный вид. Она собирается уже заговорить, придумав, как отвязаться от деревенских, как вдруг понимает, что едва ли может спокойно выдохнуть, не уронив здоровяка на землю.

Повисает тишина и миг затягивается. Мужики начинают переглядываться, и Айва это замечает, но не решается заговорить, чувствуя, что без печати ей едва хватает сил держать богатыря в воздухе. Только время идет, а оно не терпит бездействия, и чем дольше миг, тем вернее ожидание скорого происшествия.

Мужики еще боятся двинуться и рассердить ведьму, которую встретили за жизнь в первый раз, а потому все еще медлят, хотя и начинают уже стрелять глазами по сторонам. И вот, один из них медленно начинает перехватывать вилы, стараясь двигаться так, чтобы ведьма ничего не заметила.

Аленушка это видит. Еще испуганная и растерянная, она внезапно сознает, что должно произойти и сразу же взглядывает на Айву.

Время начинает утекать все быстрее. Мужичок рядом с девушкой готовится броситься вперед, упирается ногами в землю и медлит лишь затем, чтобы остаться незамеченным. А девушка, наблюдая за ним и понимая, что позже исправить ничего уже не выйдет, поддается искренним порывам и сама бросается вперед.

— Ведьма! — Зовет Аленушка.

И тут же все мужики оборачиваются к ней. Айва едва не бросает здоровяка на землю, но сдерживается, а девушка, подступив ближе, останавливается и выставляет руки.

— Постой же! Нет! — Останавливает она колдунью.

Айва слегка прищуривается, не сумев угадать мысли девчонки, но пока ничего не предпринимает и старается удержать здоровяка на весу.

— Нет у меня сил, чтоб тебе навредить! — Продолжает Аленушка, двигаясь вперед по полшага. — Дозволь, лишь скажу, чего думаю!

— Ты чего удумала, дура. Стой. Назад. Ну. — Шипит сквозь зубы один из мужичков, но Аленушка не слушает.

— Я только..., лишь скажу, чего думаю. — Подходит она все ближе, пока, наконец, не останавливается прямо перед Айвой, уставившейся на девушку с подозрением и интересом.

— Скажи, прошу сердечно, коли мы пообещаем никогда сюда не приходить, ты же нас пощадишь? — Прижимает Аленушка к груди обе руки, делая такой жалостливый вид, что, кажется, будто она смогла бы разжалобить и бездушный камень.

Один из мужичков не сдерживается.

— Ты чего такое говоришь?! — Вскрикивает он сердито.

Айва бросает на мужичка хмурый взгляд, но и сама удивляется и застывает, когда вдруг Аленушка оборачивается с сердитым видом и начинает кричать звонким голосом.

— Я чего говорю?! — Ругается она. — Это вы чего делаете?! Не видите, не взять ее ни силой, ни хитростью! Уж вы и так, и эдак успели попытаться! Да только что ведьма с нами сделать может, вы подумали?!

Айва даже удивляется, замечая, как девушка быстро отыскивает к умам деревенских нужные ключи. Пусть на их лицах еще цветет гневный жар, а все же выражения мужичков тут же начинают остывать и даже исполняться беспокойством, после слов Аленушки.

— Вы подумали, на что ведьмы способны?! — Продолжает девица. — А что, если вода в колодцах почернеет? А ежели урожаи перестанут всходить? А если волки станут на овец нападать?! Да кто из вас может точно угадать, чего ей в голову взбредет?!

Айва даже не пытается останавливать девчонку, а та, взглянув на колдунью, будто и сама это понимает. От волнения она успевает запыхаться так, как не всегда случается после игр или работы, но остановить себя уже и сама не может, да и не пытается.

— Да вы поглядите, чего она может! — Указывает Аленушка на здоровяка. — Ведь шею же свернет, даже пальцем шевелить не нужно! А вилы, видали, куда вилы зашвырнула?! А вы... Да вы ж только хуже сделаете!

И тут же Аленушка снова поворачивается к колдунье, складывает руки на груди и смотрит на нее с жалостливым взглядом.

— Смилостивись, могучая ведьма! — Взмаливается Аленушка.

И Айва, хотя и так едва удерживает болтающегося в воздухе здоровяка, с интересом глядит на девчонку, угадывая, не пытается ли та схитрить.

— Пощади нас, люди-то мы простые! — Продолжает девушка. — Да не из зла к тебе пожаловали, а лишь затем, чтоб самим защититься. Скажи, ведь, незачем тебе нам козни чинить? А коли так, отпусти нас. Слово мы ежели дадим, что сюда больше не сунемся, то и ты обещаешь, что нас трогать не станешь, и зла держать не подумаешь. Чего тебе нас бояться?

Повисает молчание, и почти все таращатся в это время на Айву, дожидаясь ее ответа. А несколькими мгновениями позже, она вдруг опускает руку и ставит вместе с другой на пояс. Здоровяк сваливается на землю, тут же начинает подниматься, а его в тот же миг с двух

сторон подхватывают мужички и быстро ставят на ноги.

— Даже не знаю. — Отвечает Айва спокойным голосом.

И Аленушка на миг даже теряется. А в разговор уже торопятся вмешаться, но только один из мужичков делает шаг следом за здоровяком, Айва мгновенно вскидывает обе руки, и все тут же снова замирают.

— Стоять. — Говорит колдунья спокойным голосом. — Где ваши манеры? Я ведь еще не договорила.

Миг она выжидает, оглядываясь, но даже здоровяк не решается теперь перечить, и все, следуя его примеру, стоят молча, дожидаясь, когда Айва продолжит.

— Так вот, — вздыхает колдунья и медленно опускает руки, — я уже думала, если честно, головы вам оторвать да разбросать по полю, но твои слова....

И все же, договорить она не успевает. В своей искренней несдержанности один из мужичков, услышав слова колдуньи, тут же шагает вперед и разворачивается к остальным.

— Да чего мы уши развесили?! Чего ее слушать, ведьму проклятую?! — Говорит он с воодушевлением, приподнятым тоном, с чувством и горящими искренностью глазами. — Обманет же, как пить дать! Ух! Да лучше сгибнуть, чем с тварью ведьмовской якшаться!

Развернувшись и взглянув на колдунью, мужичок еще сверкает пылким взором страстного воодушевления, а впрочем, уже миг спустя замирает и больше не шевелится. Едва лишь он поворачивается, как вверх, перед колдуньей, взмывают чьи-то вилы, лишь на миг зависают, а после разлетаются прямо в воздухе на мелкие щепки.

На землю перед колдуньей сваливаются одни только железные зубья и несколько щепок. Никто даже проследить не успевает, куда исчезает черенок. Он просто разлетается по округе, и миг спустя от деревяшки ничего уже не остается.

И теперь, когда все замерли и уже больше не решаются без спроса шевелиться, испуганные такой ужасающей силой, колдунья подходит к мужичку так близко, что едва не прислоняется. Он же едва унимает дрожь и с трудом заставляет себя не прятать от колдуньи глаза.

— Еще раз двинешься без моего разрешения, — говорит Айва тихо, но зная, что в наступившей тишине ее услышит каждый, — и я тебя обрачу в геморрой на заднице у деревенской шавки.

После такой угрозы мужичок окончательно теряет пыл и, слотнув, остается стоять неподвижно, а колдунья, помедлив немного, заглянув еще раз мужичку в глаза, отступает на прежнее место, упирает в бок одну из рук и поворачивается к Аленушке.

— О чем я..., - заговаривает Айва, — ах, да. Хотела уже головы вам оторвать, но ты меня убедила.

Айва делает большую паузу, а потом начинает улыбаться одним уголком рта и слегка прищуривается.

— Может быть. — Добавляет колдунья.

И вдруг, удивляя Айву, девушка начинает глядеть строже, с укоризной. Во взгляде ее не заметить страха, и тут же становится ясно, что девчонка не боится, и все это выдумала не просто так. Аленушка даже уже собирается заговорить, делает вперед маленький шагок и набирает воздуха, но Айва рассмеивается, не дав ей вставить слово.

— Ха-ха! Ладно, шучу я, успокойтесь! — Смеется колдунья, но очень быстро, чуть ли ни мгновенно успокаивается. — Нет мне до вас, деревенщин, никакого дела. По-правде говоря, убивать вас тоже не хочется. Еще слухи поползут. Да и не зверь же я какой. Так что сделаем

вот как: ежели пообещаете, что о произошедшем не вспомните, что дорогу сюда забудете, и что мальчишку никогда больше не вздумаете даже пальцем тронуть, то, так и быть, отпущу вас. Убивать я, и правда, вас не хочу.

И Аленушка тут же поворачивается к остальным. Миг она улыбается, оглядываясь с радостным воодушевлением на лице, но вдруг, мгновением спустя, улыбка медленно выскальзывает из ее меняющегося выражения.

— Ну чего же...? — спрашивает она тихо.

А, сделав полшага, Аленушка тут же подступает к здоровяку.

— Ну скажите же чего-нибудь. — Уставляется она на него большими, распахнутыми глазами.

Жалостливый взгляд его не понимает. А, впрочем, просьбу Аленушки здоровяк исполняет. Он спокойно взглядывает на колдунью и, наконец, отвечает.

— Сладко говоришь. — Вновь рождается тихий, уверенный, громовой бас, пропадавший все это время за печатью немоты. — Да только кто же ведьме-то поверит?

И Айва, шумно выдохнув, ненадолго отводит глаза и после снова оборачивается.

— Ладно. — Вдруг говорит она спокойно. — Объясню еще раз. Врать мне вам незачем, я вас могу в порошок стереть и по ветру развеять, моргнуть не успеете. А вам врать бесполезно, потому как я не поленюсь вернуться и головы всем поотшибать, ежели врать подумаете. Так что уговор наш самый честный, и сомневаться в нем может только дурак.

Здоровяк хмыкает, но отвечать не торопится.

— Но, если не хотите, — вдруг разводит колдунья руками, — то всегда можно и кулаками помахать. Да только вам со мною все равно никогда не справиться.

Здоровяк продолжает молчать, но не долго, а затем, тяжело вздохнув, оборачивается к мужикам. Он специально делает это медленно, видя, как пристально следит за ним колдунья, и Айва позволяет, но внимательно смотрит, прищурившись и даже не моргая.

— Ну что, мужики? — спрашивает здоровяк тяжелым басом, повернувшись к остальным. — Видать, тут мы силушку недомерили.

Айва продолжает молча следить, но быстро замечает неладное. Мужики как-то странно глядят на здоровяка, Аленушка тоже выглядит слегка растерянной, а когда Айва поворачивается к богатырю, то она успевает заметить его кивок, и тут же все рушится в одно мгновение.

Аленушка не успевает ничего понять. Она, как и колдунья, замечает странности во взглядах окружающих, но ничего не успевает сделать. Вдруг, здоровяк резко оборачивается и бросается вперед. За один миг происходит десяток событий, за которыми и днем было бы трудно уследить.

Айва не успевает рассмотреть, что мужики за спиной здоровяка тоже готовятся действовать, разве что делают это заметно медленнее. Она видит только, что богатырь уже пригнулся, напрягся и приготовился рвануть вперед.

Думать не остается времени, руки сами начинают действовать, и завязывается бой. Аленушка отшатывается в сторону, не успев еще даже понять, что происходит. Колдунья отрывает от земли стопу и направляет ногу коленом вперед, когда здоровяк подбирается ближе.

Колдунья до последнего почти не двигается, выставив ногу коленом вперед, и лишь когда здоровяк бросается на нее, вдруг, под ногой Айвы что-то слышно хлопает. От стопы разносятся по сторонам ветер, катясь незаметной в ночи, мгновенно растворившейся волной,

а нога колдуньи резким броском уносится вперед.

К удивлению Айвы, богатырь успевает выставить перед собой широкие ладони и остановить ногу колдуньи. Она даже теряется, глядя, как колено останавливается, упершись в ладони здоровяка, но тут же нахмуривается и сознает лишь теперь, что на легкий бой не стоило даже надеяться.

Остальные вряд ли могут понять, что случилось, но здоровяк тоже на миг замирает и взглядывает с удивлением на ладони, не веря, что колдунья смогла ударить так сильно, в то время, как сама Айва удивляется тому, что богатырь вообще сумел выдержать ее удар, наполненный мощью ее колдовских чар.

Это вносит лишнюю сумятицу, а к тому же Айве не дают хоть миг подумать. Уже со стороны в нее летят чьи-то вилы, из тех, что она не подумала разломать в щепки, и тут же колдунья поднимает ладонь и резким движением кисти заставляет воздух отбросить вилы в сторону, слегка изменив направление их полета.

Здоровяк бросается вперед, а вместе с ним, рыча, уже несется на всей скорости прямо на колдунью еще один мужичок, готовясь с размаха ударить Айву кулаком. Айва лишь направляет в сторону нападающего кулак, а у нее за локтем внезапно раздается хлопок. Хлопает так же, как чуть раньше, и кулак Айвы тут же уносится вперед.

Кости мужичка оказываются гораздо мягче, чем богатырская ладонь, и прежде, чем его тело отбрасывает назад, маленький, тонкий кулачок Айвы успевает проломить лицо и пройти в голову. Следом, мужичка тут же отбрасывает назад, и он, с уродливой и пугающей вмятиной на лице, валится на землю, спиной вниз, прямо рядом с цепенеющей от ужаса девушкой.

Здоровяк успевает подскочить, и на этот раз Айве приходится напрягаться еще больше, чтобы вывернуться. Она видит летящий прямо в лицо огромный кулак и едва успевает скользнуть вниз, да и то лишь благодаря помощи ветра, толкнувшего в верном направлении. После она сразу же направляет кулак, за локтем раздается хлопок, и быстро рассеиваются волны незримого ветра, а в следующий миг кулак резким броском устремляется в бок деревенского богатыря.

Мужикам впервые приходится увидеть, как здоровяк корчится от боли, да еще и после первого же удара. Они на миг застывают, пока он сжимается, корчась, отступает на полшага и встает на колено, но бой не терпит молчания, и снова хрип, вперед бросается другой, за локтем хлопает, и вновь за локтем колдуньи раскатывается волна невидимого воздуха.

Все начинает происходить быстрее и быстрее, хлопает у стопы, и мимо пролетает лопата. Трещит черенок. Разбивается череп от удара, хлопает за локтем, и тут же кулак врежется опять в чужое лицо, а рядом сваливается отпустившее душу тело.

Здоровяк бросается вперед. На этот раз ему удастся достать колдунью. Пока Айва отбивается, она не успевает заметить кулак и среагировать. Когда она поворачивается, костяшки, здоровые, опухшие, размером чуть ли ни с целый палец, уже готовятся врезаться колдунье прямо в лоб. Хлопает между лбом и кулаком, ветер расплывается волной, и Айву отбрасывает назад аж на несколько шагов. Не раздумывая, здоровяк бросается следом, прыжком бросаясь на колдунью с кулаками, и у Айвы не выходит увернуться.

Сев на колдунью, богатырь начинает лупить кулаками без перерыва. Его кулаки с размаха бьют по земле, но колдунья всякий раз умудряется выворачиваться и уходить от его ударов. Рядом с ее щеками хлопает что-то, и голова резко отскакивает в противоположную сторону, и как ни старается деревенский богатырь, но попасть по голове колдуньи ему не

удается.

Еще миг спустя, за локтем колдуньи раздается хлопок. Кулак ударяет прямо под глазом здоровяка и тот мгновенно отшатывается. Он остается сидеть на колдунье, выпрямляет спину, встряхивает головой и собирается опять ударить, занося руку, но снова хлопок за локтем, и маленький кулак ударяет в бок, а затем второй ударяет рядом, и еще несколько быстрых ударов врезаются в бока резкими ударами.

Здоровяк не удерживается, хватается за живот, а колдунья уже сбрасывает его с себя ударами. Айва, впрочем, не пытается сразу же покончить с богатырем. Она легко и быстро поднимается на ноги, но выглядит странно, и двигается непривычно, будто подлетая, и после, отчего-то на миг замирает, но сбоку кто-то успевает подскочить, и колдунья бьет, не задумываясь. Руку пробивает вилами, потом хлопок, два удара и, вдруг, Айва уже смотрит, как к ее ногам валяются еще два трупа.

Мальчишки, поборов страх, решили отважно биться, взяв пример с умерших односельчан и мгновенно получили ту же награду за храбрость. И вдруг Айву сковывает вид их трупов. Едва перед ней валяются мертвецами двое безусых мальчишек, как тут же следом колдунья натывается на взгляд Аленушки, и в то же мгновение немеет.

Только еще ничего не кончено. Вблизи широкая ладонь, раскрывшись бутоном толстых пальцев, готовится схватить ее за горло, и Айва успевает понять, что выскользнуть уже не получится.

Здоровяк хватается Айву за шею, готовясь сломать ее тут же, но внезапно поток ветра ударяет ему в глаза, богатырь зажмуривается и не успевает заметить, как Айва выворачивается из его хвата.

И тогда снова раздается хлопок. Самый громкий и мощный из тех, что успели прозвучать в этой ночи. По воздуху начинает быстро катиться волна, которую можно заметить даже сейчас, и даже если стоять чуть поодаль. Только заметить ее уже некому. Лишь одна Аленушка с ужасом наблюдает за тем, как оканчивается бой, ощутив, как мощный поток едва не сбивает ее с ног.

Богатырь еще успевает открыть глаза вновь, и видит он почти то же, что предстает взгляду Аленушки, застывшей в безумии сковавшего ее ужаса. Оба видят кровь, стекающую по тонким пальцам колдуньи, оба видят ее хмурый, спокойный взгляд, но лишь здоровяк чувствует боль от удара, пробившего его тяжелый череп.

В следующий миг здоровяк сваливается на землю, и вокруг не остается никого живого, кроме Аленушки и колдуньи. Девушка не сразу это понимает, едва не сходя с ума от ужаса, но скоро Айва вздыхает, собираясь с духом, и поднимает к Аленушке взгляд. И девчонка тут же бросается убежать.

— Стой! — Зовет колдунья. — Не сбежишь! Сама ведь...

Она замолкает, сама понимая, что девушка не слушает, и наверняка еще даже не до конца понимает, что случилось, а лишь поддается воле страха.

— Сама ведь знаешь. — Тихо договаривает колдунья печальным голосом.

Девушка же продолжает бежать. Хотя и не долго.

— Не беги. — Раздается вдруг тихий шепот Айвы над самым ухом. — Только не беги, прошу.

От неожиданности, Аленушка тут же спотыкается и падает, испугавшись и на ходу пытаясь зачем-то обернуться, но только после сознавая, что колдунья еще далеко, в десятке шагов, на которые успела отбежать девушка. Впрочем, упав, Аленушка уже не решается

подняться, чувствуя слабость и бессилие. Все, что она может, так это просто смотреть, как Айва медленным шагом подбирается все ближе.

Аленушка только вздрагивает еще разок, замирает, и больше не противится. И даже на миг становится легко и спокойно, грустно, но уже не страшно. На небе редкими, маленькими вспышками горят выбравшиеся из-за облаков звезды, и становится обидно, что даже напоследок нельзя взглянуть на чистое, лунное небо. Скоро уже тучи станут заволакивать небеса все чаще, а затем белизной укутают поля и дороги снега, но только как теперь Аленушка сумеет все это увидеть?

Она еще раз вздыхает. Медленно. Чувствуя, как нежно переполняет грудь прохладный, чистый воздух, приправленный сладким запахом осенних листопадов, и спокойно закрывает глаза, в мыслях простившись с этим жестоким, но таким очаровательным миром.

Глава 10 — Крылья

Домик, полуразваленный и убогий, так неотрывно вписывается в тихий лесной пейзаж, что едва ли можно разделить их друг от друга. Он совсем не кажется чуждым природе человеческим жилищем и выглядит так, что почти можно вообразить, будто бы старые, дряблые, сухие деревья завалились так сами собой, построив на окраине леса маленькое, похожее на бобровое жилище, укрытие.

Даже птицы не боятся сесть на чердаке, пролезая через щели худой крыши. Разве что сейчас, поздней осенью, их здесь уже почти не видно, хотя погода в этих местах еще остается теплой.

Сейчас тут тихо, как никогда. У дома, рядом с ямой, наполненной камнями, сидит молчаливый старик. Рядом с ним, глядя в яму и ничего не говоря, так же неподвижно сидит очаровательная женщина, в странном, непривычном для этих мест наряде, в черном платье и со сплюсненной, широкополой шляпой. И оба молчат уже так долго, что даже белка пробегает мимо, словно перепутав их с деревьями.

Вдруг раздается скрип. Маленький зверек, на миг застыв на месте, тут же бросается удирать обратно, а из дома выбирается мальчик, видимо, устав прозябать в скуке.

Старик тут же оборачивается.

— Мальчик, иди-ка в дом. — Говорит он тихим, строгим голосом.

— Ну так я же.... — Недоумеваает Алеша, но не успевает даже закончить.

— Иди в дом. — Говорит волшебник еще строже, но тут же смягчается, понимая, что не стоит заставлять мальчика беспокоиться. — Алеша, иди, посиди еще в доме. Потом я все тебе объясню.

Мальчик с удивлением взглядывает на колдунью. Айва сидит рядом со стариком, на еще одном появившемся из ниоткуда камне. Она не двигается, даже голову не поворачивает, сидит молча, немного склонив голову. И все бы ничего, но эта странная, виноватая поза отличается от всех других, какими до сих пор пользовалась колдунья. Всегда она казалась беспечной, легкой, чуждой, а теперь выглядит удрученной.

Впрочем, делать нечего. Приходится слушаться волшебника и идти в дом. И мальчик даже не сердится, хотя все чаще в уме пробуждается сердитое недовольство. На этот раз его легко удастся побороть, и Алеша возвращается в дом, затворив за собою дверь.

Снова тишина. Вновь маленький зверек выбирается на лужайку, опасливо пригнувшись и осматриваясь, но колдунья внезапно заговаривает, и белка тут же шмыгает на дерево, уже, кажется, не собираясь возвращаться.

— Так и будешь молчать? — спрашивает Айва.

Старик вздыхает.

— А что я должен сказать?

— Правду!

Совершенно внезапно Айва оживает. Выпрямив спину, она поворачивается к старику, наклоняется и глядит широко раскрытыми, золотыми глазами, блестящими в редких лучах проникающего сквозь деревья солнца.

— Ты знаешь, что я не виновата! Сдались мне эти пустоголовые бестолочи! — Продолжает колдунья. — Проклятый богатырь! И ночь, и....

— Хватит, Айва, успокойся.

Колдунья стихает, успокаивается, но глаз с волшебника не сводит.

— Ты тоже это знаешь, знаешь, что по-другому просто не вышло. — Говорит она мгновением позже, уже спокойным, тихим и сосредоточенным голосом, все еще храня на лице хмурое выражение, но тут же снова напирает, только уже не повышая голоса. — Так чего молчишь? Отвечай.

— Змея не виновата, что укусила.

— Ты меня со змеей сравниваешь?

Старик не обращает на Айву внимания.

— Змея делает это лишь потому, что иначе не умеет, но когда убивает человек, то у него нет оправдания. И чем больше у человека сил, тем и вина его больше.

Айва ничего не отвечает, но по одному ее взгляду нетрудно угадать, сколько ярости пробуждается в ее уме от таких слов. Отвернувшись и скрестив на груди руки, колдунья хмурится, глядя куда-то в сторону, а потом встает с камня и вновь оборачивается к старику.

— Чушь! Да что ты понимаешь?

Старик не отвечает, и колдунью это только больше злит. Помолчав еще всего миг, она уже не пытается сдерживаться.

— Ты же решил, что мальчишка сказал правду? Будто бы он хочет разбогатеть, хоромы себе отстроить.... Бред!

Старик оборачивается, но не пытается остановить, видя, что колдунья уже распалилась.

— Тише, Айва, прошу тебя. — Лишь говорит старик, пытаясь немного успокоить колдунью. — Мальчик может услышать.

— Да плевать! Не нужны ему никакие богатства, только он сам не понимает! И черт бы с ним! Почему ты до сих пор не догадался? Ему нужна власть! Что он делать будет с хоромами один? Да ему плевать на хоромы! Он говорил, что тогда все будет иначе! Он думает, будто тогда все будет хорошо! Ему нужно знать, что есть место, где он будет в безопасности! Где все, кто ему дорог, могли бы не опасаться умереть от какой-то чертовой болезни! Ему нужна власть! Власть, старик! И ты этого не понял.

Волшебник хмурится.

— Айва, я прошу, успокойся. — Повторяет он напряженно.

— Змея! — Смеется колдунья, игнорируя старика. — Лицемер! Знаешь, что? Я спасу мальчишку и без твоей помощи, а ты сиди тут и дальше, пока лес не проснется!

— Айва! — Повышает голос старик.

Он знает, что не сможет остановить колдунью, что не может пошевелиться, ведь и так уже рискует привлечь ужасных чудищ магического леса тем, что пробудил свои силы, но ум так и просит отыскать возможность что-нибудь сделать.

Айва тоже все это прекрасно сознает, понимает, что сейчас волшебник занят, чтобы хотя бы попытаться ей мешать, и пылкие чувства заставляют Айву действовать.

— Всегда ты твердишь одно и то же, всегда ты пытаешься меня учить. Ты знаешь, что я не виновата!

— Ты знаешь сама, что это не так! Вина лежит только на тебе! Я знаю, что у тебя не было выбора, но это не значит....

— Да ни черта ты не знаешь! — Перебивает колдунья.

И даже повысив голос, старику не удастся остановить Айву хоть ненадолго, чтобы успеть с ней обо всем поговорить.

— Айва! Стой! Что ты задумала?

Колдунья не отвечает. Бурча что-то себе под нос, она заходит в дом, потом выходит, а на лице старика все заметней проявляется беспокойство. Он никак не может увидеть, что происходит, и понять, что задумала Айва, но наверняка понимает, что добром это не кончится.

— Собирайся.... — Доносится до волшебника голос колдуньи из дома, и старик на мгновение застывает, начиная понимать, что задумала Айва.

— Айва. — Зовет он. — Перестань. Ты сделаешь только хуже.

Двинуться старик не может. Ему приходится сидеть, растрачивая все силы на то, чтобы поддерживать спрятанную внутри ямы с камнями печать. И Айва об этом знает, а потому не беспокоится, не прячется, даже не пытается скрывать от волшебника свою затею и скоро выводит из дома удивленного и растерянного мальчика.

— Живее. — Говорит ему Айва. — Путь не близкий.

— Айва, не смей! — Кричит из-за угла старик, и мальчик с недоумением встает на месте.

Колдунья это сразу замечает, берет Алешу за руку и спокойно, без особой спешки, но упорно ведет его куда-то прочь.

Мальчик не успевает даже застегнуть старую, дырявую телогрейку, доставшуюся ему еще от отца. Айва идет не слишком быстро, но Алеша все равно спотыкается, от растерянности не зная, как себя повести.

— Айва! — Доносится голос старика.

Уже в десятке шагов звук начинает тихнуть. Волшебник и не зовет, догадываясь, что Айва не послушает. Теперь ее намерения становятся ясны, надежды, что колдунья лишь капризничает и быстро успокоится, сразу же развеиваются, а пошевелиться волшебник все равно неспособен, иначе рискуя впустую растратить много сил, которые ему нужны были для открытия печати. И можно только позавидовать самообладанию волшебника. Спокойно вздохнув, он лишь на миг закрывает глаза, и даже сейчас остается спокоен, и пока колдунья ведет мальчишку прочь от старого, маленького, тесного домика, волшебник остается поддерживать открытую печать, сохраняя надежду все исправить.

Колдунья быстро узнает, что в местности Алеша совсем не ориентируется. Она даже сердится поначалу, но быстро успокаивается и даже начинает улыбаться мальчику, помня, что это из-за жителей деревни Алеша не выбирался далеко от дома. А к тому же, он всю жизнь провел в этом старом, разваленном жилище, на границе проклятого леса, рядом с людьми, которые всегда видели в мальчике только монстра.

Впрочем, дорогу удастся отыскать легко. Айва и сама плохо знает эти земли, но ей известно, что где-то вблизи от первых деревень обязательно должен находиться княжеский город. Княжества на этих землях никогда не были большими, так что в нескольких днях пути отсюда должен быть город, а в самом неприятном случае до него десятков дней пути верхом.

Пробираясь через кусты и полосы леса, обходя дома стороной, Айва с мальчиком находят дорогу, колею, едва не успевающую целиком зарости травой. Колдунья, ухмыляясь, поворачивается к мальчику и готовится показать ему величие своего могущества и развлечения, по которому она успела соскучиться, и тут же обретает радостный вид.

— Смотри внимательно, мальчишка! — Заговаривает Айва воодушевленным голосом. — Сейчас ты узришь мою истинную силу!

Алеша раскрывает удивленно глаза, а колдунья простирает к небу руки, и будто специально в это мгновение ударяет гром, прокатываясь волной дрожи по серому осеннему

небу. Мальчик едва не вздрагивает, изумленный, но Айва и сама пугается грома, опускает руки и поворачивается с хитрой улыбкой.

— Ну, может и не истинную силу... но будет весело!

Колдунья вдруг становится похожа на девочку, улыбается, радостно встряхивает кулаками и даже подпрыгивает, и Алеша, глядя на нее, совсем теряется.

— Ну что, готов? — Успокаивается колдунья. — Вперед, мальчишка! Насладись этим мгновением как следует!

Ничего не объясняя, Айва начинает быстро рисовать прямо в воздухе печать. Тонкими, длинными пальцами она легко и непринужденно водит перед собой, заставляя проявляться в воздухе магический символ. Наполненный множеством граней и линий, он одним своим видом уже может впечатлить, но нарисованный изящными жестами прямо на весу, там, где только что ничего не было, хотя бы маленькой дымки, магический знак превращается в зрелище, которое околдовывает и завораживает мальчика своей красотой.

Знак выглядит совсем иначе, чем те, которые видел Алеша. Он и тогда едва успел их разглядеть, а на этот смотрит вблизи, но все равно мальчик способен заметить, что этот знак гораздо сложнее, в нем намного больше линий и черт, но разглядеть его как следует, Алеша все равно не успеваает.

Едва Айва заканчивает рисовать знак, как он начинает светиться, разрывается ослепительной вспышкой и исчезает. А в следующее же мгновение Алеша начинает взлетать, неуклюже барахтаться в воздухе и в испуге тянуться руками к колдунье, в попытках ухватиться хоть за что-нибудь.

Айва, смеясь, поднимается в воздух одновременно с мальчиком. Сжалившись над ним, она подтягивает Алешу к себе, и тот мгновенно обхватывает колдунью руками, вцепившись так крепко, как только может.

Колдунья взглядывает на мальчика странным, необычным взглядом, добрым и чутким, гладит по голове и легко успокаивает одним лишь этим прикосновением.

— Не бойся, мальчик. — Улыбается она. — Почувствуй, как ветер несет тебя на своих крыльях.

И в следующее мгновение ветер, как и сказала колдунья, быстро уносит ее вместе с мальчиком вдаль, оставляя позади дом, старика и весь прежний мир Алеша, с которым мальчик так и не успеваает проститься.

Старик же остается неподвижно сидеть на камне, продолжая магический ритуал. И легче заметить то, сколько волшебник тратит усилий, чем то, какие результаты это дает. Под светом наконец появившейся на небе луны, у него на лбу начинает блестеть пот, но вокруг ничего не меняется, все так же лежит, распластавшись перед волшебником, плоская, неглубокая яма из камней, а он все так же сидит и на утро, не смыкая глаз и держа ладони над камнями.

И все же, к утру что-то изменяется. Услышав громкий шорох поблизости, старик напрягается. Он всматривается уставшим взглядом туда, откуда пришел звук, хмурится, ждет, что к нему может выскочить зверь, пусть даже и не пораженный опасным проклятием, но из кустов выскакивает маленький грызун и тут же уносится в сторону, где и исчезает.

После этого старик, вздохнув, начинает бубнить. Вокруг него постепенно вырастает большой круг из маленьких камней, но затем камни врастают обратно в землю, прячась за ее покровом. Теперь волшебник позволяет себе вздохнуть немного спокойней.

Круг из камней, полоса шириною в целых несколько шагов, уже почти успела исчезнуть

вновь, зарастить обычной травой и укрыться землей, и осталась лишь тонкая полоска, едва заметная под ковром преющей травы и листьев, как вдруг, старик замолкает, расслышав позади шорох.

Волшебник поворачивает голову, а обернувшись, тут же замирает, увидев полное сердитого гнева, испуганное и растерянное лицо незнакомой женщины.

Маленькая старушка похожа на опоясанную бочку, в сарафане и с фартуком, в разодранной душегрейке, от которой кроме меха ничего почти не осталось, и со злобным, ненавидящим взглядом, стоит и молча смотрит, будто не знает, что сказать. Старик только открывает рот, но женщина тут же оживает и заговаривает.

— А ну молчи! Молчи, проклятый! — Ругается незнакомка.

И волшебник подчиняется, хотя его покорность старушку все равно не успокаивает. Она вдруг теряется, поудобнее перехватывает длинный серп, успокаивается и заговаривает только спустя несколько мгновений.

— А ну отвечай, — строго велит старушка, — да врать мне даже не думай, ясно? Говори, проклятый, чего с мужиком моим сделал? А ну!

Старик поворачивает голову сильнее, хотя и не может развернуть ее полностью, ведь старается не двигать всем остальным телом, а потому глядит лишь искоса, но даже и так давая разглядеть свое изумление.

— Откуда же мне знать, как выглядит твой мужик? — Спрашивает волшебник спокойно, пытаясь не раскалять ситуацию.

Старушка вдруг теряется, и становится ясно, что пришла она без четкого плана, раз таким простым вопросом удастся ввести ее в ступор, но прежде чем она решается что-нибудь сказать, волшебник заговаривает снова.

— А впрочем, тут и думать нечего. — Говорит он, спокойно отворачивая голову к яме, полной камней. — Никого здесь не было, так что мужика твоего я не видел.

Взгляд женщины начинает пылать яростью уже тогда, когда старик не успевает произнести из всех слов и половину, а только он договаривает, как незнакомка тут же делает шаг вперед, заноса руку с крестьянским оружием.

— Врешь! — Говорит она с таким чувством, что хрипота в голосе пробивается даже без крика. — Небось, за дуру меня держишь?!

Старик поворачивает голову и снова взглядывает из-за плеча, и на этот раз женщина успевает заметить его изможденное лицо, такое измотанное, будто старик только вышел из темницы, женщина на миг успокаивается. Сочувствие не задерживается на лице старушки, и она мгновенно облачается в еще более гневное выражение.

— Правду говори! Отвечай, проклятый!

— А с чего мне врать? — Спокойно отвечает волшебник.

И женщина делает еще шаг.

— Думаешь, не смогу ничего?! — Потрясает она серпом и подступает еще на шаг. — Да коли надо, я тебя по частям так мелко нарежу, что даже муравьям растащить будет несложно. А ну, правду мне говори!

Старик остается невозмутим. Неторопливо он поворачивает голову обратно, но теперь продолжает выглядывать из-за плеча время от времени, следя за тем, как близко подобралась старуха.

— А я честно и сказал. — Говорит старик. — Не видел я никого.

Женщина подходит еще ближе на шаг, но заговорить не успевает.

— Сижу уже третий день тут. И никого не видал. — Продолжает волшебник.

И вдруг, женщина останавливается. До тонкой, светлой полоски камней, которую она не замечает, остается всего шага три, да еще шага четыре от полосы до старика, но слова волшебника неожиданно легко запутывают незнакомку, и она даже немного опускает серп, взявшись за него обеими руками.

— Как же, третий день? — Щурится женщина, заговорив спокойнее. — Врешь, небось! Старик в ответ даже посмеивается.

— Да зачем мне? — Кряхтит он устало. — Ты на лицо мое глянь. Я аж сам чувствую, как щеки впали. Стоило заговорить, как они только от зубов отлипли.

И теперь, приглядевшись внимательней, старушка все же слегка позволяет себе разжалобиться, но и поверить так просто словам волшебника не желает.

— Да как же это? — Прищуривается она слегка. — Сюда они и пошли вчера, да так и не вернулись. А ну правду мне всю говори? Чего сделалось с ними? Небось, видал.

Старик опять вздыхает, сознавая, с каким столкнулся упорством, но женщина еще больше смягчается и подходит еще на шаг, внезапно сильно переменившись в выражении.

— Али боишься чего? — спрашивает она жалостливей. — Так ты скажи. Но ежели соврешь....

Она уже собирается подступить еще на шаг ближе, как вдруг старик оживляется.

— Стой, где стоишь. — Велит он строго.

Незнакомка, испугавшись, даже прижимает серп к груди, вцепившись в него обеими руками. В первый миг она широко раскрывает глаза, не в силах побороть испуг, но затем, опустив взгляд, начинает стыдиться, виня себя за внезапно охвативший мысли страх. Сразу после старушка перехватывает серп в одну руку, опять начинает глядеть на старика гневно, но стоит на месте, как он и велел.

— А с чего мне тебя слушать? — Говорит она.

И волшебник мгновенно успокаивается, видя, что женщина пока не собирается подходить ближе.

— Слушать меня не обязательно, — спокойно отвечает волшебник, — но иначе, живой тебе не уйти.

Незнакомка тут же снова вскидывает руку с серпом, будто бы может достать с такого расстояния и сердито хмурится, забывая о жалости.

— Да ты, видать, совсем ополоумел?! — Ругается старушка. — Пугать меня удумал?!

— Вовсе нет. — Сразу же отвечает старик. — Хочу предостеречь.

Женщина отшатывается на шаг назад, вздыхает испуганно и крепче хватается за серп.

— Ах! — Прикрывает она рот, а руку с серпом выставляет перед собой. — Да ты никак меня отвадить отсюда хочешь?! А сам-то ты кто такой? Небось, леший, али перевертыш, али еще какая дрянь?

— Перевертыш? — Удивляется волшебник. — А видала ли ты хоть одного? Знаешь хоть, что перевертыш лишь тем может обернуться, чей крови сумеет испить? А теперь подумай, будь я перевертышем, где бы я тут, в лесу, кровь человеческую нашел?

— А....

— А будь я еще чудищем каким, так на человека бы не был похож. — Не дает волшебник перебивать. — Или не видала никогда чудищ? Оно и видно, раз честного человека дрянью всякой зовешь.

Женщина задумывается, и тут же становится ясна простота и откровенность ее

спокойного ума, зревшего на окраине людских земель.

— И то верно. — Честно признает старушка.

Хотя и серп она не опускает, а уже в следующий миг снова исполняется сердитой подозрительностью.

— Да только зубы мне не заговаривай! — Вдруг снова потрясает женщина серпом. — Коли ты не перевертыш, так откуда ж столько знаешь? Врешь, поди!

Старик устало вздыхает, качает головой, но остается спокоен.

— Не вру я, никакой я не перевертыш.

— Да мало ли, — тут же заговаривает женщина, — какая еще нечисть тут водится? Вон, на себя погляди, хуже мертвеца.

— Меня бояться не стоит. — Говорит старик, чтобы не давать молчанию затянуться.

Женщина лишь снова щурится, незаметно старается подступить ближе, только старик это замечает.

— А вот ту ведьму, которая меня заколдовала....

И ему даже не приходится договаривать. Незнакомка тут же приседает, будто сейчас не устоит, но не падает, а мгновенно берет себя в руки, прижимая серп к груди.

— Ведьму?! — Изумляется она.

Затем, женщина испугано, хотя и внимательно оглядывает старика и, кажется, легко проникается его словами. Во всяком случае, с его уставшим видом, оказывается нетрудно запутать легковерную крестьянку.

— Иди ж ты! — Удивляется женщина. — Да быть того не может!

— А ты взгляни на меня. — Отвечает старик. — Хуже мертвеца. Не твои слова ли?

Женщина молчит, но старик не дает времени раздумывать.

— Вот что, — зовет он, выглянув опять из-за плеча, — лучше уходи скорей, пока она не вернулась. И подходить ко мне не вздумай, я уже не жилец, но ты еще можешь уйти.

Незнакомка молчит, отступает на шаг назад, а затем возвращается на полшага.

— А как же мужик мой? Как же я.... — Начинает она тихо шептать.

— Здесь их не ищи. — Сразу перебивает старик. — Здесь их точно нет. А про ведьму и думать забудь. Поняла? Иди домой, займи себя делом. Само все как-нибудь да наладится.

— Да как же я без мужика-то своего? — Начинает женщина чувственно причитать, делая еще полшага вперед.

— Назад! — Тут же повышает голос старик.

И этим он легко заставляет незнакомку отступить еще на два шага, хотя она и хватается вновь за рукоять серпа обеими руками, опять сердито хмурится, глядит недоверчиво, а взяв себя в руки, снова шагает вперед, становясь на прежнее место.

— Это что же мне теперь, — говорит она печальным голосом, хотя и с сердитым выражением, — что же, просто бросить о них думать? Да ты чего....

— Я не говорил тебе забыть о них. — Вновь перебивает старик. — Но если с тобой что случится....

Женщина не перебивает, слушает внимательно и еще несколько мгновений всматривается в затылок старика, ожидая, что он закончит фразу, но волшебник намерено этого не делает.

— Погляди на меня. — Вдруг заговаривает старик вновь, подождав немного. — Мне отсюда уже не выбраться, но ты должна уходить, пока ведьма сюда не вернулась. Хотя, вряд ли она станет приходить на проклятое место. Забудь сюда дорогу, и никому не говори, что

здесь видела. А иначе, она найдет тебя.

Женщина продолжает молчать. Она даже не шевелится какое-то время, и старик не сразу догадывается, что так просто смог напугать незнакомку больше, чем собирался.

— Иди же, скорей. — Говорит волшебник громче, стараясь расшевелить женщину.

И тогда женщина, помявшись, опускает серп, начинает кивать, отступает на шаг, а затем поворачивается, но застывает.

Она уже ничего не успевает сделать, даже просто вскрикнуть. Волшебник, отвернувшись, слышит, как позади раздается странный звук, короткий рык, а после жуткий, пугающий хруст сломанных костей, но громкий, отчетливый и потому ужасающий.

Старик тут же поворачивает голову, все еще оставаясь сидеть и не двигая больше ни одним мускулом. И хотя он не может заглянуть за спину, но даже и так видит, как валится на землю обезглавленное тело старушки, заливая полянку вокруг быстро натекающей кровью, а за телом женщины остается стоять громадный зверь, сжимающий челюсти и ломающий пастью кости сломанного черепа.

Пораженный. Волшебник даже так это понимает, видя зверя лишь краем глаз. Половина морды неестественно большого волка раздулась, клыки торчат из-под губы в разные стороны, и мерзкая, ядовитая вонь постепенно вытесняет остальные запахи.

Зверь начинает рычать, оскал становится шире, раздается грозный рык, и зверь пригибает голову, собираясь рвануть вперед. Жуткий звук издает он, готовясь наброситься на следующую жертву. Рык совсем не похож на тот, который издают деревенские собаки, пусть даже самые злые из них. Его рычание будто бы рождается в глубине тела, а просачиваясь через сжатые зубы, становится грозным еще больше, и так жутко гремит, что кажется, будто даже кривые, торчащие в разные стороны клыки, от этого звука начинают дрожать.

Волшебник остается спокоен даже в такой миг, и вместо того, чтобы хоть подвинуться, он начинает оглядываться по сторонам, с подозрительностью осматривая ту часть окружающего пейзажа, которая состоит из деревьев и кустов и до которой способен дотянуться его взгляд.

— Не стоит тебе этого.... — Начинает старик.

Зверь не слушает, не терпит, когда волшебник закончит и наговорится, он снова начинает рычать, и теперь еще злее, готовясь в следующее мгновение растерзать жертву, он срывается с места и бросается вперед, но волшебник даже сейчас не реагирует, лишь смотрит из-за плеча, но не собирается пошевелиться.

Зверь разевает пасть, продолжая рычать. Бросившись вперед, он мгновенно, одним прыжком добирается до тонкой линии из камешков, окружающей старика, и еще только касается лапами земли, не успевает ничего понять, рвется вперед, чтобы вонзить клыки в шею волшебника, как земля под его ногами вдруг проваливается. Всего мгновение, всего касание, как почва исчезает из-под волчьих лап, внезапно обращаясь чернотой бездонного подземелья, а старик так и продолжает смотреть за спину на зверя, пораженного колдовской чумой проклятого леса, пока тот не проваливается вниз, в разверзнувшуюся вмиг яму.

Старик, взглянув на труп несчастной старухи, вздыхает и начинает бормотать, и вскоре дыра в земле опять зарастает почвой и травой, а волшебник, освободив уста, снова начинает с подозрением всматриваться в окружающие кусты, но сколько он ни ждет, никто больше не появляется из леса.

Не зная о том, что происходит с волшебником, колдунья в то же самое время никак не

может нарадоваться чистой прохладе влажного, осеннего запаха. Ветер стремительно уносит колдунью вместе с мальчиком все дальше от проклятого леса, и Айва долго не может нарадоваться долгожданной радости полета.

В нескольких аршинах над землей, Алеша едва может что-то разглядеть. С удивлением он обнаруживает, что земля внизу проплывает так стремительно, что глаза сразу начинают болеть, как только попытаешься всматриваться и различать детали.

Вдали медленно движутся кусочки леса, а впереди бескрайнее поле. Сквозь шум ветра, закладывающего уши, иногда слышится звонкий смех колдуньи, и Айва даже не оглядывается на мальчика, все не уставая радоваться и время от времени громко и довольно хохотать. А Алеша, прижимаясь к колдунье, с опаской глядит вниз, предвкушая долгую и беспокойную ночь, и при всем желании не избавляясь от назойливого страха.

Когда наступает утро, старик как раз заканчивает ритуал. До сих пор он не перестает оглядываться, все дожидаясь, когда покажется новый зверь. Впрочем, никто не собирается беспокоить волшебника, и ему приходится отвлечься от волнений, чтобы закончить начатое.

После долгих ожиданий и скучного труда, просидев все время неподвижно, растратив много сил, волшебник напрягается снова, чтобы закончить работу. Вдруг, камни в яме перед ним начинают шевелиться. Вскоре, будто из воды, из ямы, забитой камнями, поднимается заметная, изменившая цвет и ставшая темно-красной, фигурка. Лишь тогда старик позволяет себе выдохнуть, расслабиться и, наконец, пошевелиться, чтобы забрать готовый амулет, изготовленный из собранных им трав, подготовленных Алешей.

Заготовка из глины, на которую старик убил почти целый день, теперь уже становится ненужной. Аккуратно сдавив ее между ладоней, волшебник заставляет разломиться слой пересохшей и отвердевшей глины, и в его руке остается лишь маленький, темно-фиолетовый камешек странной формы.

Старик присматривается с недоумением, хмурится, словно увидел что-то неожиданное. Амулет не напоминает своей формой ничего особенного. Скорее, он похож на слепок, получившийся случайно, на кусок слипшейся грязи.

У волшебника не остается времени для раздумий, и он прячет амулет в маленькую, кожаную сумку на поясе, которую обычно не увидать из-за плаща. Не медля, старик оборачивается в сторону, куда ушла колдунья, но не торопится сразу пойти следом. Прежде, он заходит в дом, отыскивает припасы, которые Алеша хранил в тесном погребе в доме, но после, волшебник тут же выходит, набрав в дорогу еды, но не собираясь оставаться дольше ни на мгновение. И проглатывая овощи на ходу, старик отправляется в путь, закрыв дверь, но понимая, что вряд ли ему придется сюда когда-либо вернуться.

Айва готовится закончить путь, уже промчавшись на крыльях ветра до столицы окраинного княжества, а старик лишь сейчас отправляется следом за ней и мальчиком, но обоим новый день встречает холодной серостью осеннего неба. Тепло продолжает с каждым мгновением покидать уставшую от жаркого лета землю.

Глава 11 — Слабое место

Старый город, давно уже забывший первые лета своей истории, живет привычным шумом. На окраине женщины, не уставая шуметь и звонко смеяться, несут по улице полные ведра холодной воды, сгибающие усталое коромысло, вокруг бегают дети, мелкие дворняги, несколько мужиков пытаются вытащить застрявшую в луже телегу с бочками, и уже на окраине города шум проглатывает любого путника городским ритмом.

Все здесь одеты в простые наряды. На женщинах броские сарафаны, на некоторых фартуки, но почти у всех дырки или заплатки на одежде. Мужчины и вовсе все почти, как один. На всех широкие штаны, заправленные в измазанные грязью сапоги, каждый почти в опоясанной рубаше и телогрейке. У некоторых на головах шапки, и легко понять по одному взгляду, что кругом одни бедняки.

Утро принесло уже на улицы шум. Прохожие, заметив лежащего на обочине здоровяка, тычут пальцами, смеясь, как вдруг появляется старая, очень злая женщина. Подойдя к спящему в грязи мужику, она вдруг начинает шумно ругаться, бить его ногой, а затем, разбудив, расталкивает из стороны в сторону, пытаясь утянуть домой.

— Рвань ты подзаборная! — Ругается женщина. — Да за что мне горе-то такое?!

Прохожие и знакомые, соседи и те, кто случайно оказался рядом, все тычут пальцами и смеются, не замедляя шага, но уделяя зрелищу много внимания. И женщина этим пользуется.

— Ты погляди, у, позорище! Чего люди-то скажут?!

И так она и продолжает ругаться и медленно тянет мужика в сторону дома, пиная и волоча его по земле, роняя в грязь и этим порождая новые волны громового хохота.

В это же время, пока все смеются над пьяницей и его старушкой-женой, на улице появляется странная женщина, одетая в черное платье, в черных сапогах и с примятой к макушке широкополой шляпой.

За ней плетется мальчик лет тринадцати или четырнадцати на вид. Выглядит он ужасно. В старой одежде с заплатками и дырками, в грязных лаптях, с перепачканным лицом и разбитыми от мозолей, шрамов и царапин руками. И даже сейчас, когда все смеются над пьяным мужичком, которого стареющая жена, ругаясь, валяет в грязи, колдунью все равно замечают и оглядываются на нее с подозрением.

— Живей иди. Ты чего застрял? — Поворачивается Айва.

Алеша тут же переводит на нее растерянный взгляд, но колдунья успевает заметить, с каким интересом он глядит на окружающих. Впервые оказавшись среди людей, мальчик тут же находит, куда употребить свой интерес, и если бы не колдунья, Алеша так и таращился бы на прохожих. Айва понимает, что нужно быстрее скрыться с глаз и уводит мальчика в ближайший переулок.

В одном дворе развешено мокрое белье, которое треплет ветер, а за соседним забором женщина рубит курице голову, и мальчик тут же сглатывает слюну, а чуть дальше низенький старичок ударяет по бревну топором, раскалывая его надвое, и Алеша сам не замечает, как уже снова отвлекся.

— Эй! — Наклонившись, дергает его за рукав колдунья. — Сюда слушай, дурень. Идем, пока нас не схватили. Да быстрее же! Насмотришься еще.

Алеша подчиняется. А дальше, приходится весь день прятаться в какой-то подворотне, но даже отсюда удается подсматривать за городскими жителями, так что мальчик не

жалуется, хотя день проходит скучно, и ничего почти не происходит.

Один раз удастся снова полюбоваться магическим знаком, нарисованным колдуньей в воздухе, но уже к вечеру, а вскоре после, когда темнеет, сам собой прилетает целый пирог и удастся перекусить, но на этом все приключения заканчиваются.

Наступает тьма, ночь опускается на землю, но город все еще не спит. Мужики, разгружавшие телегу, только сейчас бросают ее в луже, утащив куда-то бочки, по улицам еще ходят с факелами редкие прохожие, и город засыпает гораздо позже, чем мог бы подумать Алеша.

О ночлеге мальчик и вовсе не задумывается до тех пор, пока его не начинает клонить в сон, но вот странный взгляд колдуньи он замечает еще днем.

— Чего? — Вдруг спрашивает Алеша, заметив в тусклом свете молодой луны, что Айва вновь на него смотрит.

— Ничего. — Спокойно отворачивается колдунья.

Алеша вдруг чувствует, как в уме быстро накипает злоба и удерживается лишь потому, что вспоминает слова волшебника, говорившего не поддаваться эмоциям.

— Чего я, не вижу что ли? — Говорит мальчик сердито, но сдержанно.

Айва тут же поворачивается к Алеше всем корпусом, на миг оставив мысли о ночлеге, которые ее занимали.

— Видишь что? — Прищуривается она.

— Как смотришь весь день! — Вспылив, повышает мальчик голос, но от строгого взгляда Айвы, и все еще помня наказ старика, он насилу заставляя себя успокоиться. — Как на... как на....

Подобрать сравнение Алеша долго не может, как ни пытается, ведь в его доме, когда еще были живы сестры и родители, все смотрели с теплом лишь друг на друга, а весь оставшийся мир представлялся угрозой, с которой ежедневно приходилось сражаться, чтобы выжить.

— Как на дохлую курицу! — Вспоминает мальчик взгляд одной из сестер, заметив в лице Айвы отголоски этого выражения, но голос его теперь становится больше виноватым, чем злым. — Чего я сделал-то?

Айва не злится, даже улыбается и хлопает мальчика по голове, вручая оставшуюся часть пирога.

— Странный ты, вот и смотрю. — Отвечает колдунья. — Мы когда спустились, то ты молча за мной пошел, даже ничего не сказал, будто бы так и должно быть.

— Когда это? — Недоумевает Алеша.

— Когда? Ну ты даешь, мальчишка. Ты летел, понимаешь?! Летел! — Не сдерживает Айва удивления, но тоже быстро успокаивается. — А только встал на землю, даже не... странно это.

Колдунья, задумавшись, опять начинает разглядывать Алешу, и он даже в ночи это замечает, хотя теперь, сам не зная, почему, не сердится, а вместо этого чувствует смущение.

— А чего надо было делать?

— Да ничего. — Отвечает колдунья, отворачивается и замолкает ненадолго.

Какое-то время она сидит молча, раз взмахнув ладонью и больше ничего не делая, а как только Алеша доедает пирог, Айва поднимается с земли, приглашая его за собой.

— Ну, идем. — Легким взмахом она отряхивает платье, но от ее ладони по одежде бьет такой сильный ветер, что даже мальчик прищуривается.

Приходится следовать за колдуньей, но больше все равно делать нечего. Алеша молчит, успевает забыть свою злость и возобладать над чувствами. Да и уже клонит в сон, мальчик не привык оставаться на ногах в такое позднее время, и начинает спотыкаться на ходу.

Один раз Алеша даже падает, но Айва только велит ему не шуметь и живет подниматься и ведет дальше. Скоро она приводит мальчика в переулок, где стоит разваленный, старый, дырявый сарай.

Легко сломав пару досок и отодвинув их в сторону, Айва заглядывает внутрь, но там почти ничего не оказывается. Старые инструменты, сломленные черенки, грязные мешки, непонятно с чем, куча пыли и собачья вонь — вот и все, что отыскивается в заброшенном сарае.

— Фу. — Отворачивается колдунья, вдохнув плотный, душный, наполненный закружившей пылью воздух.

Только она высовывает голову, как в стороне медленно, с опаской, боязливо выбирается из сарая маленькая собачка. Выбравшись наружу с поджатым хвостом, собачка тут же начинает скулить, не дожидаясь, пока ее хотя бы заметят и с лаем уносится куда-то прочь, напрасно испугав своим внезапным появлением.

— Шавка проклятая. — Сдержано ругается Айва, но тут же это перестает заботить колдунью и она подвигает мальчика рукой. — Ну-ка, отойди.

Айва взмахивает ладонью, и внутри поднимается шум. Даже ночью, в свете молодой луны, едва освещающей город, можно заметить, как через щель между сломанных Айвой досок вылетает плотное облако пыли. По воздуху, на улицу выбирается вся грязь, вся пыль, вылетают мешки, начинают ударяться друг о друга с глухим звуком и мигмом влетают обратно. Затем, Айва снова раздвигает сломанные доски, проходит вперед, а миг спустя высовывает голову и смотрит на застывшего на месте Алешу.

— Заходи, чего стоишь? — Велит она сердито, берет мальчика за руку и затягивает в сарай.

Внутри оказывается уже не так грязно. Скоро Айва опять рисует магический знак, а через какое-то время в сарай прилетает целый стог сена, охапками растянувшийся в целый караван и пролетев так аж через несколько домов. Здесь стог укладывается на землю, на него сразу ложатся сами собой пустые, уже чистые от пыли мешки, а сверху падает Айва, с удовольствием растягиваясь на приготовленной кровати.

Сделав глубокий вдох, колдунья тут же встает.

— Вот же шавка вонючая. — Тихо ругается она, снова рисуя магический знак. — Дышать невозможно.

Мешки тут же отправляются в угол сарая, а им на смену прилетают чистые простыни, и теперь уже Айва, растянувшись на соломенной куче, вытягивает ноги и ерзает, устраиваясь поудобнее.

— Иди сюда, ложись. — Хлопает Айва ладонью по соломе, укрытой простыней и хитро улыбается. — Или боишься?

— Ничего я не боюсь. — Обижается мальчик и укладывается рядом.

Алеша ложится спиной к колдунье, она тоже отворачивается и велит засыпать, и только мальчик закрывает глаза, как тут же проваливается в черноту забытого сна.

Просыпается Алеша так же внезапно, как уснул. Где-то неподалеку кричат петухи, мимо пробегает свора городских собак, с улицы доносится шум, скрипит проезжающая телега, переговариваются мужики, а где-то вдали звонко смеются женщины. Весь этот

непривычный шум сразу вырывает Алешу из сна, но только открыв глаза, мальчик тут же застывает.

Айва дышит прямо мальчику в ухо, и ее горячее дыхание парализует Алешу, пробуждая неизвестные ему чувства. Алеша на миг даже перестает дышать, хотя сам этого не замечает. Он медленно опускает глаза, стараясь не шевелить головой, еще только начинает чувствовать остальное тело, руку колдуньи на своей груди и ощущает, что нога Айвы лежит у него на правом бедре и упирается в левое колено.

Не успевает мальчик ничего сделать, как Айва вдруг шевелится, постанывает, когда сон отпускает ее ум проснуться, сжимается, проводит ладонью по груди, и Алеша, вздрогнув, застывает, будто к его горлу приставили нож.

Колдунья открывает глаза. Заметив мальчика, она прищуривается с легким недоумением, поднимает голову, оглядывается, но только через миг понимает, что случилось, улыбается и кладет голову обратно на плечо Алеши.

— Повезло тебе, сопляк. — Шепчет она ласковым голосом прямо в ухо, заставляя мальчика снова вздрогнуть. — Надеюсь, ты успел насладиться мгновением.

И после Айва спокойно поднимается, непринужденным взмахом поправляет задравшийся почти до самых колен подол и встает с соломенной кровати, оставив оцепеневшего мальчишку дальше заливать краской, лежа на простынях.

Вдруг, колдунья тоже застывает.

— Тихо. — Шипит она, не поворачиваясь к мальчику.

И хотя Алеша и так не двигался и ничего не молчал, он все равно застывает.

Где-то рядом звучат женские голоса, но Алеша их только замечает, даже удивляясь, как не услышал раньше. Женщины должны быть совсем рядом, можно даже услышать, о чем они говорят, но ничего интересного в беседе для мальчика, да и для колдуньи все равно нет, хотя Айва все равно прислушивается и выглядывает из щели на улицу.

Заметив, что несколько женщин развешивают белье, колдунья сразу присматривается. Три соседки болтают и смеются, доставая из плетеных корзин тряпки, и Айва угадывает, что непременно получит возможность что-нибудь стащить.

Первыми для сушки отправляются разные портки, детское белье, простыни, не интересные Айве, так что ей приходится терпеливо дожидаться, когда женщины, наговорившись, закончат развешивать прямо на заборах стиранную одежду.

— А ты чего делаешь?

— Да тихо ты! — Тут же рывкает на мальчика Айва, но оборачивается, взглядывает на него и смягчается. — Тряпки какие-нибудь хочу стащить.

Алеша молчит какое-то время, но снова не сдерживается.

— А зачем тебе? — Шепчет он.

Колдунья поворачивается и глядит недовольно, потом отворачивается и вздыхает.

— Тихо не можешь посидеть? — Шепчет Айва в ответ. — Мне что, ветром звук твоей болтовни разгонять? Одеть мне нужно что-то, чтобы днем на улицу выйти, сам не видишь, как я выгляжу?

Алеша выслушивает, но вместо того, чтобы потерять интерес, наоборот, отыскивает для него уже новый повод.

— Ветром? Звук? — Поднимается он с соломы. — А ты и такое можешь.

Айва вздыхает, но и ее сердитого вздоха достаточно, чтобы мальчик, наконец, прекратил разговаривать. Усевшись на стог, он оглядывается, не находит себе занятия,

падает обратно на простыни и дожидается, когда Айва сама захочет проявить к нему интерес.

Ждать приходится долго. Айва и сама устает прятаться в сарае, выжидая удобный момент, но приходится слушать болтовню женщин, развешивающих белье.

— Ха-ха! — Смеется одна из них. — У меня аж в груди кололо, когда бедная его по улице гнала!

— Эт кого ж? Ваську что ли?

— Ну а кого ж еще-то? Всего в грязи вымазала!

Нетерпеливый ветер вдруг срывает с забора большую тряпку, но не успевает ее унести, и одна из женщин хватает и вешает ее обратно.

— Ах! — Вздыхает одна из них, заметив, как серая накидка слетает с забора. — Ох! Ты ж погляди, что делается-то! Чуть грязью вся не обляпалась!

Соседки переглядываются, улыбаясь.

— Да и бросила бы уж эту тряпку! — Говорит одна из них. — Ты глянь, дырявая ж вся!

— Ишь, умная. — Отмахивается женщина. — Чего я, зря ее что ль выстирывала, а? Руки морозила себе!

— Ой, да ну тебя. — С улыбкой отмахивается соседка, естественно и непринужденно уводя разговор в сторону. — Да и чего там эти тряпки! Слыхали? Баба Марфа давеча, говорят, нечистую видела.

— Ой, врешь! — Тут же хватается одна из соседок за грудь.

А вторая, повесив тряпку обратно на забор, подходит ближе, тоже обретая удивленное выражение.

— Чего воду баламутишь-то? — Ругается она тихо. — Придумала она, небось.

— Да придумаешь такое! — Возражает женщина. — Говорит, вышла на крыльцо, нечистую почуяла, а токмо за порог ступить решила, так свеча погасла. Она только зажжет, а свечка тухнет тут же!

— Ох, да ветер же!

— Да погоди ты! Она, говорит, в третий раз свечу зажгла, шагнуть не успела, а та как выскочит! Да как начнет по порогу, как мышь, шнырять! И туды, и сюды! И так и бросалась сама собой по сторонам, как ужаленная!

— Кто?! — Удивляется одна из женщин. — Баб Марфа?!

— Тьфу на тебя, ухо ты дырявое! Какая баба Марфа?! Говорю же, свеча! Как выскочит, да как начнет....

— А ты и поверила! — Упирает другая руки в бока. — Старая уж баба Марфа! Ежели и не выдумала, так привиделось ей!

— И ничего она не выдумала!

— Да откуда ж тебе знать-то?!

— А откуда! Она ж утром-то вещи стирать не пошла, ну так я зашла к ней. А вдруг случилось чего? А она дома заперлась, не открою, говорит! Ну да, как меня узнала, открыла, но пускать не стала. А я все равно все увидела! Что она, что сын ее, сидят оба дома, белые, как мертвецы! Вот ты сходи, погляди на них сама, а там и говори потом, что выдумывает!

— Хех! Кто? Васька-то?! Дома сидит? Ну, удивила! Небось, ленится, как всегда. Вымахал, лоб, а ума так и не набрался!

— Да ну тебя! — Взмахивает женщина ладонью, не сдерживая улыбку.

На миг беседа заканчивается, и у женщин появляется время оглядеться.

— Ах! Ой! — Вздыхает одна из них, оглянувшись, но не сумев отыскать старую, дырявую накидку, которую только что повесила сушиться на заборе. — Ох, чур меня! Накидки-то и нет! Да вы гляньте! Отвернулась, а и нет ее уж нигде! Вот же чертовщина творится! Видать, правду баб Марфа сказала! Теперь и до нас добралось! Ой, что ж делать-то теперь!

Другие две переглядываются, замирают и вдруг звонко рассмеиваются.

— Ахаха! — Смеется одна из них. — Видать, из самой тьмы нечистая пришла! Ахаха! За тряпками-то твоими! Ахаха!

Вторая сгибается пополам, держась одновременно за живот, разболевшийся от смеха, и за спину, ноющую от усталости, и все равно не удерживаясь от шутки.

— Ой! Ха-ха! Портки... портки держи! Ха-ха! А то... ха-ха... нечистая растащит!

И соседки еще сильнее заливаются смехом, чуть ни падая на землю. А женщина, поглядев на них с сердитой обидой, возвращается к делам.

— Тьфу! — Бросает она голову вниз, после чего достает из корзины белье и молча продолжает развешивать.

И еще долго продолжает кругом разливаться звонкий смех, но уже скоро Айва с мальчиком перестают его слышать. Колдунья, укутавшись в серую тряпку, сильно горбясь и притворяясь старухой, быстро уводит мальчика подальше в город.

— Ну вот. — Говорит колдунья по пути, стараясь шептать мальчику на ухо, чтобы прохожие не услышали. — Найдем постоянный двор, возьмем там комнату, и.... Кстати, а деньги-то у тебя есть?

Айва останавливается и поворачивает мальчика лицом к себе, но даже отвечать Алеше не приходится.

— Да откуда у тебя деньги? — Тут же отпускает его Айва и продолжает рассуждать вслух.

Мальчик замедляет шаг.

— А..., то, что женщины там говорили....

— О чем?

— Ну, что свеча прыгала... это ты была, да?

— И когда бы я успела? — Отвечает Айва с недовольством в голосе. — Нет. Это была другая колдунья. Глупостью зовется.

Алеша не сводит с Айвы глаз.

— Ну чего еще? — Замечает она его взгляд.

— Колдунья? — Удивляется мальчик. — А ты, разве, не волшебница?

Айва улыбается по-доброму, ласково, но эту редкую улыбку все равно не видно за серой тканью.

— Запомни, мальчишка, — шепчет она на ухо, приблизившись, — каждая женщина волшебница, если только захочет. А теперь идем.

Держа мальчика за плечо, Айва так и уводит его вглубь города, к торговой улице, где уже всюю шумят торговцы, рабочие, купцы и слуги. Притворяясь старухой, она подталкивает Алешу вперед, а сама идет следом, держа мальчика за плечо, и внимательно осматривается, ища глазами постоянный двор, среди домов.

Трактиры, лавки и другие городские постройки почти все расположились дальше, за торговой улицей, заставленной палатками. Не доходя до палаток и торговцев, где уже толпится люд, Айве удается заметить только захудалую конюшню и полуразваленный двор,

огражденный небольшим деревянным забором из массивных палок. Зато, сразу удается понять, что именно здесь и принимают гостей, предлагая ночлег и дешевые харчи всем, кто способен за них заплатить.

«Еда и ночлег» — гласит непритязательная, деревянная табличка, согнутая дождями и временем, и Айва сразу подталкивает Алешу в сторону постоянного двора.

— Иди, найди внутри хозяина и узнай, сколько он берет за ночлег. — Велит она мальчику.

Алеша не спорит, кивает, оборачивается назад к постоянному двору и идет вперед уверенно, без волнения и страха, которые должен бы испытывать четырнадцатилетний мальчишка, готовясь впервые самостоятельно заговорить с посторонними людьми.

Айва только наблюдает. Она хмурится, глядит на то, как вдруг начинают дрожать черные отростки на спине мальчика, но не сдвигается с места. Колдунья легким взмахом руки отправляет ветер подслушивать, а сама остается ждать, предоставляя Алеше возможность самому разобраться с нетрудной задачей.

Внутри мальчика встречают голые, деревянные полы и стены, широкая деревянная полка, за которой стоит мужчина в жирном фартуке, четыре стола и десяток стульев. От одного взгляда на постоянный двор изнутри уже достаточно, чтобы понять, что дела у хозяина идут плохо, и только Алеша из всех, кто бы мог сюда забрести, осматривается так, будто попал в княжеские хоромы. Хотя, его удивление и интерес не по-детски быстро исчезают, а хозяин, оглядев бедно одетого мальчика, сердито хмурит брови, поднимаясь с деревянного стула.

— Пшел отсюда, попрошайка! Еды не дам. — Сердится мужчина.

Алеша игнорирует его слова и шагает навстречу.

— Сколько берешь за ночлег? — Повторяет он ровно то, что потребовала колдунья, не добавив от себя ни слова.

— Чего? — Улыбается хозяин.

Мальчик спокойно повторяет свою просьбу, но трактирщик снова взглядывает сердито.

— Столько, что тебе не по карману, оборванец. А теперь пшел вон отсюда!

Алеша спокойно взглядывает на свою одежду, не выказывает обиды, не сердится, а лишь разворачивается к выходу и почти успевает выйти за порог, но останавливается. Встав в дверном проеме, он поднимает глаза и видит колдунью, прикинувшуюся старушкой, а после взгляда на нее разворачивается и на пару шагов подступает к хозяину двора.

— Не понял меня, что ли?! — Тут же грубо возмущается мужчина в грязном фартуке.

Алеша снова не обращает на него внимания.

— Мне велено узнать, сколько берешь за ночлег. — Говорит мальчик спокойным голосом.

Он смотрит уверенно, без страха, говорит без волнения, и это даже заставляет хозяина двора насторожиться.

— Велено? — Переспрашивает мужчина уже без грубостей и крика. — А, так тебя купец послал какой?

Мальчик спокойно глядит в его лицо, но хозяин всматривается и молчит, пытаясь угадать, не собираются ли его надуть.

— Передать, чтобы шли отсюда? — Спокойно интересуется Алеша.

Хозяин двора, выпрямляет спину, хмурится, расправляет плечи, а потом замахивается и ударяет Алешу по плечу, рассмеиваясь.

— Ха-ха! Пять медяков! Ну, или полсребреника. — Говорит он.

Алеша же разворачивается и выходит, не изобразив ни испуга, ни удивления — ничего, а вскоре он уже передает слова хозяина колдунье.

— Пять медяков, или полсребреника. — Повторяет мальчик безразличным тоном слова хозяина.

— Ладно. Идем за мной.

Голос Айвы становится не очень радостным. Еще утром он звучал иначе, но теперь потускнел, остыл и похолодел. Впрочем, мальчику остается только гадать, да и особенного интереса он не испытывает, а затем оглядывается и замечает, что все вокруг стало чуть более серым, чем вчера. Алеша хмурится, задумчиво оглядываясь, а колдунья, притворившись старушкой и держа мальчика за плечо, толкает его вперед, осматриваясь по сторонам и занимаясь своими делами.

Торговая улица так плотно заставлена палатками, что на небольшом ее участке с трудом можно протолкнуться через огромное количество народа. Впрочем, трудно удивиться, если знать, что здесь собралась чуть ли не половина города. Женщины, торговцы, купцы, рабочие, идущие к трактиру или уже ползущие от него пьяницы, толпясь, создают впечатление, будто город намного больше, чем он есть на самом деле.

Дальше, в конце улицы, виднеются боярские хоромы, расположенные на окраине, прямо на вершине неровной, центральной улицы, и когда Айва с мальчиком подбираются ближе, Алеша тут же начинает разглядывать богатые палаты, еще даже не зная, кто может жить в таких больших хоромах.

Одно лишь крыльцо у княжеских палат уже заставляет мальчика открыть от удивления рот. Ровные, аккуратные ступени поднимаются на высоту пояса, возвышаясь над землей, их ограждают деревянные перила с резным узором, покрытые красной и золотой красками, высокие, створчатые двери расписаны кружевным узором и ярко разукрашены, а в бревенчатых стенах огромного дома мерцают на дневном свете настоящие, стеклянные окна с распахнутыми ставнями.

Алеша застывает и даже открывает рот от удивления, но колдунья быстро это замечает, и тащит мальчика в сторону, пока он не привлек к себе внимания.

— Хватит таращиться. — Ругает колдунья.

И приходится слушаться. Кроме того, забот еще полно, и Алеша сам об этом догадывается, разве что не может самостоятельно придумать, что делать и только ждет указаний колдуни. Айва лишь велит держаться рядом, а сама готовится вновь пробудить силу, чтобы раздобыть немного денег.

Впрочем, колдунья не бросается сразу же воплощать свою затею. Долго она высматривает жертву среди прохожих и, увидев купца, бросившего паре бедняков несколько сломанных грошей, колдунья живо приценивается к толстому мешку у него на поясе.

А дальше все просто. В богатом кафтане, украшенном золотым узором, да в окружении пары молодцев с дубинками, купец легко выделяется из толпы. Айва следует за ним до следующей лавки, где мужчина останавливается поговорить, и здесь же она решается завладеть небольшой частью его богатств.

Купец будто специально крутит бедрами, хвастает, зачем-то вертяться, распахнув кафтан и давая всем рассмотреть богато сшитый зипун, разукрашенный пояс и завязанный на поясе, хорошо набитый кошель. Айва могла бы легко заставить ветер сорвать мешочек, но вспоминает, о чем судачили женщины, развешивая белье, и решает не создавать новых

слухов.

Приходится долго ждать, но глядя на толстый, набитый деньгами мешок на поясе купца, колдунья заставляет себя терпеть все неудобства с неистребимой стойкостью. Так что к середине дня ее задумка приносит результат. Купец решает проститься с другом, поправляет кафтан, разворачивается и не успевает запахнуться, как ветер, острием скользнув по поясу, срезает мешочек и аккуратно уносит его в сторону.

Уже всего миг спустя Айва берет в руки мешочек, набитый монетами. Из них находится всего десяток или два медяков, а почти все остальное место занимают серебро и бронза, отыскивается даже пара золотых. И приходится сдерживаться уже затем, чтобы не заплясать от радости и случайно не выдать себя.

А рядом как раз вкусно пахнет из торговой палатки, где на прилавке только что торговка разложила свежие булки на продажу. Взглянув на мальчика, колдунья решает купить ему угощение, но замечает еще один мешочек, висящий на поясе хорошо, пусть и не очень богато одетого мужичка. И ветер тут же срывает его с пояса, готовясь преподнести содержимое мешочка в дар своей очаровательной хозяйке.

Мужчина тут же оборачивается, начинает хвататься за что-то, и колдунья слишком поздно сознает, что мешочек был привязан к поясу на тонкую нить, спрятанную с прилегающей стороны. Айва тут же бросает затею, ветер слабнет, а мешочек застревает между двух мужичков, и когда хозяин дергает за тонкую веревку, он успевает заметить, как мешочек вываливается будто бы из кармана одного из них.

— Ах ты ворюга! — Громко и беззастенчиво обвиняет мужчина какого-то незнакомца.

Он хватается мужика за грудки, подтягивает, а тот, уязвленный таким наглým обвинением, тут же ударяет обидчика по рукам.

— Да ты как смеешь, пес!

Мужчина, впрочем, на его слова не обращает внимания.

— Денежек моих захотел?! Ну я тебе сейчас!

Второй не робеет, тоже наступая вперед.

— А ну возьми слова назад! А не то...!

И мгновенно завязывается драка.

Айва торопится спрятаться, забыв о своей медлительности и легко проскользнув между нескольких человек. В любом случае, за ней никто не следит. Никто и не думает обращать внимание на какую-то старуху, когда рядом завязалась драка.

Бой же выходит короткий, но ожесточенный. Тот, у которого Айва пыталась украсть мешочек, бьет первым. Ударяет он сильно и с душой, так, что соперник мог бы свалиться на землю, если бы только его не удержали. Второй тоже оказывается не слабак. Пока остальные мешкают, у него появляется время отойти от удара. Он встряхивает головой, плюет кровью, а потом снизу, широким размахом дает обидчику в подбородок с такой силой, что теперь уже тот едва не сваливается на землю.

Потом вмешиваются остальные, и пока мужиков растаскивают в стороны, Айва тихонько уводит мальчика к другим прилавкам, не желая, чтобы ее хоть кто-нибудь заметил.

Вдруг, отступив к лавкам, где торгуют разными вещами, колдунья чувствует, как спина устает и начинает болеть из-за неудобной позы. Только выпрямиться нельзя, а иначе тряпки не хватит, чтобы скрыть тонкие, облегающие стройные ноги сапожки, и Айва опирается на ближайший прилавок, чтобы хоть немного расслабить спину и резко изменяется в лице, увидев похожую на призрак девушку.

— Слушай сюда, мальчишка, — изменившимся, серьезным и даже беспокойным голосом велит колдунья, — дуй обратно в сарай, живо. Понял меня? И чтобы не вылезал оттуда, пока я не вернусь.

Алеша теряется на миг, но не противится и уходит, как приказала колдунья. Айва взглядывает ему вслед, замечает, как дрожат на спине мальчика черные отростки, но сейчас опять не хватает времени раздумывать над необычным спокойствием мальчика. Очевидно, что на него влияет проклятие, и нужно скорее с ним разобраться.

Только есть и другое, что привлекает внимание колдуньи. По улице бредет с усталым, бледным лицом девушка, но обернувшись, Айва не успевает отыскать ее среди прохожих и чувствует, как кто-то осторожно дотрагивается до ее спины. Колдунья едва сдерживается, чтобы не раскрыть себя, оборачивается и видит добродушную улыбку молодой девушки в богатой однорядке.

— Чего ты, бабушка? — Раздается добродушный женский голос. — Помочь, может?

Айва оборачивается и взглядывает на незнакомку. Улыбчивая, веселая, с добрым взглядом девица, наклонившись, продолжает глядеть на кусок серой ткани, обвисший на согнутом теле колдуньи. В однорядке, надетой в рукава, с длинной, тугой, но широкой косой, украшенной у самого пояса красным бантом, девушка глядит, продолжая улыбаться, и терпеливо ждет ответа.

— Все хорошо, внучка. — Отвечает колдунья не своим голосом, похожим на скрип двери в заброшенном сарае.

Девица не отпускает и придерживает за локоть.

— Точно, бабушка? Может, помощь тебе какая нужна? Так ты скажи только.

— Чего мне? — Снова отвечает Айва голосом старухи, пытаясь скорее отвалить от себя девчонку. — Иди, внучка, не трать время на старую бабку.

— Да что ты, бабушка! — Лишь сильнее распаляется девица и пытается взять под руку. — Ты только скажи, как помочь.

Айва рассматривает внимательней богатую одежду незнакомки, но вспомнив про украденный мешочек, решает, что и его будет достаточно.

— Да иди уже, внучка, оставь старушку, — отвечает колдунья хрипучим старческим голосом, — чай, не такая я старая, кхе-кхе, чтоб до дому не добраться.

— Вон ты какая, бабушка?! — Смеется девушка, поверив в шутку. — Ну тогда гляди, не балуй!

— Кхе-кхе. — Посмеивается Айва, хотя только и хочет скорее отвязаться. — Иди уж.

А девица еще ближе наклоняется и говорит чуть тише.

— Да ты кричи, если чего надобно будет, не стесняйся. А уж я тебя, бабушка, не брошу.

Айва отмахивается рукавом, вернее, заменяющей его тряпкой, а улыбчивая девица в красивой однорядке бодрым шагом отправляется дальше, и колдунья, провожая ее взглядом, лишь сейчас замечает, что вокруг не оказывается никого одетого в такую же красивую одежду.

Кругом по-прежнему толпа прохожих. С утра их стало еще больше, но телеги и сейчас могут без труда продвинуться на широкой улице, разве что людям приходится жаться ближе к лавкам, если паре телег нужно разминуться. И уведя взгляд, Айва лишь теперь замечает, у какого прилавка остановилась.

Пусть она сначала и не планировала брать одежду, но здесь перед ней как раз лежат самые разные сарафаны. Одни простые, совершенно без изысков, невзрачные, но дешевые. И

на всех вокруг почти такие же, мало отличимые друг от друга сарафаны. Разве что, кто-то носит поверх них душегрейку, а кто-то и вовсе гуляет без нее.

Айва приглядывается. Пощупав толстый мешочек, забитый монетами, она еще раз осматривает прилавки, но на остальных женских одеждах почти нет, а на прилавке рядом с ней все какие-то невзрачные, и даже те, которые щедро украшены росписью и позолотой, выглядят как-то неброско, и, выбрав самый простой, немного украшенный синей росписью, Айва решается позвать торговца.

— Милок. — Зовет она дрожащим, старушечьим голосом, уже приготовив пригоршню монет. — Внучек.

Айва искренне пытается изображать старуху, и у нее выходит так убедительно, что ее дрожащего голоса даже торговец и тот не может услышать.

— Эй! — Рассердившись, вскрикивает старушка.

И удивленный торговец сразу же оборачивается к ней, а стоящая рядом женщина даже отступает от колдуньи на шаг. Айва тут же принимается исправлять ситуацию, как может.

— Ох, ой, не дозовешься. Чуть горло не порвалось. — Причитает колдунья старческим голосом, убедительно раскашлявшись. — Дай-ка мне вот этот сарафан.

Торговец наклоняется ближе и даже перестает торопиться, опирается на прилавок обеими локтями и улыбается старухе.

— Чего же ты, бабушка? Этот тебе маловат будет. Жenuшка моя вернется, она тебе подберет сразу такой, чтобы подошел.

Если бы только он мог разглядеть, как искривилось лицо Айвы под накидкой, то в следующий раз бы выбирал слова осторожней, но из-за ткани не видно даже клочка ее кожи, а голосом колдунья управляет так хорошо, что никакое выражение не может испортить ее фальшивую интонацию.

— Ох, сынок, да не мне ж это! Внученьке я хочу подарок сделать.

— А. — Протягивает торговец, выпрямляясь. — Эт можно. Да только, гляди, вдруг не по размеру будет.

— Ничего, подгоню, коли надо.

— Ну держи, бабушка. Этот пять медяков стоит.

— Кхе-кхе. — Кряхтит Айва, а сама вытягивает руку, накрытую тканью. — Держи сынок. Ой, спасибо, помог бабушке.

Колдунья роняет в его руку пять монет, подтягивает сарафан и, свернув, берет его под локоть. А торговец, поблагодарив, тут же оборачивается к другой женщине.

Айва не сразу уходит от прилавка. Несколько мгновений она еще стоит, раздумывая, потирает спину и только передохнув отправляется в сторону небольшого сарая. Приходится еще немного потерпеть, но скоро колдунья возвращается в укрытие, где ждет мальчик, с удовольствием сбрасывает тряпье и разгибает спину.

— Ах! — Вздыхает она, с удовольствием потянувшись.

Алеша сидит молча и не двигается, а уже в следующий миг Айва отбрасывает шляпу, взмахивает ладонью, поднимает руки, и ее черное платье раздувается и взлетает, освобождая тело колдуньи от своих оков. Непринужденно и беззаботно колдунья взмахивает рукой еще раз, и уже сарафан поднимается в воздух, расправляется и падает на Айву сверху, облачая колдунью в новый образ. Лишь затеем Айва с удовольствием вздыхает еще раз, замирает и поворачивается к мальчику, только сейчас про него подумав.

— Ой. — Теряется она, но лишь на миг, и тут же на лице колдуньи расцветает

улыбка. — А, да и черт с тобой. Жил бы в городе, уже точно бы за девками в бане подглядывал.

Черные, длинные, блестящие волосы, Айва легким взмахом заплетает в длинную косу, такую же, какую недавно видела у богато одетой незнакомки. О смущении она, кажется, даже не задумывается и легко забывает о том, что только что произошло, собираясь уходить.

Алеше оказывается сложнее перенести случившееся, в отличие от колдуньи. Айва уже напевает что-то под нос, не оборачиваясь, велит оставаться в сарае, а сама выбирается наружу, оставив с мальчиком черное платье и шляпу. А Алеша так и сидит, оторопев, и еще долго на его лице красным пятном горит жар смущения.

Снаружи к колдунье тут же привязывается визгливая собака, но это не портит Айве настроения.

— Брысь. — Спокойно приказывает колдунья, брезгливо отмахнувшись рукой.

Собачка бросается удирать, но миг спустя, когда осознает, что гнаться за ней Айва не собирается, тут же возвращается назад и лает теперь еще противнее и громче.

— Ладно. — Ухмыляется колдунья.

Затем она взмахивает ладонью, и собачка тут же поднимается в воздух, начинает визжать, скулить и дрыгаться, не понимая, что происходит. Айва не отпускает, заставляет собачку вертеться и кувыркаться, а сама оглядывается по сторонам, чтобы никто не успел ее заметить, но только дворняга, потеряв волю сопротивляться, перестает лаять, как колдунья тут же отпускает ее на землю, и псина со скулежом уносится прочь.

— То-то же.

В новом образе Айва сразу привлекает к себе внимание. Лишь заметив ее на редкость приятное лицо и стройную фигуру, мужики уже издали начинают глупо улыбаться и снимать шляпы, а женщины о чем-то судачить, расспрашивая друг друга, откуда взялась в городе такая красавица.

Такого Айва не ждала, и решает поскорее расправиться с делами, купить мальчишке еды, вернуться в сарай и там уже подумать, стоит ли появляться в городе в таком виде снова. Только вот с готовкой колдунье не хочется связываться даже в мыслях, а потому она сразу останавливается у первого же прилавка с мясом, собираясь взять кусок побольше и заставить мальчишку самого жарить себе ужин.

— Добро, милый человек! — Зовет Айва торговца, приветливо улыбаясь.

Хотя, при всем желании, у нее не выходит избавиться от хитрого прищура.

— Добро, барыня. — Отвечает здоровый мужчина в засаленном фартуке, с завороченными рукавами и большим, отвисшим пузом. — Чего надобно?

— Сколько просишь вот за этот кусок? — Указывает Айва на большую вырезку.

— Три медяка. — Отвечает торговец.

И Айва нахмуривается.

— Никак шутить надо мной удумал? — Отвечает она серьезно. — Да мой сарафан почти так же стоит.

Колдунья сразу замечает, как несколько человек, стоявших у палатки, тут же странно на нее взглядывают, но торговец оборачивается, присматривается и отвечает Айве спокойно.

— Ну так и сарафан у тебя, небось, не княжеский?

Айва молчит, собирается уже заплатить и уйти, но торговец заговаривает раньше.

— Поди-ка. — Манит он сальным пальцем.

Айва наклоняется к торговцу, чтобы не разводить ссору и не привлекать еще больше

внимания. Да и мужчина ведет себя достойно, остается спокоен, не разводит шума и отвечает тихим, грубым и низким голосом, но без упреков.

— Ты, видать, недавно у нас? — спрашивает он. — Так вот знай, барыня, я не торгуюсь. Другие тебе за такой кусок заломят четыре с половиной медяка, а потом до четырех уступят, ежели сторгуешься. Я же сразу три прошу. Не по нраву? Иди. Держать не стану.

И торговец спокойно отклоняется и договаривает тем же спокойным голосом, каким начинал беседу.

— Ну, чего стоишь? Надумала или нет? — спрашивает он, заворачивая кусок мяса в тряпку для другого покупателя.

Невысокий мужичок, взяв тканевый сверток, бросает на прилавок пригоршню монет, а сам рассыпается в благодарностях уж очень старательно, на что колдунья тут же обращает внимание. Торговец же отмахивается, а сам держит взгляд на Айве, ожидая ее ответа.

Миг помедлив, колдунья слабо улыбается, не отводит глаз, и уже тянется рукой к мешочку, чтобы достать монеты.

— Будто бы ты сказал иначе, если бы хотел меня обмануть. — говорит она. — Но дурить я тебя и не собиралась. Просто там, где я прежде жила, за такой кусок просили меньше, пусть и не вдвое.

Достав монеты, Айва бросает их на прилавок, точно так же, как это сделал мужичок перед ней, а торговец уже начинает заматывать кусок мяса в тряпку, обвязывая веревкой, чтобы было удобнее нести.

— Это где ж это? — спрашивает он, завязывая последний узел.

— Ох, далеко отсюда. — С улыбкой отмахивается Айва, видя, что не один торговец с любопытством ждет ее ответа. — Да и какая теперь разница, раз уж я здесь?

— И то верно. — Присматривается мужчина, кладя завернутый кусок мяса перед Айвой на край прилавка. — И чего же тебя, барыня, к нам занесло?

— А я, как ветер, милый человек. — Хитро щурится колдунья, говоря тише. — Путешествую туда, куда ветер дует.

— Вон оно как? Ну путешествуй. Приходи еще, ежели мясо надо будет.

Хихикнув, Айва отворачивается и уходит, а к мужчине тут же начинают приставать другие покупатели. Пройдя немного, колдунья задумывается, наталкивается на злую бабу, но удерживается от ругани, поворачивается и хочет уйти, но тут же наступает кому-то на ногу.

Внизу, прямо под ногами, колдунья видит какую-то девчонку, склонившую голову. В драной, грязной одежде, со слипшимися волосами, та сидит прямо на земле, жалобно склонив голову.

Айва, глядя на нее, не может разозлиться, вздыхает и наклоняется, собираясь подать руку. А девушка вдруг хватается за ладонь и начинает говорить жалобным, тонким голоском.

— Молю, хоть вы, сударыня, — просит несчастная, медленно поднимая голову, — хоть полмедяка, хоть крошку хлебную....

Девушка поднимает глаза, и обе в тот же миг застывают. Айва легко узнает этот чувственный, щенячий взгляд, брови, взмывающие к небу у переносицы и большие глаза. Кроме того, колдунья сама отправила ее сюда, сама приказала ветру нести девицу вперед по дороге, заодно разведав путь до города, после того, что сотворила на глазах девушки.

Аленушка за эти дни переживала столько, сколько раньше ей никогда еще не приходилось. После того случая, когда ведьма на ее глазах убила половину деревенских

мужиков, она же велела девице идти как можно дальше и в деревне не появляться, а потом, не успела Аленушка пройти к дому, путаясь в мыслях, как ее подхватил ветер и унес к столице княжества.

Сколько Аленушка ни кричала, сколько ни молила, ветер ее не отпускал, а потом бросил у самого города и исчез бесследно. Дальше уже вел только голод. Провалившись на земле полдня или больше, обессиленная, она все же поплелась к городу, где и стала попрошайничать, так и не успев прийти в себя и забыть весь приключившийся с ней ужас.

Теперь же, столкнувшись глазами с колдуньей, Аленушка застывает. Айва тоже не знает, что сказать. Легкомысленная и беспечная даже в такой ответственный миг, колдунья и не подумала, что может встретить девушку в столице княжества, эта мысль приходила ей в голову, но Айва легко от нее отмахнулась и благополучно забыла.

Сейчас уже не выходит так же просто отмахнуться. Айва замечает, как у Аленушки вздрагивает подбородок, губы размыкаются шире, глаза начинают блестеть, но прежде чем Аленушка успевает издать звук, Айва тут же садится на корточки, успевая закрыть девушке рот ладонью.

— Ничего не говори! — Жалостливым голосом обращается к девице колдунья, разыгрывая для окружающих сочувствие. — Не объясняй, не надо. Я и так все вижу!

И к ее неудобству, ситуация привлекает внимание посторонних, чего Айва всеми силами пытается избежать, и колдунья убирает со рта Аленушки ладонь, надеясь, что та не станет кричать.

— Идем, девица. Ох, ты погляди на себя! Вставай-ка живее, поднимайся. — Не перестает Айва разговаривать, оглядываясь и пытаясь утянуть девушку за собой. — Голодная, наверное? Ну, идем, я тебя в беде не оставлю.

— Нет, я не.... — Вдруг сопротивляется девушка.

И Айва тут же разворачивается, становится впрытик и перебивает.

— Ну что ты, девица! — Говорит Айва, осторожно встряхивает девушку, взяв за плечи, и продолжает уже тише, чтобы другие не услышали. — Слушайся меня по-хорошему. Видела же, что я умею?

Девушку лишь больше пугается и хочет вырваться, но только она делает шаг назад, как Айва легко подтягивает девицу, разворачивает, обнимает за плечи и ведет к ближайшему проулку.

— Нет... нет. — Жалобно причитает Аленушка, повышая голос и собираясь закричать. — Нет! Оставь! Сгинь! Не-е-ет!

Что-то не так, и девушка быстро это понимает. Никто будто и не слышит, никто даже не оборачивается, и сил, чтобы сопротивляться, нет. Колдунье приходится растратить немало сил, чтобы не позволить никому услышать крики Аленушки, но трудно лишь увести девушку дальше от людей, а там уже Айве не приходится напрягать все силы, чтобы развеивать по воздуху звонкий голос пленницы.

— Помогите! Кто-нибудь! — Кричит Аленушка из последних сил, всхлипывая и почти рыдая. — Хоть кто-нибудь!

Теперь девушка замечает, что ее собственный голос звучит иначе. Он будто бы только появляется, как тут же исчезает, и крик гаснет раньше, чем успевает добраться до чужого слуха. С губ срывается плачевный стон, и Аленушка чуть не падает, от страха растеряв последние силы.

— Не ори, дура. — Ругается колдунья. — Молчи, кому говорю! Ничего я тебе не сделаю.

Аленушка не шевелится, не двигает ногами, но Айва умудряется ее тащить, с виду, не прилагая никаких усилий. Колдунья идет все быстрее, ведет девушку по узкому проулку, тянущемуся между двух заборов, дотаскивает до соседней улицы, отводит к знакомому сараю и вспоминает про мальчика лишь в последний миг.

— Черт бы тебя. — Тихо ругается колдунья, оглядывается, рисует в воздухе знак, а через миг, вместе с девушкой, поднимается в воздух, быстро уносясь прочь от города.

Аленушка уже не сопротивляется, даже не шевелится, только жалобно вздыхает и иногда всхлипывает, пока Айва не укладывает ее под раскидистым дубом прямо на старую, подсохшую траву. Здесь уже Айва не прячет сердитое недовольство, хмурится и складывает руки, подбирая в уме слова.

— Ты чего разоралась, дура! — Ругается колдунья. — А если бы тебя услышали?! Черт, вот же бестолочь!

Аленушка уже даже не плачет, только смотрит с безразличием куда-то в сторону, не реагирует на слова, даже ухом не ведет, и Айва, успокаиваясь, садится рядом на корточки и с тем же сердитым выражением берет девушку за плечи.

— А ну хватит сопли жевать! — Встряхивает ее колдунья. — Я тебе не сделала ничего! Хватит рожу корчить, будто ты только из заколдованного подземелья выбралась!

Аленушка ничего не отвечает, но взглядывает на колдунью, услышав про заколдованные подземелья. Может, она бы даже поинтересовалась... но тут же эти мысли покидают голову девушки и она снова отводит в сторону глаза.

Айва так и не находит, что сказать. Она лишь сидит рядом молча почти до самого вечера, иногда встает, проходится, задумчиво взглядывает на Аленушку, но только вздыхает и садится обратно.

Девушка ни на что не хочет реагировать. Если Айва зовет, Аленушка просто не откликается, если колдунья начинает расталкивать, девушка все равно ничего не делает, продолжая неподвижно лежать ровно там, куда ее уложила колдунья. И, наконец, Айва растрчивает терпение, бросается к Аленушке, хватая за плечи, встав рядом с ней прямо на колени, и всматривается в глаза, сердито хмурия брови.

— Достала! Хватит! Возьми уже себя в руки! Цела, здорова! Чего еще тебе надо?!

Аленушка взглядывает сердито, но тут же отводит глаза в сторону.

— Да чтоб тебя! — Отталкивает Айва девушку, а сама поднимается и, немного пораздумав, начинает рисовать в воздухе магический знак.

Развернувшись к Аленушке спиной, колдунья пробуждает силу, и зрелище привлекает внимание девушки, пусть та и старается глядеть так, чтобы Айва этого не заметила. А все же, свечение волшебного знака, различимое даже при свете дня, не оставляет ее равнодушной, и даже когда Айва заканчивает рисовать знак и он быстро растворяется, не оставляя следов, Аленушка еще продолжает глядеть из-за спины колдуньи, засмотревшись на обворожительное таинство колдовства.

Впрочем, едва Айва поворачивается и замечает взгляд Аленушки, та сразу же делает сердитое лицо и вновь отворачивает голову.

— Ну и сиди, дура. — Сердится Айва.

Скоро ветер приносит ей целую кучу сухой травы и веток, какие-то доски сами прилетают со стороны деревни, затем колдунья снова пробуждает магию, но уже не открывая для этого печать, и несколько палок начинают крутиться на доске, отплясывая жаркий танец, от которого вскоре разгорается пламя.

Когда Айва начинает жарить на костре мясо, насадив его на длинную палку, и к носу устремляется его аромат, Аленушка все чаще поворачивается и смотрит голодным взглядом.

Колдунья это замечает, но до последнего ничего не говорит. Мясо у нее подгорает, но Айва просто взмахивает ладонью и ветер, словно острый меч, легко срезает обуглившиеся куски, оставляя только розовое, жирное, хорошо прожаренное мясо. Еще одним взмахом Айва заставляет ветер разделить кусок на две части и одну завернуть в тряпку, а второй кусок колдунья сама протягивает Аленушке вместе с палкой.

Девушка сглатывает накопившуюся слюну, не в силах отвести взгляд, уже тянется рукой, но затем, вернув самообладание, гордо отворачивается. Айву это лишь злит и она, не стерпев, бросается на Аленушку, садится верхом, хватая за подбородок тонкими, нежными, но удивительно сильными пальцами, и пытается затолкать мясо прямо в рот девчонки.

— Ешь, бестолочь! Как ты вообще с таким лицом себе места не нашла? Дура! Ешь!

Аленушка упирается изо всех сил, но ничего не может поделать. Она даже бьет Айву руками, пытается царапать, но ветер не дает прикоснуться к колдунье, а затем прижимает к земле.

Надавив на скулы, Айва легко заставляет девушку открыть рот. По щекам утекает вкусный, горячий жир, затекает в горло и приходится глотать лишь затем, чтобы не поперхнуться, но даже и тогда Аленушка упорствует, вертится и пытается выплевывать как можно больше, не желая принимать угощение из рук колдуньи.

Наконец, Аленушка начинает плакать от бессилия. Айва сидит верхом, все еще держит за скулы, но теперь, когда девушка скулит и так упорствует, колдунья резко переменяется.

Айва внезапно становится другой, успокаивается, отнимает руку от лица Аленушки, слезает и глядит иначе, печально и тяжело, отвернув голову.

— Дура. — Тихо говорит колдунья, слезая с девушки. — Еда — она и есть еда. Какая разница, из чьих она рук?

Впрочем, затею Айва не бросает, и вскоре снова протягивает Аленушке кусок остывающего мяса.

— Ешь. — Говорит колдунья тихо. — А то заставлю. Думаешь, не смогу?

Аленушка отбивает угощение ладонью и неожиданно подсакивает, вспыхнув сердитым недовольством.

— Чего пристала! Доколе мучить еще меня будешь?! — Начинает Аленушка кричать, удивляя колдунью. — Оставь уже меня, проклятая! Сколько еще бед испытать меня заставишь?!

Айва не отвечает, смотрит удивленным, но спокойным взглядом, давая Аленушке выплеснуть гнев.

— Мало тебе?! Чего еще хочешь?! — Сваливается Аленушка на колени, быстро обессилив. — Сколько... доколе еще... будешь мучить? Убей, как их убила. Убей! Тебе все равно ничего не стоит.

Аленушка падает вперед, упирается в землю руками, уже хочет заплакать, но тут ее вдруг резко подбрасывает вверх и ставит на ноги. Айва хватая ее за грудки и не дает упасть, а Аленушка уставляется на колдунью испуганным взглядом.

— Чертова букашка! — Яростно, со злостью ругает девушку Айва, ее золотые глаза будто разгораются пламенем гнева, лишая Аленушку возможности пошевелиться. — Думаешь, ты это делаешь для них?! Не могу поверить, что я произошла из вашего никчемного племени! Что, если бы все было наоборот?! Что если бы это ты умерла от моей

руки?! По-твоему, эти деревенские ослы должны были бы искать смерти от горя?!

— Конечно, нет! — Вспыхивает на мгновение Аленушка, но тут же замолкает, понимая, что этот спор она уже проиграла.

— Тогда какого черта тебе неймется?! — Продолжает Айва кричать еще громче, напирая сильнее и встряхивая Аленушку так, словно хочет вытрясти из нее душу. — Будто я хотела их убивать! Будто бы мне это понравилось! Будто я одна виновата!

Колдунья бросает девушку от злости на землю, взмахом заставляет ветер поднять остывающее мясо и очистить от грязи, а затем кидает его Аленушке прямо в руки. Девушка ловит мясо, сев на земле, но уже не решается отбросить, глядя в затылок отвернувшейся колдуньи.

— Думаешь, мне хорошо? — Продолжает Айва спокойней. — Думаешь, не знаю, что ты пережила? Да вот только это ты ничего не знаешь, девчонка. От той деревни, где я когда-то родилась, даже пепла не осталось. Ни одной собаки не уцелело. Знаешь, каково мне было? Да только это еще не все, теперь подумай, что я чувствую, когда ты смотришь на меня так, как я смотрела на ту тварь, что у меня на глазах оторвала головы трем моим братьям. Только вот то был пораженный, зверь, которого изменил проклятый лес. А ты во мне видишь такое же чудовище.

У Аленушки дрожит губа, но пошевелиться она не может. Впрочем, колдунья этого и не требует.

— Делай, что хочешь. — Поворачивается Айва и глядит строго, без малейшего сочувствия, но теперь ее взгляд кажется Аленушке совсем другим, не таким злым и бесчувственным, хотя он ничуть не изменился. — Хоть с голода помирай, если хочешь, хоть меня вини. Плевать. Я тебе в последний раз говорю, что лучше бы тебе утереть сопли и взять себя в руки. Сколько ты букашек передала? А сколько еще передавишь? А скажи-ка, чем они, по-твоему, от человека отличаются? Думаешь, не живые, так и ничего страшного?

Айва успокаивается, перестает кричать, снова отворачивается, презрительно хмыкнув, достает из-за пояса толстый, кожаный мешочек и бросает к ногам Аленушки.

— Хоть сотню раз подыхай. — Бросает Айва презрительно. — Только знай, что этим ты все равно никому не поможешь.

И оставив Аленушку сидеть на земле с куском еще не успевшего остыть мяса, с толстым кошельком и в грязном сарафане, опустошенную и лишенную сил, а сама возвращается в город, забрав с собой лишь оставшийся кусок приготовленного на костре мяса.

Скоро Айва возвращается в город, но здесь еще долго снует по улице, пытаясь незаметно шмыгнуть в переулок. Под пристальными взглядами идущих мимо мужичков, оказывается не так просто это сделать, так что колдунья так и ходит мимо переулочка почти до самого вечера.

Стемнеть еще не успевают, когда Айва возвращается к мальчику в сарай, но вот мясо становится холодным. Ночь грозит вскоре опуститься мрачной тенью, изгнав дневной свет до утра, и колдунья тяжело вздыхает, пробравшись в сарай, будто вернулась домой после тяжелого дня. Алеша сидит к ней спиной, даже не оборачивается, ковыряется в простыне, смотрит под ноги, прогнув спину.

— Проголодался? — Сердитым голосом заговаривает с ним колдунья, еще не успокоившись после встречи с Аленушкой.

Сразу же она пытается успокоиться и подходит ближе, чтобы отдать угощение Алеше лично в руки, не приказывая ветрам относить к нему еду. Алеша все еще не оборачивается, и

Айва лишь сейчас замечает, что отростки на его спине изменились. Они не выросли, не стали длиннее, и поэтому колдунья не сразу заметила перемены, но сделав шаг, она видит, что отростки теперь стали заметно толще, дрожат, но сидят на спине мальчика так плотно, что взгляду их движения поначалу кажутся спокойными.

— Ты что делаешь?

Айва становится у мальчика за спиной, наклоняется и замечает, что по простыне тянется муравьиный караван. Насекомые растягиваются длинной, почти ровной ниточкой, пересекающей всю простынь от края до края, а мальчик осторожно, даже бережно достает по одному муравью, давит пальцами и складывает рядом с ногой.

Айва роняет на пол мясо, увидев, что из муравьиных трупов мальчишка уже собрал целую горку, которую можно было бы наполовину заполнить ее ладонь. Тут же она хватается Алешу за плечо, разворачивает и, взяв за грудки, легко поднимает над землей.

Колдунья слишком злится и уже почти не контролирует своего гнева. Ее лицо вдруг так сильно искажается, что становится похоже на волчью морду. Очарование ее привычных, строгих черт не пропадает совсем, но так сильно изменяется, что Айву можно было бы не узнать, если бы ее лицо не преобразилось на глазах у мальчика. Даже зубы колдуньи становятся больше и острее, оскал шире, а кожа на лице так скукоживается, что от губы и до самых глаз вся покрывается тонкими, длинными складками. Айва начинает говорить, и в ее голосе вдруг проявляется хрипота, похожая на волчий рык, которая делает ее мягкий, звонкий и приятный голос пугающим.

— Что ты делаешь, оборванец!?! — спрашивает она, и мгновенно застывает.

С лица колдуньи тут же пропадает это жуткое выражение, и Айва вновь становится похожа на себя, вернув разом все очарование, но теперь на ее лице появляются редкие оттенки растерянности и удивления. От складок не остается и следа, кожа легко разглаживается, снова начав походить на гладкий шелк, но Айва даже не пытается скрывать изумление, глядя на спокойное, не выражающее никаких эмоций лицо мальчика, и больше всего — на его глаза, в которых рядом со зрачками уже появились черные пятна охватившего мальчишку проклятия.

— Они мешали спать, — с безразличием указывает Алеша на тонкую полоску муравьев на простыне, — я просто их наказываю.

Айва на миг чуть снова не раскрывает звериный оскал, кожа на ее лице опять начинает покрываться складками, но колдунья на этот раз мгновенно успокаивается, отпускает мальчика, отворачивается и пытается отвлечься. Взмахом, она заставляет ветер поднять кусок остывшего мяса, вытащить его из тряпки и поднести к Алеше.

Мальчик спокойно берет мясо, садится, как стоял, и начинает есть.

— Вкусно. — Сухо произносит Алеша.

Айва стоит рядом молча, с потерянным, хмурым выражением, раздумывая о чем-то, а затем, ничего не сказав, выходит на улицу.

Солнце легло на горизонт. Отсюда его можно разглядеть, и невысокие дома совсем не закрывают это чарующее зрелище от взгляда. Задумавшись, Айва долго следит за тем, как раскаленный, желто-красный шар застыл на краю земли. Совсем, как мальчик, думается колдунье. Еще немного, и он провалится в бездонную черноту, спящую там, куда не достает взгляд, но если солнце неминуемо взойдет снова, то вот мальчишка уже никогда не сможет выбраться из черного омута захватившего его проклятия.

Времени все меньше, словно мальчик также застыл на краю собственного горизонта, и

Только маленький шанс отделяет его от того, чтобы навсегда пропасть с неба человеческой жизни.

Глава 12 — Плохая затея

— Вставай. Поднимайся. — Будит Айва.

Мальчик открывает глаза, поднимает корпус, а выражение на его лице, словно каменное, ни капли не изменяется. И хотя Алеша видит непривычно серьезный взгляд Айвы, сухой и напряженный, но сейчас ему не хочется даже спрашивать о том, что так резко заставило колдунью измениться.

— Идем. — Продолжает Айва сухим голосом. — Сегодня мы исполним все твои мечты, так что готовься.

Мальчик вдруг оживает, его глаза открываются шире, и колдунья замечает, как черные наросты на спине, вздрогнув, медленно, постепенно утихают, дрожа все мельче и незаметнее.

— Что, уже не терпится? — Слабо улыбается колдунья. — Пошли. На улицах еще почти нет никого, по пути все узнаешь.

Алеше и правда не терпится. Быстро отойдя от сна, он преобразается, вновь становится таким, как был до прошлого дня, все время оглядывается на Айву с ребяческим интересом и скоро не удерживается.

— А чего надо делать-то? — Спрашивает он.

— Ничего сложного. — Объясняет колдунья. — Сделаю тебе палатку, будешь торговать всякой ерундой. Я тут собрала... кое-чего.

— Торговать?

— Ты не слушаешь что ли? Да, торговать, продавать будешь оружие.

— Оружие?!

Алеша изумляется так сильно, что встает на месте, но Айва и сама в этот миг оборачивается, садится перед ним на корточки и берет за плечи.

— Слушай внимательно, мальчишка, тебе старик ведь рассказывал о проклятии? — Спрашивает колдунья, и когда мальчик растерянно кивает, она пододвигается. — Хорошо. Тебе нельзя давать чувствам волю, понял? Чтобы ни случилось, просто... просто будь счастлив.

Колдунья и сама немного кривит лицо, но иначе объяснить мальчику, как себя вести, не может.

— В общем, не сердись, что бы ни случилось, понял? — Говорит она. — Просто радуйся, думай о том, что скоро ты получишь свои хоромы. Нам только нужно денег скопить. Ты пока будешь для отвода глаз стоять у палатки, я тебе все позже объясню, а если продержишься, то останется только дожидаться старика, и уже через пару дней мы в другом городе тебе такие хоромы отгрохаем, что закачаешься!

— В другом? — Спрашивает Алеша слегка погрузневшим голосом. — Надо еще будет идти?

— Да не надо будет куда идти. Вмиг домчим на моих ветрах, даже ночи не пройдет! — Успокаивает колдунья, зачем-то начав поглаживать мальчику плечи. — Только до вечера продержишься, а там поспишь и утром, как проснешься, мы тебе хоромы выберем. Да и что тебе этот город? Ты глянь, дыра какая. Хоромы у одного князя стоят, всего одна конюшня на всю столицу. Что ты тут делать потом будешь, верно? Ну, идем, живей, пока никого нет.

Айва утягивает мальчика, все время оглядываясь, и больше ничего не удастся спросить. Вскоре они приходят на торговую улицу, но там Айва замечает, что Алеша уже стал вновь глядеть безразлично, словно тут же забыл все, что она только что говорила.

— Ты что, не рад? — Говорит она сердито, будто ругает, но тут же изменяет тон. — Послушай, дай мне немного времени, сейчас придумаю, как палатку сделать, а потом все объясню, только улыбайся. Не спрашивай, так надо. Улыбайся и делай вид, будто ты из всех людей самый радостный, тогда оно само так и получится.

Айва снова начинает оглядываться, но Алеша отвлекает.

— А чего ты сама не радуешься? — Спрашивает он с безразличным, сухим выражением. Колдунья улыбается, но неискоренимый, хитрый прищур делает ее улыбку странной, подозрительной, но никак не радостной. Хотя, даже и так Айва не лишается своего очарования.

— Я радуюсь, — отвечает она, — только мне для этого уже не нужно стараться, ведь свое проклятие я уже давно победила.

Алеша задумывается, на миг опускает глаза, потом растягивает губы в улыбку, которая выходит нелепой, а колдунья рассмеивается и даже, взяв мальчика за щеки, смачно целует в лоб, после чего сразу теряет улыбку.

— Вот так, мальчик. Продолжай улыбаться, пока можешь.

Объяснять все подробно, у колдунии времени нет. Она сразу отстает от мальчишки, оглядывается, рисует одну за другой несколько печатей, и вскоре прямо сюда прилетают доски из сарая, в котором еще недавно Айва пряталась вместе с Алешей. Здесь они быстро встанут лавкой, наподобие остальных, и колдунья тут же указывает мальчику, где встать.

Специально для Алеши она даже складывает из досок невысокий поддон, чтобы из-за прилавка торчала не одна лишь голова, а затем прячется за прилавком сама, еще раз оглядевшись, и рисует необычную, сложную печать, которая сразу же привлекает внимание мальчика.

Печать выходит больше и сложнее. Видно даже, что Айва напрягается, чтобы успеть ее закончить прежде, чем хрупкие, тонкие линии, нарисованные тонкими пальцами колдунии, станут растворяться.

Вскоре становится ясно, зачем нужна была такая печать, и мальчик верно угадывает, что больше и сложнее — значит сильнее. Скоро ветер приносит целую охапку настоящего оружия, не тех коротких ножичков, которые торчат из-за пояса у некоторых мужиков, а три самых настоящих меча, пару топоров и даже целую булаву.

Все оружие сваливается рядом с прилавком, и Айва сгибается, тяжело вздохнув, будто бы она сама несла оружие, а не ветер, и тут же она жестом подзывает мальчика.

— Слушай внимательно, — отдышавшись, заговаривает колдунья, — сейчас я тебе все объясню.

Опершись на плечо Алеши, она выпрямляет спину, быстро приходит в себя, глубоко вздыхает, и усталость сразу оставляет колдунью.

— Тебе нужно будет продавать это оружие. Ничего сложного. Просто стой и торгуй. — Заговаривает Айва. — Ты здесь будешь просто отвлекать внимание. Оружие это не простое, его не каждый даже просто оторвать от земли сумеет, так что не бойся, если кто-то попытается стащить или отнять, вряд ли тут найдется такой, кто хотя бы мечи осилит. Главное внимание привлеки, стой и предлагай мечами помахать. Наверняка, стража быстро прибежит, а только князь услышит, наверняка, у него в хоромах людей поменьше станет.

Может, даже сам придет взглянуть, а я тогда живо найду княжеский тайник, от моего ветра он не спрячется. Немножко золотых у него возьмем, заберем нашего старика и завтра уже будем выбирать, где тебе ставить хоромы. Только не бойся ничего, тебя никто не тронет, а я прослежу. Все запомнил?

Алеша глядит почти безразличным взглядом, но в его глазах еще продолжает мерцать огонек детского интереса. Он кивает, и Айва сразу начинает расставлять оружие на прилавке.

Колдунья не открывает печати и решает обойтись своими силами. Да и уже совсем светло, а значит, скоро появятся люди, и если ее заметят за колдовством, то о хитром плане можно будет сразу забыть, во всяком случае, повернуть все без шума уже не получится.

Алеша смотрит не без удивления за тем, как колдунья расставляет оружие. Даже у нее едва выходит его поднять, и то, не отрывая от земли, чтобы только опереть на прилавок. Особенно долго Айва возится с булавой, поднимая которую, она умудряется даже вспотеть. Затем, потратив еще немного времени, чтобы отдышаться, она взмахивает ладонью, даже не открывает печать, а скоро к прилавку уже подлетает кусок сыра, хлеб и несколько вареных яиц.

— На, только живее ешь. — Сваливает ветер еду на прилавок под слова колдуньи. — А то еще заметят, скажут, что ты стащил.

Алеша не выражает беспокойства и торопится лишь потому, что так велела колдунья.

— Точно все запомнил? — Переспрашивает она, и когда мальчик кивает, готовится его оставить. — Все получится, вот увидишь. Главное, примани кого-нибудь. Если воина увидишь — сразу его зови, пусть опробует.

Айва хитро улыбается, подмигивает и оглядывается.

— Все, пора.

Алеша не дает уйти и берется за подол.

— Ну чего?

— А оно точно так будет? — спрашивает Алеша.

На его лице можно разглядеть беспокойство, так что Айва не игнорирует, не отмахивается, поворачивается и выслушивает.

— Это чего они, неподъемные? — Продолжает мальчик, отпуская подол Айвиного платья. — А ежели кто сразу поднимет? Чего тогда?

— Чего-чего..., - хмурится колдунья, — тогда деньги возьми, а оружие отдай. Чего непонятного? Ладно, успокойся, все хорошо. Ты же помнишь, что тебе только и надо внимание привлечь? А остальное все я сама сделаю. Ты себе на хоромы зарабатываешь, помни об этом.

Только мальчик, вместо того, чтобы обрадоваться, хмурится.

— Ну чего еще? — Громче спрашивает Айва.

— Ну, так... это ты украдешь же... получается.

Колдунья недовольно вздыхает, но не подшучивает, садится перед Алешей на корточки и снова берет его за плечи.

— На меня смотри. — Говорит она. — Мы это не со зла делаем, а потому, что другого выхода у нас нет. Сам подумай, нам твое проклятие нужно излечить? Нужно. А как это сделать?

Алеша, разумеется, ответить не может.

— Вот именно. — Подхватывает колдунья. — Так что не умничай. Я же не все заберу,

только сундучок, какой-нибудь... небольшой. Ты же понимаешь, что нам иначе никак с твоей бедой не разобраться?

Мальчик сомневается, но ему ничего не остается, кроме как верить колдунье, так что Алеша, сжав губы, кивает, а Айва возвращает себе уверенную, хитрую ухмылку.

— Да и ты думаешь, много из богатств княжеских честно добыто? Небось, упер из соседнего княжества, или силой отобрал. — Говорит Айва и вдруг теряет ухмылку. — Хотя, может и людей обобрал. Гляди, что за дыра тут, даже ратуши нет.

Спохватившись, колдунья оборачивается к мальчику.

— Все. Хватит, не отвлекай. Скоро люди пойдут.

Айва спокойно оставляет мальчика, предупредив его, что сможет иногда проведывать благодаря своим колдовским силам. Она уходит куда-то дальше, быстро исчезает из глаз, а вскоре по улице действительно начинают ходить люди.

Алеша долго просто стоит и ничего не делает. Первым на улице появляется какой-то пастух с собакой, и та начинает яростно лаять на мальчика. Алеша застывает, а пастух и сам удивляется, что его пес кинулся на человека, едва ли ни впервые на его памяти.

Скоро по улице начинают ходить какие-то рабочие мужики. Одни тащат за собой телегу с инструментами, другие ведут бычка, третьи идут без ничего, но в грязной рабочей одежде. Город просыпается вдруг, и вот уже начинается шуметь кузня, ржут кони, шумят люди, кричат петухи, и улица заполняется суетливым шумом.

Алеша все равно стоит, почти не двигаясь. Первое время он едва может поднять глаза, но только сталкивается с кем-нибудь взглядом, как тут же опускает свой в землю. Непривычно громко, людно, странно. Всего много, все не так, как всегда, еще и нет никого рядом, колдунья ушла, волшебник остался где-то в прошлом, а сейчас его будто и не было, и мальчик не сразу берет себя в руки.

В какой-то миг один из прохожих идет совсем рядом с прилавком и Алеша поднимает голову.

— А не хотите...? — Спрашивает он тихо.

Прохожий даже не замечает, идет мимо и быстро теряется среди людей. Это еще на какое-то время сковывает мальчика, но затем его лицо становится безразличней или спокойней, и он снова поднимает взгляд.

— Хотите меч? — Спрашивает мальчик нового прохожего.

Тот оборачивается, нахмуривается, не отвечает и проходит мимо, но Алеша постепенно смелеет, хотя вернее сказать, что на его лице все меньше проявляются эмоции.

— Хотите меч? — Повторяет мальчик всем прохожим, пока один из них, прищурившись, не останавливается перед прилавком, и Алеша тут же добавляет. — Возьмите подержать.

Крепкий мужичок, почесав бороду, складывает с плеча сломанную кирку, перекладывает в левую руку, а правой берет изношенного вида, тупой, со сколами на лезвии меч, собирается поднять, и вдруг застывает, поняв, что сделать это не так просто.

Сильно нахмурившись, мужичок отпускает рукоять меча, бросает кирку на пол, плюет на каждую ладонь, растирает, и все это время хмурым, сердитым взглядом тарашится на мальчика. Алеша, как ни странно, не робеет ни на миг, даже не моргает, спокойно глядит в ответ, прямо в глаза незнакомца, и ждет, что тот сделает дальше.

Мужичок же явно принимает вызов всерьез, напрягается, берется за рукоять того же самого меча уже двумя руками и с трудом отрывает ее от лавки, едва удерживая на весу.

Острые меча упирается в землю и оторвать его от почвы не выходит сразу. Сделав передышку, мужичок напрягается еще раз, кряхтит, пыжится, чуть приподнимает лезвие, но тут же бросает попытки и сваливает меч обратно на прилавок.

Оружие с легким звоном упирается в деревянную стенку лавки, будто самый обычный меч. Только что он казался неподъемно тяжелым, но тонкие деревяшки легко справляются с весом меча и даже не прогибаются.

— Тьфу. — Плюется мужичок.

Он снова взглядывает на мальчика, но, кажется, не злится, а впрочем, миг спустя отмахивается и уходит. Алеша оглядывается, и видит, что эта одна единственная попытка незнакомца поднять меч уже привлекла внимание окружающих, и люди, оказавшиеся рядом, теперь с интересом таращатся на мальчика.

— Ну как? — Вдруг раздается голос колдуньи у самого уха.

Алеша теряется на миг, отворачивается, закрывает рот ладонью и шепчет:

— А ты, что, слышишь?

— Слышу. Говори, получается? — Продолжает звучать голос Айвы, взявшийся из ниоткуда, хотя ее самой по близости нет, сколько мальчик ни оглядывается. — Здесь у князя целая куча народа, и они никуда не собираются. Ты там вообще делаешь что-нибудь? Я это оружие аж с Красной горы притащила, да вокруг тебя уже должна была толпа собраться!

— С Красной горы? А чего это?

— Да какая разница? Только ты сказать никому не вздумай. — Торопливо объясняется колдунья. — Давай, мальчик, ты хоромы себе еще хочешь отстроить, или уже нет?

Алеша тут же оживляется и даже убирает ото рта ладонь.

— Ага! — Отвечает он громче.

— Тихо, дурень! Еще за умалишенного примут. — Ругается колдунья, но тут же смягчается. — Ничего, главное, не расстраивайся. Давай, мальчик, постарайся, ничего же сложного. Я бы и сама могла силой своей отвлечь, но так слишком много шума будет. Уж лучше пусть с легендарным оружием носятся. Запомнил? Про гору никому ни слова, а то тебя сразу схватят, допрашивать начнут. Скажи, что древнее... э, скажи, что нашел рядом с лесом, если спросят. Понял?

— Угу. — Тихо отвечает мальчик.

Голос Айвы больше не появляется. Алеша ждет ответа какое-то время, но потом разворачивается к прохожим, и видит, что к нему как раз подходят двое мужичков.

Выглядят оба неопрятно, хитро щурятся и у каждого торчат из-за поясов короткие ножи. Мальчик успевает заметить, что остальные глядят на этих двоих с опаской, а двое незнакомцев уже подходят ближе.

Один становится прямо рядом с мальчиком, встав сбоку у лавки, опирается рукой на прилавок, хитро улыбается, сплевывает на пол и только потом заговаривает.

— Слышь, щенок? — Довольно ухмыляется незнакомец. — А ты чего это тут толкаешь? Небось, спер где, а?

Мужчина оглядывает Алешу, дожидаясь ответа, и от него тут же разлетается по округе кислый запах свежей браги. Мальчик чуть не отшатывается, чувствуя, как тело просится само отойти в сторону, но Алеша сдерживается, остается на месте и отвечает.

— Нашел. — Говорит он тихим, спокойным голосом, не выдавая беспокойства. — У леса.

Айва могла бы заметить, как вдруг задрожали и окрепли черные отростки на спине

мальчика, заставляющие чувства пропадать с лица Алеши, но вокруг не оказывается никого, кто еще мог бы это разглядеть.

— Хе-хе. — Посмеивается мужчина, обернувшись к другу и почесав щеку. — А что, если... мы это у тебя одолжим.

Алеша долго молчит, хотя внешне кажется невозмутимым, но потом вспоминает слова колдуньи, забывшиеся в суете беспокойных мыслей.

— Забирай. — Говорит он. — Ежели осилишь.

Мужик выпрямляется, глядит сердито, но потом ударяет товарища по плечу и рассмеивается.

— Хе! Видал? — Ухмыляется незнакомец, а потом оборачивается и громко кричит. — Все слышали?! Сам говорит, мол, забирай!

Улыбаясь, покачивая головой с довольной ухмылкой, мужчина тут же разворачивается, наклоняется, берет меч за рукоять и начинает тянуть.

Все с интересом наблюдают, как разбойник пытается взять меч, но даже не может оторвать его от стенки лавки. Сдаваться он не желает, нахмуривается, вдруг осознав, что может опозориться, но своими попытками только смешит народ, и кое-кто из окружающих уже начинает втихую посмеиваться.

— А ну-ка дай! — Отталкивает его в сторону товарищ, расправив плечи и став казаться заметно крупнее.

Он берется за рукоять меча, но не пытается сразу поднять. Встав удобнее, мужчина застывает на миг, готовится, а затем, надув щеки и мгновенно напрягшись, пытается тянуть на себя меч.

Ему удается оторвать рукоять от деревянной лавки, поставить меч на лезвие, но еще всего через несколько мгновений и второй разбойник сдается, роняет меч обратно на лавку, и тот, с легким металлическим звоном, спокойно опирается на деревянный прилавок.

— Ах ты... мелкий... сучонок.... — Ругается мужчина, пытаясь отдышаться. — А ну отвечай, где....

Договорить он не успевает. Почувствовав ладонь на плече, он сразу нахмуривается, замолкает, оборачивается и видит здорового, бородатого мужика. Рядом с бородатым здоровяком стоит тот самый мужичок, который уже пробовал недавно поднять меч, но даже по сравнению с ним мужчина выглядит огромным. Широкоплечий, мускулистый, в порванной, грязной рубахе. Борода у мужика подвязана, волосы поддерживает очелье, а взгляд от хмурости кажется суровым, и мощные брови придают ему медвежьей дикости.

Разбойник, впрочем, не боится, сбрасывает ладонь с плеча, выпрямляется и вместе с товарищем становится напротив мужика, утыкается лоб в лоб и не стесняется даже угрожать.

— Ты чего, подраться захотел? — Хрипит разбойник. — А ну иди в свою мельницу....

— А ты мне не указывай. — Отвечает мужчина басом, нахмуриваясь еще сильнее. — Подраться, говоришь? Ну, ежели тебе в прошлый раз мало было....

Окружающие сразу притихают, и все внимание приковывается к разбойникам, затеявшим ссору с кузнецом и его помощником. Впрочем, ссора не успевает даже разгореться, как все напряжение легко разгоняет высокий, почти девичий, молодой голос.

— Эй! — Кричит кто-то в стороне.

Мальчик оборачивается и видит богато одетого, молодого купца в сопровождении пары воинов в кафтанах и с бердышами.

— А ну-ка разошлись! — Кричит голосистый купец. — Сейчас отправлю к князю гонца.

вас отсюда живо попрут!

И несмотря на его забавный, тонкий голосок, даже разбойники послушно отступают, оставляя кузнеца и мальчишку в покое. Плюясь, они уходят в сторону трактира, а здоровый, огромный мужчина, пропитавшийся запахом каленого железа, оборачивается к помощнику.

— Про этого мальчика ты говорил?

Мужчина кивает, и здоровяк подходит ближе к Алеше.

— Ну, поглядим. — Продолжает хмуриться кузнец, встав сбоку, так же, как до него стоял один из разбойников. — Ну, отвечай, малец, твои игрушки?

Алеша стоит, как столб, не шевелится, и даже когда отвечает, едва шевелит губами.

— Нашел. — Спокойным голосом заявляет мальчик. — У леса.

— Хех. Да оно ясно, что не сам сделал. Вон, хилый какой. — Ударяет кузнец мальчика по плечу, и Алеша чуть не сваливается, едва устояв на ногах. — Ну, тихо, чего ты? Я говорю, ты железками этими торгуешь? Али тебя кто приглянуть оставил?

— Я. — Помедлив, отвечает мальчик.

— Ну, поглядим. — Хмурится кузнец и опускается на корточки рядом с мечами. — Хм, видать, старые. Гляди, сколы, видал?

Помощник кузнеца внимательно смотрит, задумчиво хмыкает, но толком ничего не отвечает. Внимание окружающих это, тем не менее, привлекает быстро, и толпа вокруг становится все больше, кузнеца уже начинают слушать остальные, ну а он все не торопится поднимать мечи, и даже лезвия едва касается грубой кожей пальцев.

— Гляди, навершие истерлось.

— Угу.

— Хорошее, видать. Гляди, знак.

— Угу.

— Сток целый. Хм. Рукоять, гляди, чудная. Старая, видать.

— Угу.

Толпа сама по себе уже привлекает внимание, и чем больше людей увлекается происходящим у странной лавки с парой мечей, топоров и булавой, тем больше других прохожих начинают интересоваться происходящим, становятся рядом и уже сами начинают приманивать взгляды и пробуждать интерес.

— Ну, ладно. Хватит болтовни, пора за дело. — Встает кузнец.

Алеша уже собирается предложить мужику поднять оружие, но тот и сам уходить не собирается. Плюнув на ладони, он растирает их ровно так же, как прежде делал помощник, затем берется осторожно за рукоять крайнего меча, который еще никто не поднял, но так и застывает.

Окружающие замирают, с интересом следя за тем, что произойдет дальше. Кузнец не двигается, хотя и не выглядит так, будто вообще прилагает какие-то усилия, а затем, набрав полную грудь, начинает тянуть рукоять на себя и медленно отрывает меч от лавки одной рукой. Впрочем, тут же он бросает меч обратно, отряхивает ладони, упирает руки в бока и задумчиво покачивает головой.

— Эт да! — Протягивает кузнец. — Вот ведь....

Тут же он берется за рукоять следующего меча, но тот поддается легко, и кузнец даже отшатывается, приложив больше сил, чем нужно.

— Хех! Ну эт совсем.... — Заключает он, ставит меч обратно и берется за следующий.

Третий меч кузнец даже от прилавка не отрывает, хмыкает, но ничего не говорит и

берется за топор. Впрочем, с топорами он тоже возится недолго, оба едва отрывает от лавки, но тут же ставит обратно, а когда берется за булаву, то застывает, как и в первый раз, но теперь уже долго стоит, не двигаясь, так что даже собравшаяся толпа с нетерпением и интересом, замерев, ждет, когда что-нибудь случится.

— Ну чего там, Микола?! — Выкрикивает кто-то.

Кузнец оборачивается с таким хмурым видом, что все опять застывают.

— Да. — Протягивает кузнец, помолчав. — Ну эт... эт... чудеса!

Живо в толпе поднимается шум. Все переговариваются тихо, будто чего-то боятся, но шепот быстро становится громче, и Алеша не успевает моргнуть, как к его мечам уже устремляются люди, чтобы опробовать силы.

Даже проходящие мимо женщины, посмеиваясь, идут ближе, когда освобождается место, под веселые шутки и ободрения пытаются тянуть мечи на себя, но с хохотом отмахиваются, хихикают, отшучиваются и уходят.

Кузнец остается стоять рядом, переговариваясь со своим помощником, и пока остальные пробуют силы, он вновь подходит к мальчику.

— Эт, где ж ты такое-то нашел? — Глядит кузнец серьезно.

— У леса. — Отвечает Алеша так же, как и прежде.

— Хех. У леса. Слыхал? — Оборачивается мужчина к помощнику, а затем тут же снова поворачивает голову к мальчику. — А как ж ты сюда-то это все допер, а?

— Сам. — Не подумав, отвечает Алеша.

На миг становится тихо, но тут же раздается хохот кузнеца, и шумиха возобновляется.

— Да как же эт ты смог-то? — Ударяет кузнец Алешу по плечу, снова чуть не сбив с ног. — А ну-к, давай-ка, покаж, чего умеешь?

Он указывает на оружие, а Алеша не двигается, раздумывая, что делать, но кузнец подгоняет, не дает медлить, и приходится сделать хоть что-то.

Мальчик не показывает никаких эмоций, выглядит совершенно безразличным, выходит из-за прилавка, и ему тут же уступают дорогу. Толпа с интересом наблюдает за тем, что произойдет дальше, но все улыбаются, хотя и не отводят глаз.

Вдруг, Алешу осеняет. Колдунья обещала ему помочь и говорила, что будет приглядывать, когда успокаивала, только позвать ее сейчас никак не получится, слишком внимательно наблюдает кузнец, так что остается надеяться, что Айва сама поймет, что нужно делать.

Эти мысли немного успокаивают. Алеша становится напротив первого же меча, берется за рукоять, но сразу же ее потянуть не торопится. Кузнец встает сбоку, наклоняется, упирается руками в колени, широко расставив ноги, и с интересом следит за мальчиком.

— Ну?

Алеша медлит еще немного, осторожно тянет рукоять, чтобы проверить, успела ли колдунья наколдовать свою магию, и меч легко поддается, отрывается от лавки, становится на лезвие, а когда Алеша делает усилие, чтобы его поднять, то лезвие взмывает вверх, и толпа, в голос ахнув, от удивления отступает на шаг.

Даже кузнец не остается равнодушен, выпрямляется, чешет затылок и ничего не может сказать, только разводит ладонями и жмет плечами. Алеша начинает чувствовать, как меч тяжелеет в руке, ставит его обратно на кончик лезвия, опирает на лавку, а сам возвращается за прилавок.

Мальчика все провожают ошарашенными взглядами, и на миг тишина охватывает будто

целую улицу, но затем разом вновь становится шумно.

— Ну даешь! — Ударяет кузнец так сильно, что на этот раз сбивает-таки Алешу с ног. — Э, эх! Ты куда? Ну-ка.

Подняв мальчика обратно, кузнец теряет улыбку и опять становится хмур, видя, что лицо Алеша совершенно не меняется, будто окаменело.

— Ну, чудеса! Ну, даешь, малец! — Мгновенно забывает кузнец о том, что сбил мальчика с ног. — Видали?! Хех. Так, это, ты мне скажи, ты где нашел-то оружие такое?

— У леса. — Как заговоренный, повторяет мальчик.

— Эт я уж понял. Ну а где именно? Ты хоть сам-то понял, чего за оружие притащил?

Алеша уставляется на кузнеца пустым взглядом. Тот молча ждет ответа, ведь разглядеть беспокойство мальчика неспособен. Никто не видит, что черные отростки на спине Алеша выросли почти вдвое и стали дрожать сильнее, а потому лицо мальчика всем кажется спокойным и невозмутимым: ну еще бы, когда он только что у всех на глазах сумел поднять меч, который никто другой пока не осилил.

— Чего умолк-то? — Не отстают кузнец. — Ты хоть сам-то знаешь, что оружие-то это волшебное!

Все, кто стоит достаточно близко, чтобы расслышать, ахают едва ли не разом, но и притихают, и сразу вдруг убавляется желающих попробовать осилить удивительно тяжелое оружие. Все прислушиваются, а в толпе появляются несколько стражников во главе с знатным воеводой, служащим в дружине князя.

— Эт ж надо было такое найти! — Продолжает удивляться кузнец. — Ну, так и быть. Ты сколько за их хочешь? Давай, я тебе за каждый дам по десять серебряников....

— Да это ж все наши....

— Тихо ты. — Не дает кузнец помощнику возражать, а с мальчика даже глаз не сводит. — Ну, малец, соглашайся! Я тебе честную сделку предлагаю. Что скажешь?

Кузнец выпрямляет спину, выставляет ладонь, но Алеша застывает и не двигается. Мальчик не знает, что ответить. Нужно согласиться, или колдунье нужно еще время? Все же, она просила отвлекать внимание, а если отдать все оружие кузнецу, то стоять тут будет уже бес толку.

От этих мыслей Алеша только все больше теряется, черные отростки на его спине крепнут, увеличиваясь снова, а голос Айвы все не звучит на слуху. Мальчик оборачивается в сторону, глядит куда-то, молчит, и так и не находит, что сказать.

— Ну чего? — Торопит кузнец. — Решайся!

Впрочем, случается еще кое-что. Через толпу продирается девушка, и взгляд Алеша тут же приковывается к ней. Она выглядит совершенно обычно, в новом, видно, только что купленном сарафане, с корзинкой, в теплой душегрейке, но с таким печальным лицом, что от взгляда на душе мгновенно становится холоднее. Она тоже замечает мальчика, и тоже не может отвести глаз, замедляет шаг, всматривается, останавливается, долго глядит, а потом вдруг начинает пятиться, выставив перед Алешей руку.

— Не подходи! — Вскрикивает девушка испуганно. — Не смей! Оставь меня!

Она кричит сердито, тут же разворачивается и убегает, вспомнив лицо мальчика, которое видела в тусклом свете ночи. Только лучше бы Аленушка просто развернулась и ушла, ведь теперь мальчик вспоминает ее звонкий голос, который пытался защитить его еще там, у ведьминоного древа.

Толпа сразу напрягается, к Алеше устремляются хмурые взгляды, а мальчик задумчиво

опускает глаза и до сих пор ничего не говорит. Кузнец с помощником тоже меняются и глядят недобро, с упреком.

— Это чем же ты девку так обидел, а? — спрашивает помощник.

И толпа, судя по лицам окружающих, явно хочет тоже знать ответ. Только кузнец, вздохнув, застывает.

— Да чего он? Глянь, сам не свой, видно же. — Вздыхает кузнец. — Небось, сам не хотел. С кем не бывает? Ну, чего сделал-то, малец? Дурное что?

Алеша голову не поднимает, но что-то в нем переменяется. Вдруг, даже кузнец застывает, глядит на мальчика, но больше ничего не спрашивает, и хотя, он не видит, как резко вновь увеличиваются наросты на спине Алеши, но будто чувствует, что что-то не так.

— Эй, малец, — зовет Алешу кузнец, — хорошо все с тобой?

Голос мальчика вдруг изменяется.

— Забирай, что хочешь. — Говорит Алеша. — Мне не надо.

Его голос звучит устало и сердито, необычно грубо и уверенно для мальчика, но едва коснувшись плеча Алеши, кузнец тут же убирает руку и отступает на шаг, а вслед за ним, будто повинувшись инстинкту, замирает вся толпа, покачнувшись.

Мальчик поднимает голову. Его лицо так и остается пустым, бесчувственным, холодным, но взгляд кажется мрачным и жутким, хотя ничуть внешне не изменяется. Кузнец всего на миг заглядывает мальчику в глаза и тут же изменяется в голосе.

— Оставь меня. — Велит Алеша.

Затем, мальчик разворачивается и начинает идти прочь, в сторону княжеских хором, что дальше по улице. Кузнец не отвечает, но даже не пытается остановить.

Толпа перед мальчиком расступается, и все кругом только переглядываются недоуменно и преграждать Алеше путь не решаются. Только чуть дальше, когда он отходит от лавки, перед мальчиком встают двое, те самые, которые раньше пытались отобрать у него мечи.

— Хе, — посмеивается один из них, почесав щеку, — ну, здорова, сопляк.

Алеша теперь глядит сердито, каким-то образом выражение злобы проявляется в его взгляде, хотя лицо мальчика совсем не изменяется. Он поднимает глаза медленно и спокойно, без страха глядит на разбойника и отвечает уверенным, повелительным тоном.

— Прочь. — Велит мальчик.

Разбойники усмеваются, но еще ничего не отвечают.

— Я сказал, пошли вон. — Повышает мальчик голос.

И разбойники оба застывают. Вдруг они начинают глядеть с испугом и беспокойством, ухмылки с небритых лиц исчезают, а еще через пару мгновений разбойники с недоумением переглядываются и расступаются, освобождая для Алеши путь.

Мальчик идет дальше с прежним безразличием, словно его вообще ничего не беспокоит, а двое разбойников стоят с потерянными лицами и чешут затылки.

— Ну так... это... чего? Пойдем, что ли, напьемся? — Говорит один, словно ничего не произошло.

Второй, пожав плечами, соглашается, и оба уходят.

Когда волшебник замечает впереди город, наконец одолев путь, то он еще не знает, что уже опоздал. Впрочем, даже и колдунья еще не успевает этого понять. Готовясь воплотить свой хитрый план, она ждет у дома князя, встав неподалеку в переулке и выглядывая из-за жидкого, деревянного забора. Ее планы рушит приезд небольшой дружины, во главе с

воеводой из другого города, и ветер колдуньи отправляется снова в хоромы князя вслед за ними, мимо стражников, по палатам, чтобы услышать и принести колдунье государев разговор.

Стража пропускает внутрь незаметный ветер, скользнувший через щель широких дверей и прокравшийся в палаты. Он пролетает по длинному коридору, выложенному из камня, где снова натывается на стражу, одетую в красные кафтаны, но снова проскальзывает незаметно. Следом за вторыми дверями уже начинается дом, и здесь ветер подхватывает несколько женских голосов, а колдунья уже через миг слышит происходящий в палатах разговор.

— Ох, что ж делать мне? Может, к ним пойти? А надо ли? А показаться, разве, не надобно? — С беспокойством верещит какая-то девушка, и ее голос Айве кажется знакомым. — Ну чего ты молчишь? Ну скажи уже чего-нибудь?

— Ну чего развопилися-то? — Отвечает голос старый и сухой. — Будет вам, чай, не маленькая. Ничего вам не надобно, сидите, да ждите. Сейчас батюшка ваши сами разберутся, уговорятся о свадьбе, да и всего. Чего тут?

— Ох! — Вздыхает девушка. — Да как же мне сидеть-то? А ежели... а ежели...

— Ладно вам, княжна, уж не девочка, сами все знаете. Да и князь, говорят, что вас в жены просит, статный мужчина, у него вам в доме все лучше будет, чем тут. Там, глядишь, детишек ему нарожаете.

— Ох!

— Ну чего вздыхать?

— А ежели не понравлюсь?

— Да куда там? Кому ж такая красота-то не понравится.

— А ежели он мне не приглянется?

— Ишь, чего удумали? Все стерпится. Князь он, говорят, хороший. Я тут расспросила кое-кого, так мне рассказали, что добрый он, да справедливый, слуг бережет, почти не бьет, а уж казнить, так лет пять никого не казнил. Слюбится еще, тут и думать нечего.

— Ох....

Колдунья быстро теряет интерес и дальше уже не слушает. Да и эти сплетни только подогревают интерес Айвы, а заодно и ее беспокойство. С одной стороны, раз княжескую дочку как раз сватают, то и богатое приданное, навверняка, готово, а значит и отыскать его в княжеских хоромы будет легче, но с другой стороны, вряд ли кто-то вообще сейчас обратит внимание на то, что творится в городе, так что и ждать, чтобы из хором ушла хоть часть стражи, бесполезно.

В княжеские конюшни уже поставили своих коней воины из дружины соседнего княжества, и все они приютились в княжеском доме, всем нашли место, а сейчас усадили за стол потчевать. Ветер успевает облететь чуть ли не все хоромы, и Айва узнает, что князь как раз принимает в зале воеводу с боярином и парой самых верных воинов, так что колдунья решает подслушать уже их разговор, чтобы узнать, когда появится шанс стянуть из дома князя каких-нибудь богатств.

— Ну, — как раз говорит князь, закончив с приветствиями и сев за стол, — какие вести принесли в наш дом?

— Радостные, государь. — Садится боярин вслед за князем, а уже за ним присаживается и воевода, оставив воинов стоять в стороне. — Князь наш, Владимир Милостивый, с честью принимает твое щедрое предложение и готов взять дочку твою, Варвару, в жены.

Князь всасывает через нос воздуха и ударяет по столу рукой. Замирают все, о чем можно догадаться по вдруг повисшему молчанию, и даже Айва с легким недоумением застывает, вся превратившись в слух.

— Довольно! — Вскрикивает князь. — Желаю, чтобы завтра же вы вернулись обратно и передали князю, что на таком радостном празднике я желаю гулять как можно скорее, и уже не могу дождаться, чтобы выпить с будущим зятем!

Айва даже вздыхает. Теперь, может, все и обойдется удачно.

— Меду! — Кричит радостный князь, желая напоить гостей, и колдунья перестает слушать, намереваясь теперь разыскать сокровища или приданное, а потом уже выгадать момент, чтобы незаметно стащить их как-нибудь из дома.

Выдохнув, Айва отпускает ветер и дает себе миг передохнуть. Скорее всего, сейчас князь напьется меда и захмелеет, и пока все будут веселиться и отдыхать, наверняка выдастся миг, чтобы все устроить, но вдруг, обернувшись, колдунья замечает мальчика, тут же бросается к нему, берет за руку и утягивает в проулок.

Алеша не сопротивляется, а колдунья не успевает обратить внимания на черные отростки на его спине, поскольку больше глядит по сторонам. К счастью, поблизости никого не оказывается, и Айва взглядывает на мальчика, тут же замирает, посмотрев на торчащие из-за спины Алеша, черные ростки проклятия, ставшие похожими на звериные лапы.

— Оставь меня в покое. — Говорит мальчик спокойным, тихим голосом.

Айва тут же забывается, смотрит в его глаза и будто не видит, что белки его глаз уже наполовину стали черными.

— Пф, ну и ладно. — Отвечает колдунья, будто обиделась. — Не хочешь, чтобы помогала, ну и пожалуйста.

Она скрещивает руки на груди и отворачивается, а мальчик собирается уходить, делает шаг в сторону княжеского дома, но вдруг останавливается и поворачивается обратно.

— Скажи мне, правду люди говорят, — спрашивает он, — что ежели ведьму убить, то можно завладеть ее силой?

— Вот ты пристал. Неужели так интересно? Ладно. — Быстро соглашается Айва. — Правда.

Она собирается еще что-то добавить, но мальчик задумчиво опускает глаза и заговаривает первым.

— А ты же не ведьма, да? А ежели я тебя убью?

Айва ведет себя как обычно, словно мальчик говорит то же, что и всегда. С легким неудовольствием, приевшись ее выражению, колдунья вздыхает, отводит глаза, но тут же оборачивается.

— Не ведьма я, когда ты уже запомнишь? И, да, если меня убить, то можно получить силу, но только если....

Что-то останавливает Айву, она всматривается в глаза мальчика, начинает хмуриться, но потом встряхивает головой, словно отмахивается от случайной мысли и продолжает спокойно говорить.

— Обряд нужно правильно сделать... в общем, легче без этого обойтись, уж поверь.

Мальчик нахмурился, опускает глаза, раздумывает о чем-то и молчит.

— А ты меня убить надумал что ли? — спрашивает Айва.

Алеша не отвечает, продолжает о чем-то думать, а потом заговаривает, не поднимая взгляд.

— Уходи. — Говорит мальчик, оборачиваясь в сторону княжеского дома. — И больше ко мне не приближайся.

— Пф, да и на здоровье. — Фыркает колдунья, и тут же послушно уходит, даже не пытаясь спорить или перечить.

Алеша же идет к дому, навстречу стражам, глядя лишь на дверь. Он вдруг теряет чувственность мальчишеского лица, опускает веки и с безразличным выражением идет дальше.

— Стоять! — Грозно приказывает один из стражников, выставив ногу и подняв ладонь. — Чьих будешь, да по какому праву....

— С дороги. — Спокойно перебивает мальчик.

И стражник заминается. Внезапно он замолкает, уставившись на мальчишку, но ничего не может возразить, кивает и отходит в сторону.

Второй стражник, заподозрив неладное, перехватывает бердыш, чаще служивший для устрашения, но Алеша на него лишь взглядывает, и второй стражник тоже застывает.

— В сторону, я сказал. — Злым, недовольным тоном шипит мальчик.

— Да, государь. — Тут же кланяется стражник. — Как велите.

Алеша спокойно проходит в княжеские хоромы, но внутри ему приходится еще долго плутать. Не сразу мальчик отыскивает нужные палаты, успев навести шороху. Напугать своим появлением мальчишка вряд ли кого-нибудь бы смог, тем не менее, его заметили и слуги, и боярыни, и сами бояре. Бояре тут же повелели мальчика поймать и выкинуть к чертовой матери на улицу, ругаясь, что дружинники ничего не стоят, если обычного, крестьянского мальчишку и то пропустили в княжеские палаты, но поймать Алешу не успевают, а даже если бы и смогли, то вряд ли бы долго удержали. Вскоре мальчик все же находит главный зал, где всюду идет пышная трапеза.

Когда Алеша заходит, то все сразу умолкают. Быстро все внимание обращается к нему, но Алешу это совершенно не пугает и даже немного не беспокоит. Он оглядывается, находит взглядом князя, которого легко угадывает среди остальных приближенных по особой шапке, усыпанной камнями, так же щедро украшенному поясу и гербовому плащу, соединенному тонкой золотой цепью.

Богатыми одеждами, кроме самого князя, среди остальных выделяются еще лишь двое. Боярин в позолоченных одеждах, и сурового вида мужчина. Второй, держа в руках огромный меч в расписных ножнах, с большим перстнем, короткой, но густой, мощной бородой, первым обращает свой угрюмый взгляд на мальчика, и Алеша тоже его замечает, но уже отыскав князя, не обращает на воеводу никакого внимания.

— Выбросить щенка! Немедля! — Приказывает князь, взглянув на своих бояр.

Те сразу же встают с мест, кланяясь на ходу, и идут навстречу мальчику, смотря так угрожающе, будто Алеша провинился лично перед ними. Только остановить его они не могут. Еда четверо бояр окружают мальчика, как он с безразличием взглядывает на каждого из них и приказывает спокойным голосом: «Прочь».

Бояре, поклонившись, расходятся в стороны, и вот теперь уже все немеют, с удивленным испугом таращась на мальчика в грязной, старой и дырявой крестьянской одежде, который, тем не менее, одним лишь взглядом заставил бояр с поклонами уступать дорогу. Не понимая, что происходит, даже князь с воеводой, переглянувшись, на мгновение застывают.

Мальчик спокойным шагом идет к князю. Мгновение тишины, предвещающее бурю,

мгновенно оканчивается, и князь резко встает с места, ударом поставив кубок на толстый деревянный стол.

— Выбросить! — Приказывает он криком, маскируя волнение за злобой. — Бросить собакам!

И уже бояре, приближенные дружинники и стражники бросаются к мальчику, скаля зубы от ярости, как дикие звери. Даже воевода из чужого княжества встает с места, хмурясь и не отрывая глаз. А когда все остальные начинают расступаться, подходя к мальчику, не вынимая из расписных ножен огромный меч, воевода берет его у основания двумя руками, как дубину, и преграждает Алеше путь.

Только перед воеводой мальчик останавливается на миг, но князь уже даже за спиной богатыря начинает бояться и с беспокойством следит за происходящим. Все кругом — бояре, воинство, самые преданные люди, почти всегда находившиеся рядом, теперь стоят за спиной у крестьянского мальчишки, одетого в рваное тряпье. И все глядят так, будто князь для них ничего не значит. Воевода же опускает глаза и всматривается в холодное, ужасающее своим безразличием лицо Алешы.

— Уйди, щенок. — Говорит богатырь тихим, спокойным голосом, совсем беззлобным, но внушающим покорность глубиной и насыщенностью низкого баса. — Шею сверну, не погляжу, что дитя.

Алеша не пугается, даже не моргает в ответ.

— Ну как знаешь. — Вздыхает богатырь и поднимает меч, одетый в ножны.

— Отойди. — Только сейчас заговаривает мальчик.

И вдруг, богатырь замирает, будто его пронзило копьем. Миг он еще может держать себя в руках, пытается сопротивляться, но чувствует, как воля постепенно тает.

— Ах... ты.... — Пытается богатырь уронить меч.

Собственные же руки не позволяют ему завершить удар, останавливают меч и упирают в пол, а воевода опускает голову и освобождает мальчику проход. Вдруг, князю становится действительно страшно.

— Что происходит!?! — Оглядывается он.

Никто не отвечает, все стоят молча, опустив глаза и не желая взглянуть в глаза князя.

— Предатели! — Сердится он. — Ни чести вам, ни памяти! Будьте вы прокляты, трусливые....

— Ты князь? — Перебивает мальчик.

Он заговаривает совсем тихо, но вдруг, князь теряет всю злобу и опускает глаза.

— Я — князь. — Отвечает он изменившимся, спокойным голосом.

— Дочь твою, за меня в жены отдай. — Велит мальчик.

Князь миг не отвечает, но потом спокойно кивает, будто бы отвечает сапожнику, который поинтересовался, начистить ли сапоги еще лучше.

— Будь по-твоему. Эй, вы.... — Уже собирается князь отдать приказ, но вдруг останавливается глазами на воеводе, а затем снова оборачивает взгляд к мальчику. — А что же мне ответить светлейшему князю Владимиру Милосердному?

Алеша даже теряется, застыв в недоумении. Хотя, до сих пор его лицо не выражает ни единой эмоции.

— Ответить на что? — Переспрашивает мальчик.

И князь с обычными своими манерами наклоняется к Алеше, но говорит так, будто бы беседует с молодым царевичем.

— Так ведь дочь моя ему обещана. — Отвечает князь с задумчивой обеспокоенностью. — Ссориться с ним нам....

— Пусть скажут ему, — перебивает Алеша, — будто сбежала она, да и не нашли.

Князь со всей внимательностью слушает мальчика, но потом вдруг медленно поднимает растерянный взгляд на стоящего в паре шагов воеводу.

— Э..., - запинается князь, но с каждым словом продолжает все увереннее, — передай своему князю, светлейшему Владимиру Милосердному, почести мои, да слова благодарственные, да скажи, что свадьбе дочери моей не бывать, потому как... э... сбежала, да найти не смогли. Вот так вот. Так ему и говори.

Алеша и сам застывает, лишь теперь поняв, какую роль исполняет воевода. Да и все остальные, включая богатыря, поднимают глаза и не без интереса следят за тем, что произойдет дальше.

Воевода, впрочем, не теряется. Достав из ножен меч, он одним этим движением заставляет мальчика затаить дыхание, но после вдруг стает на одно колено, бросив ножны, а меч ставит перед Алешей.

Крестовина оказывается ровно напротив глаз мальчика. Лишь теперь Алеша понимает, насколько огромный меч носит с собой воевода, хотя, испуг уже проходит, а лицо мальчика так и остается безразличным, и он с холодным взглядом слушает воеводу.

— Коли велишь мне, так голову сам с плеч своих же сниму. — Заговаривает богатырь гулким басом, от которого по груди идет дрожь. — А коли надобно соврать князю моему, светлейшему Владимиру Милосердному, так я и то сделаю. Пусть чести моей воинской и в помине не станет, да только скажу то, что повелишь.

Затем, он медленно поднимает на мальчика взгляд, но Алеша молчит.

— Так чего велишь?

Мальчик продолжает молчать, поднимает глаза и окидывает всех взглядом, после чего боярин, пришедший с воеводой, бросается к мальчику.

— Не вели казнить! — Подступает боярин, а затем падает на колени рядом с воеводой. — Дозволь слово взять!

Алеша ничего не понимает, не успев привыкнуть к такой странной речи. Проклятие изменило его ум, но не сделало всезнающим. А боярин глядит умоляюще, и мальчик переводит растерянный взгляд на князя.

— Чего он? — Почти шепотом спрашивает Алеша.

Князь и сам теряется, услышав от мальчика такой неожиданный вопрос, но мгновение спустя наклоняется ближе, прикрывая рот ладонью и вслед за Алешей немедленно переходя на шепот.

— Слово просит. — Объясняет князь. — Кивни — заговорит, а нет, так голову ему с плеч и снесут.

Алеша вздыхает, поворачивается и кивает.

— Я бы не доверял воеводе. — Честно говорит боярин. — Сам-то я тебя не предаю, да вот только он самый верный из людей князя нашего, Владимира Милосердного.

Богатырь тут же переводит на него сердитый взгляд, а боярин отползает на пару шагов в сторону, говорит тише, но продолжает настаивать.

— Чего доброго, предаст!

Воевода тут же встает, не стерпев оскорбления, но мальчик ладонью заставляет его успокоиться.

— Да коли я тебя предам, — покорно склоняет воевода голову, — так чтоб мне в землю провалиться и там живьем помереть.

Мальчик поворачивается к боярину.

— А ежели я прикажу тебе, — холодным голосом спрашивает Алеша, — чтобы ты убил свою родню, а затем пришел ко мне и на моих глазах перерезал себе горло, скажи, тогда ты меня предашь?

Боярин даже не задумывается, он живо подползает на коленях к мальчику, хватая за грязный лапоть и поднимает искренние глаза, налившиеся блеском слез.

— Да как же можно! — Вопит боярин. — Да ты только скажи! Да коли не веришь, так я....

Алеша не дослушивает.

— А тогда, отчего ты думаешь, что он предаст? — Спрашивает мальчик.

И этот ответ боярина не просто устраивает, но лишает всяких подозрений, а раздумывать над логикой мальчика боярин даже не пытается, но говорить все еще продолжает.

— Дозволь сказать! — Крепче хватая он Алешу за грязный лапоть. — Не вели говорить князю, будто дочь княжеская пропала! Вели передать, что сгубла она! Умерла! Нету ее! А иначе, князь, светлейший Владимир....

— Хватит. — Останавливает мальчик, уставая уже выслушивать длинное представление князя, которое все повторяют, как заклеянные. — Сгубла? А как?

— Э, болезнь, али еще чего. — Отвечает боярин.

И к беседе подключается еще один из бояр, с длинной бородой, старый, но крепкий мужчина, из советников князя.

— Дозволите? — Спрашивает он учтиво, но почему-то ответа не дожидается. — Давеча в колодец она девица рухнула, черт знает, как ее угораздило. Да только выбраться уж не смогла. В такое, во что трудней всего поверить, всегда легче другого верится. Ежели сказать, что болезнь, али еще чего такое, то, вишь, еще и заподозрят неладное. А ежели сказать, будто в колодец она свалилась, так наверняка поверят. Да и ведь не выдумать такого, было же давеча.

Выслушав мнение старика, все поворачиваются к мальчику, а тот, помедлив, снова переводит взгляд на воеводу и богатыря.

— Ступайте. — Говорит мальчик спокойно. — Передайте, что дочь княжеская свалилась в колодец, да сгубла, и больше сюда не возвращайтесь.

Боярин встает и кланяется, богатырь, нахмурившись, кивает, тоже поклоняется, поднимает тяжелые ножны, вставляет меч и уходит, забрав с собой пару верных дружинников, о которых Алеша узнает только сейчас.

Впрочем, мальчик ни о чем уже, кажется, не заботится. Велев дать ему стул, он занимает место рядом с князем. А пока бояре отправляются искать по палатам достойную одежду для мальчика, он садится за княжеский стол, впервые видя такое разнообразие угощений.

— Хочу, — говорит мальчик, — чтобы сегодня же была свадьба.

Князь, слегка замаявшись, хватая кубок и лично наполняет один для себя, а другой для Алешы. После чего, отдав мальчику кубок, с искренней, радостной улыбкой, поворачивается к боярам и поднимает свой.

— Эй вы! Кто с рожей кислой — тому лицо сам, собственным кулаком разукрашу! Эй,

гуляй, бояре! Открывайте погреба, пируем! Замуж дочь свою выдаю! Замуж Софьюшка моя выходит! Эх! Да Софью сюда! Живее!

Алеша опускает хмурый взгляд, и князь тут же садится рядом, глядя на мальчика с испугом.

— Уж не передумал ли? — С тревогой в голосе спрашивает князь. — Пригорюнился чего? Али Софья моя тебе уже не мила?

Алеша поднимает глаза. За эти короткие мгновения они успевают целиком почернеть, а впрочем, князь этого все равно не видит, и смотрит на мальчика, как на родного, хотя еще недавно готов был отдать его на растерзание собакам.

— Теперь все будет по-другому, теперь не будет, как прежде. — Проговаривает мальчик так тихо, что князь не может расслышать.

И тут же Алеша осматривается, будто ищет кого-то взглядом, но не может найти.

— Чего? Ты только скажи, что не так-то? — Все тревожнее выглядит князь.

Алеша молчит. Теперь уже черные отростки, невидимые для окружающих, полностью опутывают мальчика, а в его глазах медленно тает последний белый островок. Разгорается пир, все веселятся, гремят кубками, шумят и поздравляют Алешу, приводят к нему растерянную Софью, которая уже миг спустя, влюбленная, краснеет от смущения, едва мальчик заглядывает в ее глаза и велит сесть рядом. И только Алеша на этом пиру сидит с хмурым, недовольным лицом, на котором растаяли последние следы яркости детских эмоций.

Айва сама натывается на старика, когда бредет с недовольным лицом по городу. На колдунью по-прежнему таращатся окружающие, но она уже не обращает совершенно никакого внимания и не пытается укрываться от взглядов.

— Старик! — Бросается Айва к волшебнику, на миг даже улыбнувшись. — Наконец-то, уже думала, год тебя придется ждать в этой дыре.

Старик хмурится, оглядывается, ищет глазами Алешу, а потом уставляется на Айву сердитым, недовольным взглядом.

— Где мальчик?

— Да где, дома у князя, где же еще?

— Айва, я серьезно, отвечай...

— А я шучу, по-твоему? У князя он. Уходи, говорит. Хм. — Фыркает она обижено. — Да и пошел он к черту, гаденыш неблагодарный.

Старик теряется ненадолго, смотрит с недоумением на Айву, замечает невдалеке, как здоровенный кузнец на пару с помощником едва может утащить какой-то старый, худой топор, но на посторонних решает не тратить время и тут же уводит взгляд.

— Ты что несешь? — Спрашивает он тише, но и спокойней. — Как это мальчишка мог оказаться у князя?

— Да как? Взял и пошел. А что там с ним дальше — я не знаю. Сам меня отправил. Пф буду я еще за ним гоняться. Нужен он мне. — Отвечает Айва и вдруг начинает улыбаться, как ни в чем не бывало. — Спрашивает, можно ли силу получить, если убить меня, представляешь? Вот же мелкий гаденыш. Хотя, убивать не стал. Пожалел, наверное.

Теперь волшебник начинает понимать, что с колдуньей что-то произошло.

— Айва, — встряхивает старик колдунью так сильно, что у нее разбалтывается голова, — возьми себя в руки. Ты сама слышишь, что говоришь?

— Да чего ты меня... — Только успевает выговорить колдунья.

Она отбивает руки волшебника ладонями, но вдруг застывает. В выражении Айвы появляется недоумение и даже страх, колдунья широко раскрывает глаза, застыв, долго глядит на хмурое лицо старика, а потом вдруг пошатывается и с растерянным видом отступает.

— Проклятье. — Бормочет колдунья, а затем хватает старика за плечи. — Он меня... околдовал? Старик, он меня околдовал! Мальчишка!

— Тихо. — Тут же останавливает ее старик, пока Айва не привлекла внимание.

Он уводит колдунью в сторону и уже смотрит на нее по-другому, все еще хмурится, но уже перестает сердиться.

— Что случилось?

— Я не знаю. Я хотела... да не важно. Мальчишка! — Медленно приводит Айва мысли в порядок. — Он встретил меня у княжеского дома, а потом... он спрашивал, а потом сказал, чтобы я ушла, и....

— И ты ничего не смогла сделать?

Айва медлит, а затем с виноватым, печальным видом качает головой, а старик отступает к забору, начинает садиться и прямо под ним быстро, плавно из земли поднимается камень.

В проулке никого, но волшебник все равно оглядывается и говорит тихо.

— Поздно, Айва. — Говорит он. — Мы опоздали.

Колдунья хмурится, складывает руки у низа живота, опускает голову и виновато утыкает взгляд в землю. Она вдруг начинает выглядеть, словно другой человек, как провинившаяся девочка, впервые даже не пытаясь спорить или возражать, и только молча ждет, когда старик продолжит.

— Значит, бес толку. — Достает он из-за пояса небольшой, темно-фиолетовый камушек, привязанный к веревке.

Старик разглядывает его мгновение, а потом сердито бросает в сторону, и Айва, увидев это, опускает взгляд еще ниже.

— Значит, он хотел тебя убить, чтобы получить силу? — Заговаривает волшебник.

— Он спрашивал, но... ничего не сделал. — Говорит колдунья так, будто оправдывается.

Старик, впрочем, не медлит. Еще немного подумав, он вздыхает и поднимается с камня, и тот сразу же проваливается сквозь землю, оставив на земле широкий след.

— Выхода нет. — Снова заговаривает волшебник. — Ты ведь понимаешь, что нам нужно сделать?

Айва не отвечает, но по взгляду старик легко угадывает ее мысли.

— Иначе никак. — Добавляет он. — Ты и сама это знаешь. А теперь идем, нужно разобраться с мальчишкой, пока его проклятие не успело перекинуться на других.

В это время у конюшен быстро рождается слух, который мгновенно расползается по городу. Воины, удивленные стремительным появлением воеводы и боярина, спрашивают тех, отчего так скоро нужно вновь собираться в путь, напоминая, что кони не успели отдохнуть. Отвечает им воевода, говорит, что княжеская дочь умерла и делать здесь больше нечего, и вместе с боярином и воинами он готовится немедленно отправляться в путь.

Конюх, услышавший этот разговор, тут же бежит поделиться горестными вестями с другими слугами, а скоро уже по всему городу разбредается эта случайно рожденная нелепость, заставляя всю столицу подняться на уши.

— Нам это на руку. — Говорит старик, подходя с колдуньей к княжеским хоромам. — Ты знаешь, что нужно сделать. Убей мальчишку, пока есть время, а затем...

Айва вдруг поднимает глаза, и решительное выражение на ее лице пугает старика настолько, что он мгновенно замолкает, а колдунья успевает нарисовать печать, у нее на ладони собирается воздух и появляется острие, похожее на тонкую льдинку.

— Ты что делаешь? — Сердится волшебник, не успевая ее остановить.

— Тебе нельзя туда идти. — Тихим, пустым голосом отвечает колдунья. — Твое заклинание... сломлено.

Старик не успевает ничего сделать, как осколок срывается с ладони Айвы от легкого взмаха и пронзает волшебнику лоб. Воткнувшись, он растворяется, но старик остается стоять, его кожа вдруг начинает трескаться, обращается в пыль и вмиг рассыпается каменным песком.

— Айва!

Вокруг шумят, в городе поднимается галдеж и вой, кто-то плачет, кто-то кричит, двое разбойников громят какую-то лавку, а воины, не обращая на них внимания, бегут к княжескому дому, так что старик не боится, что его услышат. Да и времени на лишние беспокойства нет. Волшебник пытается схватить колдунью за руку, но не успевает, и она резко отскакивает в сторону, стрелой пускаясь к входу в княжеский дом.

— Ты не сможешь ему соврать! — Кричит старик вдогонку.

— Я и не стану. — Тихо отвечает колдунья, но ее голос старика уже не достигает.

Воевода и боярин, приехавшие от князя Владимира Милостивого, к этому мгновению встают на холме с дружиной, оказавшись так далеко, что сила мальчика на них перестает действовать.

— Ну и чего делать будем? — спрашивает вдруг боярин, после долгого молчания.

Воеводу сковывает такое же недоумение, когда действие незнакомой силы развеивается, но он быстрее оправляется от замешательства.

— Вот скажи мне, — отвечает боярину воевода, — как теперь князю в глаза смотреть будешь?

— Ты меня не страшай, Святогор. — Отвечает тот, но мысль не заканчивает.

— Я и не думаю. — Сразу продолжает богатырь. — Я про другое тебе говорю. Сила то была нечистая, вины нашей в том нет, да только посмеешь ли ты к князю вернуться и сказать, что его невесту вместе с будущим зятем мы так и бросили здесь с нечистой силой, чтобы поскорее рассказать о том князю нашему Владимиру.

Боярин хмурится и понимает, к чему идет речь.

— Я отправлюсь вперед, доложу князю все, как есть. — Заговаривает он, чуть помедлив. — А тебе с нечистой тягаться оставляю. Все равно, ежели ты ее не победишь, так я и не знаю, кто тогда сможет.

Боярин тут же разворачивает коня, но останавливать его никто не собирается. Воевода лишь кивает паре воинов, и те отправляются за боярином следом, чтобы сопроводить, а богатырь подзывает к себе писца и стрелка, и вскоре в сторону княжеского дома отправляется записка, нанизанная на длинную стрелу.

Старик немногим раньше этого прикивает к земле и начинает слушать голоса, которые с трудом достигают по земле его слуха.

— ...говорил, но..., - доносится знакомый голос, — ...вот... пришла.

Поначалу, трудно узнать в глухой хрипote голос колдуньи, но вскоре старик начинает слышать его чуть отчетливей и уже может догадаться о том, что происходит внутри.

— Так зачем я тебе нужна? — спрашивает Айва, ухмыляясь, еще не успев испытать на себе чары мальчика.

Никто не смеет заговорить. Все, кто находится рядом с Алешей, таращатся на колдунью и молчат. Рядом с мальчиком сидит князь. С другой стороны от Алеши сидит красивая девушка, и Айва даже прищуривается, взглянув на нее и пытаясь вспомнить, отчего лицо девицы кажется знакомым. Еще вокруг какие-то бояре, пара слуг, воины из дружины, и все таращатся на колдунью, но как только мальчик встает, оборачиваются к нему, продолжая молчать и глядеть на Алешу с непоколебимым восторгом.

— Теперь я рад, что ты пришла. — Подступает мальчик.

Выглядит он иначе, чем раньше. На нем богатые одежды, яркие, красные сапоги, украшенная драгоценными камнями шапка, красивый опашень, но вид мальчика изменила не одежда. Взгляд его стал еще холоднее и ужасней оттого, что проявился на лице, на котором еще не истерлись окончательно детские черты.

— Пришла. — Легко отвечает колдунья, без тени волнения. — Говори, чего хотел, или я пойду обратно.

Алеша не отвечает. Спокойным, неторопливым шагом он подходит все ближе. Айва быстро теряет ухмылку и начинает глядеть сердито, но с места все равно не двигается, а

скоро мальчик уже подступает к ней на расстояние шага и берет за руки.

— Я желаю, чтобы ты мне сослужила. — Говорит он.

И Айва ощущает, как снова разливается по телу это радостное чувство, преображающее весь мир в ее глазах.

— Ты и правда...? О, я так растрогана. — Вдруг сжимает колдунья ладони мальчика. — Я знала, что ты меня примешь.

Такого лица у Айвы не было ни разу, с тех пор как Алеша впервые ее увидел, и все же, его выражение ничуть не изменяется, а Айва тут же берет его под руку.

— Ну и? Зачем я тебе? — Улыбаясь и откровенно заигрывая, спрашивает колдунья. — Хотя, я догадываюсь, но все же.

Мальчик не выражает интереса.

— Узнаешь, когда надо будет. — Отвечает мальчик. — А пока молчи.

— Ну ладно. — Обижено, но без злобы вздыхает Айва.

Больше Алеша ничего не говорит. Он идет молча к своему месту, собираясь опять усесться на богатый стул, мало чем уступающий трону, но колдунья вдруг останавливается.

В мгновение этой короткой тишины старик ничего почти не слышит, кроме шорохов.

— На самом деле, — вдруг останавливается колдунья, отпустив мальчика и виновато хмуря брови, — тебе ведь не нужна я.

Она поднимает глаза, когда мальчик оборачивается, и смотрит так чувственно, что трудно заподозрить в этом милом и нежном выражении черты сухой и жестокой колдуньи.

— Тебе лишь нужна моя сила. — Заканчивает она.

— Ты права. — Спокойно отвечает Алеша. — С тобой я....

— Есть способ передать ее тебе. — Перебивает Айва, не дав мальчику закончить. — Ты можешь получить часть моей силы, если совершишь ритуал.

Старик вздрагивает, открывает глаза, но тут же снова припадает ухом к земле, испугавшись, что может пропустить хоть слово.

— Ты говорила? Расскажи мне больше. — Велит мальчик.

Колдунья вдруг изменяется, смотрит уверенно и холодно, вдруг потеряв все тепло и нежность из своего выражения.

— Ты можешь убить меня и заполучить в свои руки большую часть моей силы.

Даже старик не выдерживает. Неожиданно он теряет вмиг всю сдержанность, все спокойствие, отрывает лицо от земли, поднимает ладонь и с такой силой ударяет в землю, что заставляет своим колдовством пронестись по земле дрожь.

— Айва! — Кричит волшебник хриплым, но мощным голосом, который проносится едва ли не по всему городу. — Не смей!

И его крик долетает до слуха Алеша, удивленно приоткрывшего глаза. Впрочем, на лице мальчика удивление все равно проявляется настолько слабо, что Алешу едва ли можно заподозрить в чувствительности. Да и его окутывают целиком толстые, черные выросты, превратившиеся в непроницаемый панцирь, который, однако, даже Айва теперь уже не может заметить, находясь под чарами мальчишки.

— Что это? — Спрашивает мальчик.

Колдунья отмахивается.

— Старик, что же еще? — Ухмыляется Айва. — Наверняка, хочет помешать. Надо бы поторопиться, если хотим....

Волшебник в это мгновение уже заканчивает рисовать печать, ладонью снова ударяет в

землю, но теперь уже прижимая магический знак, тающий в его руке. И тут же земля вздрагивает так сильно, что в княжеских хоробах, все кто стоит, тут же поджимают колени, чтобы не свалиться.

— Черт! Старик! — Ругается Айва, слегка отклонив взгляд. — Ты же слышишь меня? Хватит!

Тут же она поворачивается к мальчику с непринужденной улыбкой, сразу же объясняясь.

— Наверняка, подслушивает.

Тряска вдруг прекращается.

— Пошел! — Ударом в воздух бросает воевода руку.

Стрелок отпускает тетиву, древко выскальзывает из прочных объятий натруженных пальцев, и стрела уносится прочь, а уже миг спустя врежется в деревянные ставни, но из-за встряски, никто, кроме волшебника, ее не замечает.

— Попал? — Щурится богатырь.

Только рассмотреть с такого расстояния стрелу ему не удастся.

— В ставень вошел. — Отвечает стрелок. — Должно бы заметить им, но ежели надобно, то еще выпущу.

Старик, как раз отвлекшись на стрелу, игнорировать это событие не решается. Подняв с земли два камешка, он складывает их на ладони, а потом начинает бубнить под нос что-то неразборчивое. Камешки тут же сами встают один на другой, а затем один взмывает вверх, ударяет в стрелу и переламывает древко у самого наконечника, а второй камешек прямо в ладони старика рассыпается в пыль.

Стрела падает рядом. Волшебник быстро стаскивает кусочек бумаги, привязанный к древку, читает, но только хмурится сильнее и даже начинает сердиться, взглянув в сторону, откуда прилетела стрела.

— Стрелять тебе надобно прямо в окно, чтобы стрела в хоромы пролетела, а не в бревне застряла. — Велит богатырь.

Стрелок, уже зарядивший стрелу с примотанной у наконечника запиской, даже бросает на него удивленный взгляд.

— Так... как же? — Теряется стрелок. — А ежели угодит в кого?

— Все равно нам туда лучше бы не соваться. А если заслужили мы удачу в битвах, — говорит воевода громко, во весь голос, — так стрела угодит прямо в лоб этой нечисти. Пошел!

И еще одна стрела уносится в сторону княжеских хором, перелетая через весь город. Старик замечает ее еще в полете. Хотя, стрела летит быстро. И все же, волшебник успевает принять меры. Схватив охапку камней, он что-то торопливо бормочет, вторую руку оторвав от земли и поспешно рисуя печать, а только заканчивает, как все до одного камешки взлетают и напротив окна выстраивают стену.

Стрела ударяется в плотный ряд камней, отдавая звоном, но тут же вместе с ними падает на землю, и пока воевода и лучший его стрелок пытаются, щурясь, увидеть, куда угодила стрела, Алеша оборачивается на звон, донесшийся со стороны окна.

Богатырь решает подождать, пока не выяснится, что случилось. Запускать новую стрелу так скоро вслед двум предыдущим ни к чему. Тем более что даже зоркий глаз лучшего стрелка не может отсюда рассмотреть, что за светлое пятно выросло перед окном, куда оно исчезло, а уж тем более, не разглядеть ему отсюда того, куда угодила стрела.

— Это старик. Наверняка. — Заявляет колдунья. — Нужно торопиться, а иначе он что-нибудь придумает. Быстрее, я расскажу, что нужно делать, чтобы совершить обряд. Главное — для такого нужно вонзить кинжал мне прямо в сердце.

Алеша начинает что-то подозревать, судя по тому, как долго он молчит, не торопясь ответить. Айва не сдерживается раньше.

— Думаешь, лгу? — Подходит она ближе и берет мальчика под руку, глядя на него влюбленными глазами. — Эх, дурачок ты, Алешка. Как же я тебя обману, когда я... когда ты такой хорошенький!

Колдунья прижимает мальчика и смачно чмокает в щеку. И на нее тут же начинает сердито коситься Софья, да и ее отец, князь, тоже глядит на Айву недобрыми глазами, но Алеша не покупается.

— А ежели врешь, так как мне узнать?

Айва качает головой и вздыхает.

— Я же тебе такой секрет открываю, я жизнь тебе отдаю, а ты... Но только... одно мне нужно знать.

Айва меняется в лице, да и вести себя начинает странно. Она слегка подрагивает, но это едва заметно, и все равно чувствуется, будто бы колдунья борется сама с собой, перебарывает свои желания, отчего мальчик начинает подозревать ее лишь больше, а старик вдруг слышит голос колдуньи, ветром шепчущий прямо ему на ухо, и застывает в недоумении, вслушиваясь в каждое слово.

— Я не смогу, не выдержу.... — С трудом выговаривает Айва. — Я должна знать....

У нее на лбу даже проступает несколько капель пота, и вдруг колдунья почти бросается на мальчика, схватив его за плечи и вперившись глазами, как сумасшедшая.

— Скажи! — Требует она, пока остальные уже готовятся наброситься на колдунью, посмеявшуюся так схватить Алешу. — Ответь мне! Или не сдержусь... скажи, ты ведь знаешь, что я не виновата?

— Ты не виновата. — Безразлично и сухо отвечает мальчик.

— Я рада. — Продолжает Айва счастливым тоном. — Пронзи мое сердце, мальчишка! Я отдаю его тебе, отдаю тебе свою жизнь! Возьми ее, чтобы попытаться заполучить силы, которые ты никогда даже не мечтал заполучить!

И Алеша все больше проникается словами колдуньи, уверенный в своей силе, а теперь, желая получить в свои руки и ее колдовство.

— Ты не врешь, ты не можешь. — Проговаривает мальчик с остатками сомнения.

Он быстро убеждает себя в том, что колдунья не лжет и готова действительно отдать ему жизнь. Тем легче мальчику принять, что все теперь вокруг смотрят на него с искренним, преданным чувством, с настоящей любовью. Софья, которая даже в глаза его не знала до встречи, теперь готова сделать все, что угодно, лишь бы только угодить его желаниям.

— Не можешь. — Повторяет мальчик с холодным, задумчивым безразличием. — Хорошо. Что я должен сделать?

Айва подходит ближе, нежно обнимает мальчика, долго смотрит в его глаза и заботливо гладит челку, а затем прижимает Алешу к груди.

— Просто возьми мою жизнь, — шепчет она, — как только я лягу поудобнее.

Старик долго не может побороть скованность. Застыв, он стоит на коленях, опираясь на руки, глядит в землю, и от напряжения зрачки в глазах старика дрожат, а тело не двигается. Дослушав, он решается действовать. Колдунья уже все решила и остановить ее не хватит

времени, ветер больше не приносит ее голос, а у города собралось войско, чье терпение истекает. Нужно что-то сделать, но именно сейчас тяжелее всего старику решить, что именно.

Наконец, сжав губы, став хмурым, сдвинув брови так сильно, что кожа между ними встает горой, волшебник рисует печать обеими руками и вдруг начинает утопать прямо в земле, пока не скрывается в ней с головой.

— Раз не желают торопиться к нам с ответом, — прерывает воевода тишину, поселившуюся ненадолго на холме, — так мы того добьемся. Еще одну!

Стрела уже готова, послание крепко привязано у наконечника, а зоркий стрелок уже встает на колени, готовясь по приказу натянуть тетиву.

— Пускай, родимую! — Отмахивается богатырь.

Стрелок кивает, набирает воздуха и уже натягивает тетиву, как вдруг из-под земли перед ним вырастает в полный рост волшебник.

— Ох, ты ж! — Пугается стрелок.

Он случайно выпускает стрелу, заваливается назад и падает на спину. Длинная стрела с острым наконечником ударяет старику в грудь, но вместо того, чтобы пронзить ее, с глухим звоном отлетает в сторону.

— Демонюга! Нечистый! — Бросаются воины богатыря вперед, чтобы защитить от неприятеля. — Держи! Бей!

Старик выставляет перед собой руки и успевает их остановить.

— Стойте! — Выкрикивает он мощным, сильным голосом, которого от старика никто бы ждать не стал.

И все, замаявшись, останавливаются. Впрочем, обернувшись к воеводе, дружинники видят, как он кивает, давая им разрешение послушать старика. И волшебник, увидев эту реакцию, вздыхает и продолжает уже тише, спокойно и неторопливо.

— Не драться я с вами вышел. — Говорит старик. — Да и сами вы должны бы понимать, что не лучшее время сейчас появляться в городе целому войску, пусть и небольшому.

На волшебника все глядят зло, но бросаться вперед без приказа никто не решается. Старик медлит, сложив руки за спиной, он одну за другой торопливо рождает печати, стараясь, чтобы никто этого не заметил.

— Беда в городе. — Продолжает волшебник, стараясь тянуть время. — В самом княжеском доме. Беда великая. Да с такою бедою и большее войско не справится, потому как беда эта не обычная.

— Хватит сопли жевать, нечисть. — Буркает сердито воевода. — Говори по делу, чего надобно.

Старик вздыхает.

— Чего же тут поделаешь? — Отвечает он. — Затем я и пришел.

Волшебник торопливо заканчивает вызывать одну печать за другой, как тут же они, вспыхивая, растворяются в воздухе. Последней он начинает рисовать печать, которая заметно отличается от других. Она гораздо больше, гораздо сложнее, и требует больше времени и сил. Старик умудряется рисовать печать обеими руками одновременно, но едва успевает, и продолжает тянуть время, проговаривая слова медленно.

— Затем я и пришел, — повторяет старик, выигрывая мгновения, — чтобы предупредить. Нет вам нужды идти в город, чего бы вы ни желали. Ежели к князю

пожаловали, то ему сейчас все равно не до того, а ежели по-другому делу....

— Старик, — перебивает воевода, — ты тратишь мое время.

— Я лишь хочу сказать, — поклоняется волшебник головой, — что следует вам остаться и подождать здесь....

Вдруг, старик изменяется. Вся почтительность из его лица пропадает, он поднимает суровый взор, полный решимости и недовольства, а за спиной волшебника, в его руках уже тает вспышкой последняя нарисованная печать.

Старик медленно разводит руки, заставив всех опасливо отшатнуться, а сам поднимает глаза, направляя к земле широкие ладони.

— Потому как стрелы пускать вам все равно без пользы.

Воевода снова не удерживается.

— Ах, ты падаль колдовская! — Достает богатырь огромный меч. — Да я тебя....

Старик внезапно падает на колени, ударяет ладонями в землю, и вся дружина внезапно проваливается в землю, увязая в камнях по пояс.

Поднимается гам. Тут же начинают сердито кричать воины, обещая достать старика, мимо пролетает топор, задев плечо, но ранив несильно, а прямо перед лицом в камень ударяется лезвие бердыша, но тут же отскакивает в сторону.

В земле все увязают прямо вместе с конями, от которых торчат лишь беспокойные, испуганно ржущие головы. Однако вскоре воевода замечает, что волшебник никому не причинил вреда, хотя самого его дружинники поранить умудрились, пусть и не тяжело.

— Тихо! — Приказывает богатырь.

И быстро дружина стихает, даже в такой миг верно служа воеводе, даже кони скоро перестают ржать и успокаиваются, будто бы повинуюсь богатырскому приказу.

— Кто ты такой, старик? — Спрашивает воевода уверенно, без тени страха или волнения, когда и сам он, и вся его дружина увязли в земле и не могут сойти с места.

— Не прими за грубость, — спокойно отвечает волшебник, — но того знать тебе не нужно.

— И чего же ты хочешь? — Продолжает богатырь. — Говори, или же отпусти, а иначе, не будет тебе покоя, пока сердце мое бьется.

— Умерь свой гнев, витязь. — Спокойно отвечает волшебник, не боясь рассердить воеводу или его дружинников. — Кто знает, однажды, может, будем в одном ряду стоять против неприятеля, а сейчас в городе вам делать нечего. С князем все свои дела решайте тогда, как только он снова будет принадлежать самому себе, а не чужой воле, а пока что ждите, иного выбора у вас все равно не остается. Скоро все уже решится, скоро колдовство рассеется, тогда и наступит ваш черед войти в город, а до тех пор стойте, ведь дальше идти я вам не позволю.

В то же мгновение богатырь взывает по-звериному яростно, ударяет ладонями в землю еще сильнее и рвется из земли. К удивлению старика, опоясывающие воеводу камни начинают вздыматься одновременно с ним, так что даже старик не удерживает изумления.

Воевода продолжает рваться из земли, но с каждым мгновением все меньше верится в его успех. И лишь в выражении старика до последнего сохраняется удивление.

— Не о чем вам беспокоиться. — Заговаривает старик успокаивающим голосом. — Не враг я вам, не колдун, не нечисть. Прислушайтесь, все равно другого вам не остается.

Воевода снова начинает рычать, как зверь, но теперь уже тихо, не беспокоя слух. Вновь он пытается вырваться, но не может и, наконец, успокаивается.

— Скажи, витязь, как тебя величать. — Спрашивает волшебник.

Богатырь медлит, сначала молчит, но потом, яростно хрипя, все же отвечает.

— Святогор.

— Святогор. — Повторяет старик. — Знатная сила тебе досталась.

Старик успевает приметить необычную силу воеводы, а услышав его имя, повторяет вслух для того, чтобы запомнить и умолкает. Затем он поворачивает голову в сторону города, ожидая вскоре увидеть свет, означающий, что затея колдуньи окончена и только ждет.

— Ох, демоненок! — Отпускает колдунья мальчика, еще раз смачно чмокнув на прощание прямо в губы. — Какой же красавец!

Не отрывая глаз, Айва отшагивает назад, легким взмахом ладони заставляет кубки и тарелки слететь со стола, а затем спокойно ложится, продолжая с легкой улыбкой, таящей грусть, смотреть на мальчика.

— Гораздо красивей без этой черной дряни.

Алеше в руку лично князь вкладывает серебряный кинжал, повинуюсь желанию мальчика, а тот даже не обращает внимания, будто все так, как и должно быть. Князь молча уходит, а Алеша становится рядом с колдуньей, но кинжал не поднимает, вдруг заинтересовавшись.

— Черная дрянь? — Спрашивает он, проявляя к колдунье заметно больше интереса, чем ко всем остальным, включая князя и молодую княжну, с которой мальчишка еще не провел даже брачной ночи.

— Ну, это..., - начинает Айва, но отмахивается, — а есть разница?

Мальчик вдруг нахмуривается.

— Отвечай. — Велит он угрожающе, но с тем же холодным безразличием.

— Ну не дуйся, чего ты? — Детским тоном отвечает колдунья. — Ты их все равно не видишь. Да и я уже не вижу. Наверное, твоя сила так действует.

Мальчик напрягается впервые за все время, которое провел в княжеских палатах. И если слабые выражения иногда проявлялись на его лице, то настолько сильного за это время не было ни разу.

— Как ты можешь не отвечать?! Ты должна отвечать! — Хватает мальчик Айву за горло, угрожая кинжалом. — Ты должна!

Айва даже не сопротивляется, и это обезоруживает мальчика, ведь Алеша знает, что колдунья легко могла бы заставить его вертеться над землей одним лишь взмахом ладони. Только если бы пожелала.

— Это лишь след проклятия. — Спокойно отвечает колдунья. — Но я же знаю, что тебе до этого нет дела.

Алеша не отвечает. Он не знает, что сказать, но не двигается, продолжает держать Айву за шею, держа у горла серебряный кинжал.

— В сердце, мальчишка. — Говорит колдунья тихим, ласковым голосом, осторожно поправляя кинжал. — В сердце.

Алеша все равно не двигается, продолжает стоять рядом, с кинжалом в руке, но выражение на его лице скоро меняется. Выпрямившись, мальчик опускает руку и другой гладит Айву по щеке.

— Ты плачешь.

Колдунья продолжает бормотать и ласково улыбается, поднимает руку и теплой ладонью укрывает его щеку.

— Ты хочешь этого. — Бормочет мальчик тихо, но повторяет громче. — Ты правда этого хочешь?

Айва кивает, но молчит. Алеша больше ничего не спрашивает, больше не сердится и лишь задумчиво смотрит на колдунью. Остальные тем более молчат, боясь пошевелиться и влюблено, но с испугом постоянно оглядываясь на мальчика, а время в молчании замирает.

— Я не виновата, это я все....

Алеша же, не дослушивая, хладнокровно вонзает в грудь колдуньи серебряный кинжал. Взгляд Айвы успеваает на миг задержаться на лице мальчика, а затем она всасывает с тяжелым хрипом воздух и замолкает. Кривая, некрасивая улыбка, неподходящая к очаровательному лицу, застывает в выражении колдуньи, и больше Айва не двигается.

Кажется, будто бы это происходит внезапно, резко, словно ничего не предвещало гибели, но вот, Айва каменеет, и во взглядах окружающих отражается непонимание, и даже самому Алеше, наверное, застывший миг кажется неожиданным. Хотя, если бы Айва могла видеть черные нити проклятия, то знала бы, что за ними теперь уже невозможно разглядеть мальчика и даже хотя бы его взгляд.

Все застывает вокруг. Но только на миг. А следом, мальчик уже спокойно вытаскивает из груди Айвы кинжал, а она вдруг поворачивает голову. Вдруг с тихим сопением из груди Айвы вырывается последний выдох, задержавшийся дольше положенного. Силами волшебных чар, он приобретает различимые черты, но не дает собою долго любоваться, вытягивается острым штыком и пронзает мальчика насквозь, застывает и отламывается от воздуха, тонким ручейком вытекающего из носа и рта колдуньи.

— По..., - проговаривает мальчик, теряя силы, — почему?

Айва улыбается.

— Потому, мальчик, — говорит она легким голосом, пока воздух маленькой дымкой сочится из ее носа и рта, — что жизнь сама по себе ничего не стоит.

Айва окончательно застывает. Остальные не успевают ни пошевелиться, ни двинуться, ни даже понять, что случилось. Заметив магию колдуньи, бояре и стражники, княжна и даже сам князь наверняка бросились бы к мальчишке, чтобы закрыть его собой, но уже поздно, и никто даже не знает, что происходит. Последний вздох Айвы, покинув ее грудь, вдруг застывает над телом колдуньи небольшим облаком.

Не проходит и мгновения, как облако с треском раскалывается на множество осколков и все они тянутся бесчисленными иглами, толщиной с песчинки. Мальчик еще жив, еще видит, что перед ним, но уже бессилён противостоять, уже ничего не может успеть, пронзенный в грудь и переживающий свои последние мгновения.

Все осколки разом пронзают мальчишку. Остальным едва удастся их заметить. Тысячи игл, тоньше нити, одновременно пробивают тело мальчика, вырываясь с другой стороны всплеском крови и превращаясь в кровавое облако. А затем тут же пронзают его снова, вонзаясь в спину.

Алеша не может двинуться. Застыв, он так и висит на прошивших его насквозь осколках, и всего за какие-то мгновения, пока кровавое облако выбрасывается с одной, а потом с другой стороны от мальчика, от него почти ничего не остается. Как-то вдруг в теле Алешы появляется огромная дыра и кроме рук, ног и головы у него уже ничего нет, а всего-то прошло несколько мгновений, как мальчик вытащил нож из груди колдуньи.

Облако растворяется, но еще никто не успеваает разразиться плачем, оторопев от страха и еще только начиная сознавать происходящее, как вдруг, из раны колдуньи тонким лучиком

вырывается такой мощный поток света, что мгновенно всех слепит. Бояре, стражники, князь с дочерью, слуги — все отворачиваются, жмурясь и закрывая обеими руками глаза, теперь боясь увидеть снова этот яркий свет и вдруг ослепнуть.

Свет разливается по всему городу, и тут же наступает тишина. Его видят даже дружинники, ждущие на холме, когда волшебник их отпустит.

— Что это там? — Прищуривается стрелок.

За ним и дружинники приглядываются, стараясь понять, что они видят. Только старик не торопится обернуться. Отчего-то он взглядывает с опаской на воеводу и лишь затем поворачивает голову, не отрывая от земли ладоней.

Волшебник остается спокоен. Трудно угадать, что за эмоция возникает теперь на его лице, но выражение старика опять становится холодным и мрачным, разве что нельзя назвать его бесчувственным.

— Скоро земля вас отпустит, так что нечего вам страшиться. — Говорит старик, постепенно исчезая под землей и больше не поднимая голову и не показывая своего лица. — И помните, немного таких, ради кого она вновь раскрывает свои объятия.

И волшебник исчезает, оставляя воеводу с дружиной задумчиво вглядываться туда, откуда неудержимым, слепящим потоком льет свет, даже здесь больно режущий глаза, если их не щурить.

В хоромы князя неразберихи еще больше, чем снаружи. Внутри тишина царит долго, и никто не решается открывать глаза, все еще видя перед собой эту слепящую белизну, оставшуюся после вспышки. Только когда внезапно раздастся младенческий крик, не остается никого, кто бы не открыл глаза и не обернулся в ту сторону, где еще недавно лежало тело колдуньи.

Детский, звонкий плач заставляет лишь больше ужасаться. В сарафане, в котором последние дни ходила колдунья, плачет ребенок, а тела мертвой колдуньи нигде не видно.

Софья, дочь князя, раньше других взглядывает на ребенка, не выдержав и обернувшись на звук его плача. Она еще только приходит в себя, но память уже наполнена жуткими воспоминаниями, которые и сейчас пугают так сильно, что княжна не сдерживает ужаса. Застыв, она смотрит, не в силах пошевелиться, но ее голова заметно дрожит, как у старухи, которая уже почти не управляет своим телом.

— Ну все, не реви. — Тихо, успокаивая, говорит старик, покачивая на руках маленькую девочку, и вздыхает. — Что же ты сделала?

Не обращая внимания на других, он выходит за порог. Его и не преследуют, все до сих пор еще находятся под действием чар и смотрят с неудержимой тоской на растерзанное тело Алеши, а волшебник спокойно проходит хоромы, проходит длинный коридор, выходит на улицу и, встав у порога, всматривается в лицо младенца, быстро успокоившегося в его руках.

И снова он повторяет тихим, ласковым, но печальным голосом.

— Что же ты натворила, Айва?

И после, вместе с девочкой, старик вязнет в земле, пока не утопает в ней с головой, а когда очухиваются стражники, до головы вкопанные в землю, вокруг никого уже нет, и когда в город возвращается с дружиной воевода, никто не отвечает ему, куда пропал загадочный старик.

Все — будто дурман, растворяется миражом пустых слухов.

Шумиха в городе долго не утихает. Люди галдят, кричат, носятся по округе, но затем почти все собираются у дверей княжеского дома, чтобы ждать ответа от самого князя.

В город, тем временем, осторожно, не торопясь, даже с опаской входит дружина Владимира Милосердного во главе с богатырем-воеводой. Они идут с окраины и первым же делом замечают здорового кузнеца, на которого воевода сразу обращает внимание.

Кузнец сидит один рядом с булавой, лежащей на земле в аршине от ближайшего прилавка. Огромный, сильный на вид, он тяжело дышит, отирает вспотевший лоб, и воевода замечает, что рубаха кузнеца, промокнув, налипла на его мускулистое тело.

— Чей будешь? — Грозным, но спокойным голосом спрашивает воевода.

Кузнец поднимает глаза, но ведет себя уверенно.

— Да чей? Местный я. Кузнецом работаю, сколько себя знаю.

Воевода оглядывается, замечает толпу людей дальше по улице, и снова оборачивается к кузнецу.

— Чего народ встал?

— Да вот, — устало взмахивает кузнец, — знать желают, чего с дочкой княжеской. Умерла, говорят, а ее только днем видали живехонькой.

— А ты?

— А чего я? — Улыбается кузнец.

— Чего здесь? Али за княжну не страшишься?

— Да чего ей будет? Болтают, как обычно. Народ у нас простой, вот и верит в сказки всякие.

Богатырь взглядывает на булаву и никак не может понять, отчего кузнец так вспотел в одной рубахе в такой холодный день.

Оружие выглядит странно. Присмотревшись, воевода замечает сколы, вмятины, вздувшиеся бугорки и необычные письмена на булаве. Прищурившись, он узнает в письменах старый язык, и пусть сам воевода с ним не знаком и прочитывать не может, но этого достаточно, чтобы пробудить его интерес.

— Твое оружие, кузнец? — Слезает богатырь с коня.

— Мое.

— И где ж ты старому языку выучился?

Кузнец оглядывается на булаву, не сразу поняв, о чем речь.

— А, вон ты о чем! Не я ковал, но оружие мое.

Пауза виснет всего на миг.

— Сколько просишь? — Вдруг спрашивает воевода.

Кузнец долго молчит, потом рассмеивается, потом успокаивается, но улыбку прогнать с лица не может.

— Хе, а давай так, — ударяет кузнец по бедру, — ежели над головою ее поднимешь, я за так ее и уступлю, а ежели не осилишь, так и приставать не будешь. Что скажешь?

Воевода снимает меч и протягивает в руке за спину. Тут же один из воинов подхватывает оружие, напрягается, чтобы удержать и взваливает на спину коня.

— За так, говоришь? А не жалко?

— Хех! — Рассмеивается кузнец. — Да ты, видать, не знаешь, о чем говоришь, мил

человек! Не жалко! Ежели поднимешь, так я тебя еще и медом вдобавок угощу.

Воевода подходит ближе, становится над булавой, но только начинает гнуть спину, как голос кузнеца его останавливает.

— Как зовут-то тебя? Скажешь?

Воевода хмурится, но отвечает спокойно.

— Святогор.

— Ну, давай! — Беззастенчиво хлопает кузнец воеводу по плечу. — Покажи, Святогорушка, на что горазд!

Дружинники все разом нахмуриваются, но воевода оборачивается и одним взглядом прогоняет с их лиц недовольство. Сам он вздыхает, разминает плечи, нагибается, берется за рукоять булавы одной рукой, напрягается и поднимает оружие над головой.

Кузнец отшатывается, медленно поднимает руку и хватается за лицо.

— Вот эт да! — Протягивает он.

— Значит, булава теперь моя, а, кузнец?

Кузнец успокаивается, берется руками за бока, опускает голову и начинает улыбаться.

— Силы тебе не занимать, богатырь. Ты, видать, сам того не знаешь. — Продолжает он улыбаться. — Да только вот слово я держать не стану.

Воины хмурятся, но богатырь остается спокоен, опускает булаву и легко удерживает на весу.

— А булаву я тебе не отдам, — договаривает кузнец, — пока ты со мною меда не напьешься.

Святогор не успевает ответить, как кузнец уже заговаривает с его дружиной.

— Эй! Молодцы! — Громко кричит вспотевший кузнец. — Всяк, кто булаву поднимет, того медом буду поить, хоть весь день!

Тут же кузнец снова оборачивается к воеводе, с силой ударяет того по плечу и рассмеивается.

— Брось ее прямо тут! — Говорит кузнец. — Сам увидишь, ничего с нею не станется! А пока твои молодцы будут тут потеть, идем, я, как говорил, медом тебя напою!

Святогор лишь на миг заминается, но отчего-то проникается к кузнецу доверием. Толпа продолжает галдеть у княжеского дома, так что все равно придется ждать, когда князь освободится, придет в себя и разберется с людьми, так что воевода оставляет булаву прямо на месте, как и велел кузнец, а сам идет за ним следом. И никому до его возвращения так и не удастся сдвинуть оружие с места.